Карболитовое Сердце

Алексей Игоревич Павловский

SHOUT
SHARE
IT

- Павловский Алексей Игоревич
  - Жизнь настоящего финика
  - Долгая смерть поэта
  - Самые длинные спасы
  - Пельмени из трёх зверей
  - Вода Митридата
  - Дама и её багаж

Павловский Алексей Игоревич
КАРБОЛИТОВОЕ СЕРДЦЕ

Жизнь настоящего финика

С раннего утра, тяжко вздыхая, бабушка шумно шаркала туда-сюда под дверьюи как бы в никуда жаловалась на жизнь. На часах натикало всего девять, но надежды поспать не было никакой. Он хорошо знал эту поступь судьбы. Первые полчаса Филин, не отвечая на системные запросы, приводил себя в порядок, постепенно всплывая в мир живых. Уже в ванной, с трудом открыв левый глаз, Ваня увидел в зеркале неподобное и ухмыльнулся: «Выходной, говоришь? Х-хех…»

Оказывается, давно подошёл срок на квитанции зоомагазина за сданную туда пальму. Нужно вот только пойти и обогатиться, прямо сейчас. Нет, один он ничего там не поймёт, потому что надо несколько вопросов насчёт квитанции задать. А она одна не дойдёт, и назад с рынка продукты не дотащит. Будущее Вани рисовалось лютым и неминучим, как в приговоре Особого Совещания, но по мере наступления оказалось не таким уж и страшным.

Зоомагазин занимал подвал кинотеатра «Аврора», за метро, в гостевых кварталах. Трамвай подошёл почти сразу, и через пятнадцать минут были на месте. Солнце светит, а сейчас ещё и бабло будет. И даже не в деньгах дело. Главное — закончится этот бесконечный роман с пальмой.

В позапрошлом октябре на Профсоюзную улицу прямо перед Палеонтологическим музеем плюхнулся индийский дирижабль. Под Калугой его атаковали пираты залётные, но храбрые индусы кое-как отбились. Немедля после этого воздухоплаватели обнаружили, что медленно и величественно падают в унылые лесные неудобья, в самое сердце среднерусской возвышенности. И не поймёшь, кто там в этих подозрительных буреломах набольший и как там чиниться. Надрывая моторы, сыны Ганди понеслись к гостеприимному Тёплому Стану — ближайшему приличному месту на двести вёрст вокруг. Тем более что тамошний Князь уже горло по рации надорвал, предлагая помощь.

Всю дорогу «Чакраборти» терял газ через решето пробоин. Гелий в баллонетах кончался. И в баллонах тоже. Тогда третий помощник снял фуражку, перекрестился и зарезал чёрную курицу на прозрачную пластину с замысловатым рисунком, со сковородку размером. Эту пластину, мутнеющую вокруг капель крови, дед ловко воткнул в картридж воздушного фильтра. Через минуту разбуженный демон Максвелла взревел и, пожирая сотни киловатт, выплюнул в баллонеты струю гелия, водорода и прочих

лёгких газов, отфильтрованных из окружающего воздуха.

Но груз всё равно пришлось сбрасывать. На Троицк на парашютах спустились двадцать тонн картошки и три вооружённых сикха для продажи корнеплода.

Прямо над МКАДом заклятый кривым индийским кодом демон с жутким хохотом развоплотился, утащив к себе в ад курицу, фуражку стармеха и саму мембрану с заклятием, весьма недешёвую, кстати. Пилоты забегали, крича «Кали Ма!» и «Ай Вэй!». В панике летуны сбросили большую часть груза, хотя спокойно могли сесть на остававшемся газе. По большей части добро успешно спарашютировало на Профсоюзную и Тюленева, но несколько контейнеров столкнулись в воздухе, и на район обильно выпали кеды, индийские шмотки, пряности и много сухофруктов, в том числе и финики. Говорили, что выпало некоторое количество гашиша, но это вряд ли — в описи груза ничего такого эдакого не значилось.

Целую неделю вокруг дирижабля шумела ярмарка. На районе висел крепкий дух корицы и карри, палок-вонялок и всё-таки ещё чуть-чуть припахивало гашишом. Бабки Тёплого Стана массово повязали цветастые индийские платки, а юноши вместо семок вкушали финики, миндаль и сушёное манго. Но вскоре праздник теплостано-амритсаарской дружбы подошёл к концу: долгопрудненские аварийщики залатали белую тушу «Чакраборти» чорными заплатами, так что дирижабль стал напоминать далматина. Купцы собрали раскиданные по городу ящики с товаром, списав невеликие потери, а из Троицка на автобусе прикатили три весёлых сикха в новеньких ватниках и свитерах с оленями: малорадиоактивная незаражённая картошка разошлась влёт.

Под гипнотические звуки «Арии индийского гостя» воздушный корабль ушёл на запад, растаяв в небесной вышине. Тёплая публика ещё полдня покрикивала «хинди-руси пхай-пхай» и толклась у метро. Филин ел финики из газетного кулька с индийской рекламой бханга, а косточки, как воспитанный человек, клал в карман. Вечером Ваня поставил одну проращиваться.

Знай он, на что подписывается, он бы тот милый росточек соседке-татарке подкинул, чтоб страдала.

Закалённое радиоактивными ветрами Аравии, в теплостанской кухне растение быстро освоилось, упёршись в потолок и растопырило на полкухни грабки колючих листьев с острыми шипами. При попытке нарушить личное пространство древо немедля теряло душевное равновесие: вместе с ведром оно размашисто падало на нарушителя, норовя что-нибудь тому

выколоть и отдавить. В бабушкиной кулинарии на почётном месте всегда было масло, так что пальма быстро стала жирной, а поверх жира заросла пылью. И было совсем непонятно, когда эта дура собирается давать желанные вкусные финики.

Для консультации бабушка под предлогом ремонта розетки вызвала электрика Бахтияра из бункера за Ашаном, как человека наиболее близкого к финикам. Помимо основной работы тот ещё приторговывал на Теплостанском Рынке лимонами, куревом и самыми разнообразными саженцами. Походив вокруг, понюхав и позыркав из глубин бороды и дредов, электроботаник сделал вполне очевидное заключение:

— Хороший финик. Настоящий финик.

— А поконкретнее? — поинтересовался Ваня — Что он настоящий, я и сам знаю. Я его ел.

— А я под ним жил. У деда в имении за хоздвором целая роща таких была. Феникс дактилифера, то есть финик пальцатый. Он же — настоящая финиковая пальма. Лет через пятнадцать станет десятиметровый и будет давать финики. Двести лет будет давать финики, а вырастет до тридцати метров. Только надо ещё одну пальму рядом посадить, мужика, а то у них опыление перекрёстное. Слушай, Ваня, а когда с пальцами — это пальцатый, да?

— Пальчатый. Но пальцатый финик, пожалуй, даже круче. Слушай, Бахтияр-эфенди, если этот финик такой пальцатый, забери его к себе. Сегодня у нас акция — доставка бесплатно.

— Нельзя мне финики, Ваня. У меня потолок в бункере — всего семь метров. Это тебе здесь хорошо: пробил перекрытие к соседям вверх или вниз — и пальма дальше растёт. Лет через пятьдесят будет у всего дома в кухне своя пальма. Финики свои, опять же…

Немудрено, что уже вечером того же дня, а было это в конце декабря, пальма была решительно водворена на заднюю площадку трамвая, невзирая на визг вагоновожатой. Так и ехали: все с ёлками, а Филин и бабушка — с пальмой. В зоомагазине финик равнодушно задвинули на реализацию в тропический лес, занимавший западную часть подвала. Многого не обещали.

И вот прошло три месяца с гаком, и на дворе апрель-месяц, и повсюду пахнет матушкой сырой землицей. А Филин и бабушка стоят посреди зоомагазина, а перед ними стоит их любимая пальма. Финик иссох, дополнительно запылился побелкой с потолка, но вытянулся преизрядно. Ваня прикинул, что пальму придётся класть по диагонали кухни, иначе никак. В целом по весне джунгли в магазине погустели, раскрыв свои объятия навстречу человеку. Из-за кадки с алоэ в самой чаще на этого

человека с аппетитом пялился всё тот же неопрятный варан, изрядно разжиревший с декабря.

Над знойным пейзажем мушкой вилась маленькая приветливая продавщица. Она была так рада, так счастлива лично встретиться с хозяевами этого… удивительного растения! К сожалению, пальмочка не продалась. Так что забирайте, всё с ней хорошо, вон, подросла-то как, милая. Даже бабушкины мольбы, посулы и угрозы не подействовали. Забирайте и всё, доброго вам дня.

Без денег, но под пальмой, злые и озадаченные, бабушка с Филином стояли с краю небольшой площади перед киношкой, с того угла, где камер поменьше. Филин курил самокрутку и с тоской думал о пиве, потому что от мыслей о финике воротило с души.

Бабушка же глядела по сторонам хмуро и оценивающе, что-то прикидывала. Похоже, её внутренний полководец, проиграв битву, собирался всё же выиграть войну. Оставив внука тосковать под сенью пальмы, старица величественно удалилась в ближний перелесок, к истоку Очаковки. Из насаждений она явилась через пять минут волшебно преображённой. Свою куртку бабушка вывернула на оранжевую сторону, цветастую нижнюю юбку переодела наверх, а голову лихо повязала цветным платком. Завершающим штрихом стали тёмные очки на поллица, с трещиной — из лесу, вестимо.

— Иди-ка ты, внучек, пива своего дурацкого попей, а я тут пока… — Её голос полнился нотками, вызывающими доверие и желание отдать деньги. Ваня ещё только шёл к автопоилке в павильоне метрошного входа, а старица уже загарпунила некоего беспечного подростка. Пошатываясь с опорой на две трости, она нависала над несчастным, угрожая рухнуть вот прямо тут.

— Мальчик, ты пионер? — вопрошала она проникновенно. Что бы там ни отвечал мальчик, это ничего не меняло.

Через пять минут, когда Филин вернулся с кружкой газировки с сиропом, красный от натуги пацан уже затаскивал ведро с пальмой на крыльцо аптеки «Русский Фармовар» Бабушка, тяжело опираясь на палку, придерживала дверь, а потом вдруг спохватилась:

— Ох, а палочка-то моя где? — Одна бабушкина трость так и осталась прислонённой на лестнице кинотеатра. — Давай, пионер, заноси пока, а я сейчас!

Бабушка аккуратно прикрыла дверь за тимуровцем с пальмой и тихонько, а потом всё быстрее и быстрей двинулась за палочкой. Цапнув трость, она пулей пронеслась мимо внука к лесу, подняв своими одеяниями ветер. Рыча «Ходу, ходу!»

пожилая дама с хрустом вломилась в густой подлесок. Через минуту с другой стороны из посадок на улицу Тёплый Стан вышла уже привычная Филинова бабушка. Не мешкая, она остановила трамвай, вскочила на заднюю площадку и скрылась прочь, со звонками и электрическими искрами. Шпионка — это на всю жизнь.

И лишь тогда с лязгом распахнулись двери аптеки, и на улицу запоздалой пулей вылетел яростный провизор, длинный и нескладный. Пока он вглядывался в городские дали в поисках коварной старицы, за его спиной крался прочь давешний пионер, бочком-бочком, да и припустил к метро. На бегу отрок снимал с себя значок и галстук: хватит на сегодня тимуровских подвигов.

Обнаружив бегство свидетеля, нерасторопный фармацевт в бессильной злобе врезал по двери, рассадив тонкую медицинскую длань. Тоскливый вой распугал воробьёв у крыльца столовой:

— Твари! Я вас найду! Я вас всех найду!

За спиной провизора в стеклянной витрине аптеки слитной стеной зеленели фикусы, алоэ, каланхоэ и пальмы. В основном, конечно, настоящие финиковые пальмы.

«Эх, финик, — подумал Ваня. — Вот ты и выпорхнул из родимого гнезда. Ну, среди своих тебе всяко веселее будет. А ты, фармацевт, держись!» С тем Филин отпил газировки.

Но роман с фиником вовсе не был окончен. Через месяц поутру в Ванины двери стучали. Два взопревших городовых стояли по сторонам могучего древа, лежащего подобно мачте погибшего корабля.

— Гражданин Филин! — Сказали городовые. — Вы узнаёте свою пальму?

— Это он! — Поражённо воскликнул из-за угла побледневший провизор, прятавшийся до того в лифтовом холле. Мент, который побольше, неторопливо вынул из планшета целую кипу квитанций, распечаток и фоток, завёрнутую в газету «ЗОЖ». Со всем этим в охапке правоохранитель угрожающе-весело забубнил:

— Тэ-э-экс… Значит, гражданин хороший, вот это счёт за эвакуацию, вот — за складские услуги. Эта бумажка не нужна, за доставку можно заплатить лично мне, с весенней скидкой. Ах, да! — Городовой вынул ещё одну пачку листов. — Вот ещё протокол происшествия, подписать здесь, здесь, и вот тут…

Ментовские заходы бывают разные, некоторые просто-таки поражают своей изощрённостью и коварством, однако самые тупые, корневые предъявы были сформулированы ещё стражниками Северных врат Вавилона, и за много тысяч лет не поменялись ничуть. Кого-то здесь, похоже, держали за лоха

ушастого. Ну-ну.

Внимательно слушая, Ваня быстро допил кофе и с аппетитом сжевал вынутый из стакана лимончик. Старая арестантская чуйка подсказывала, что в ближайшее время никто ему кофию ему не предложит, и лимона не подаст.

За Ваниной спиной пошатывалась в ходунках бабушка, и по ней было видно, что старица глуха, слепа, и вообще, вот только дверь сейчас за гостями притворит — и умрёт.

Звякнув ложечкой, Филин поставил подстаканник на стул.

— Да что вы в самом деле, граждане начальники! — Ваня приветно раскинул руки, в который раз уже, словно хотел всех обнять. — Да, было дело. Вот то, что вы показываете — это я на видео, так точно, а вот мой любимый финик. А вот и цыганка подходит, злыдня! Нагадаю, говорит, тебе удачи, а пальме — дорогу дальнюю. Ты пока за пивом сходи, а я пальму-то постерегу. Потом бах — и ни старухи, ни фикуса, а в руках газировка, вон на записи видно. Мистика. НЛП.

А насчёт этого бревна — так оно не моё. Цыганка подменила, у них такое запросто. Вот, у меня в квитанции магазинной русским языком по белому написаны особые приметы: пальма настоящая, 225 см. А у вас тут метра четыре, не меньше! Знакомых отметин на стволе не наблюдаю, а ведро у нас было красное и с необколотой эмалью. На видюшке оно какое? Ах, камера чёрно-белая? Какая досада…

Да вы, господа начальники, не убивайтесь так! Лично я давно смирился. Финик мой наверняка уже подрихтовали, перекрасили, да и продали в Ботанический сад, толпе на потеху…

Именно на этих словах Филин серой тенью вылетел в вечерний полумрак переулка, распахнув собой заднюю дверь полицейского околотка.

На пятом кругу сказки про белого бычка всем стало очевидно, что Ване ничего впарить не удастся: ни единой пальмы, ни даже фикуса, ни кактуса поганого. И взять с него тоже нечего, кроме головной боли и беспорядка в помещении.

Городовые, смертельно утомлённые тасканием деревьев, просто выкинули Филина прочь, словно жертву полицейского произвола, хорошо хоть наручники сняли. Не любят сложных клиентов — вот раскрываемость и хромает. При таком подходе вообще непонятно, зачем полицаи вписались за эти мутные фикусы.

Поднявшись, Ваня с достоинством отряхнулся и пошёл в булочную. На этом финик окончательно попустил Филина. Но самому растению ещё предстояли разнообразные приключения.

В конце апреля слухи о ботаническом казусе достигли ушей самого Князя. Его высочество, давясь весельем, выкупил у

провизора аптеку вкупе со всем буреломом, да и в зоомагазине дебри проредил. Счастливый фармацевт тотчас улетел на лечение в Вену.

Новообретённые джунгли князинька живописно разместил по всем шести этажам «Принц-Плазы», своей резиденции, а опустевшее здание аптеки с выгодой перепродал — без леса внутри оно мгновенно подорожало.

Настоящие финиковые пальмы встали вместо пластмассовых на минус первом этаже, под световым колодцем во все шесть этажей вавилон-центра. На диво иностранцам. Вот только именно Ванина пальма в эту рощу уже не влезла — банально не хватило места. Её пересадили в кадку и приткнули к посту охраны на Западных воротах.

Несколько месяцев начальник княжей СБ товарищ Соколов сверлил стройное растение взглядом, что-то внутри себя прикидывая.

Финик меж тем страдал от недостатка света и ещё от того, что охранники втихаря мочились ему в кадку, чтобы не покидать пост. Затем однажды во тьме ночи Начальник подогнал к чорному ходу «Принц-Плазы» орудийный лафет, и через пять минут укутанный в брезент настоящий финик уже скакал за «Уралом» по мглистым буеракам Калужского шоссе. Впереди пальму ждала светлая жизнь в Зимнем Саду Начальника, в его имении «Элизиум». Если по карте, то это с восточного края самостроя на плацдарме «Коммунарка». Коллеги же попросту называли имение «Садом Нерадивого Управляющего».

Однако, как и положено в драме, этот последний переезд окончательно подорвал здоровье настоящего финика. На новом месте он за считанные дни иссох и помертвел.

Товарищ Соколов потом жаловался другим товарищам на подлое дерево. Мол, пока ворочал неподъёмную кадку, все руки оттянул, как обезьяна, да ещё поясницу сорвал. А этот гад возьми и сдохни, и вонять стал люто на всю оранжерею. А как вытрясли из кадки — таким аммиаком шибануло, словно этот суккулент год под себя ходил. Короче, подсунули мне растение-зомби — внезапно заключал свою речь далай-безопасник. А про себя добавлял, что вовек больше не станет воровать у князя. По ходу, этот кибернетик стал вживлять такие модули в своё добро, чтобы ты его украл — а оно тут же в руках в дерьмо превратилось.

Так финик погиб. Но дело его жило и живёт. Фармацевт, — не станем называть его по имени, — после своего бегства в Вену прошёл курс интенсивного психоанализа, принял обильные ванны в Баден-Бадене и почувствовал себя просто-таки новым человеком.

Посвежев, провизор выкупил у еврея-старовера долю в «Ангельской аптеке» на Богнергассе и зажил в тихом блаженстве. Осенняя Вена, усыпанная золотой листвой, ласкала взор и слух: машин в малолюдном городе было немного. Лишь иногда по соседней улице звенел трамвай, столично и благородно. А в Тёплом Стане фармацевт обречённо просыпался в пять утра от сытного угара дизелей: окна съёмной бытовки выходили прямо на автовокзальную площадь.

Под сенью мраморных и мозаичных святых крыл посреди аптеки тускло сиял нержавейкой настоящий бауэровский фармгенератор, самой последней серии. Машинка была крохотная, едва ли больше концертного рояльчика. Машинка могла всё.

Пока аппарат загружался, сопел и причмокивал, фармацевт как раз успевал выпить утреннюю чашечку кофе. Затем за каких-то полчаса он обслуживал всю утреннюю очередь, одаряя каждого — своим. Сегодня, например, фрау Тильда получила пакет молочной смеси, престарелая фройляйн Марта — свои десять разных пакетиков, всё согласно рекламе, а измождённые любители оперетты в тёмных очках — по грамму своих препаратов.

Тайминг испортили, как всегда, два поганца в дредах, которых, понимаете ли, не устраивает курительная смесь из генератора, и которые подавай натурального курева, чтобы как с белых яблонь дым, да чтоб не кашлялось, а лучше вон той ещё давай попробуем, кхе, махра, ну ладно, вот пожалуйста вот этого мне два грамма, битте.

На том утренние клиенты закончились. На Тёплом Стане провизор так ловко не управился бы. Ни за что. Русский фармовар ещё часа полтора бы хлюпал и вонял, от каждого заказа по своему. Армейский жестяной гробище в зелёной краске, да ещё управлять им через консоль. Через консоль! Графический интерфейс? Самоочистка автоклава? Нет, не знаем, что вы. Россия теперь казалась далёким страшным сном: грязь, вороны, собаки, коммунисты и попы, потом полгода всё под снегом, ночь и пальмы, пальмы, эти бесконечные долбаные пальмы…

После любителей белых яблонь надо было проветрить, и провизор пошёл к окну, и взвизгнул, и подпрыгнул: на подоконнике стояла она. Крошечная пальмочка. До крови закусив побелевшие пальцы, фармацевт с ужасом смотрел на крохотные вострые листочки, тянущиеся к нему из картонного пепсикольного стаканчика. Хотелось закричать, но горло свело спазмом.

Наконец, взяв себя в руки, аптекарь тигриным прыжком

выскочил в двери магазина и заозирался вокруг. Все уже разошлись, над безлюдной мостовой стелился угольный дым, пахло шоколадом. Аптекари и пекари встают раньше всех — прочие венские жители ещё спали. Над провизором роняли мозаику с крыльев два ангела на фасаде аптеки, рассеяно смотрели куда-то вверх, словно ничего тут не было, и ничего они не знают. А сами взгляд отводят…

— Я вас найду, твари! Я всех вас найду! — безнадёжно прокаркал фармацевт в серое небо. Он могучим затягом из сложенных ладоней, по-русски, докурил брошенный погаными анархистами пробник. В аптеку после этого провизор заходил аккуратно и в задумчивости. Фрау Тильда? Да ну. Те наркоманы? А сколько их было, вообще? Анархисты? Фройляйн Марта? А ведь старуха могла… Туда, туда камеру надо поворачивать, не на прилавок! На прилавке он и сам всё видит…

На подоконнике не было ничего. Ни пальмы, ни стаканчика, ни нескольких просыпанных крошек земли. Невесело подхихикивая, аптекарь запарил себе в фармгенераторе самых хитрых капель от головы и сел писать психоаналитику, мечтая о старой доброй кожаной кушетке и всепонимающем взгляде. Надежд на быстрое облегчение не было — на Венскую кушетку записывались за три месяца. Минимум. И даже на простую — за две недели.

Фармацевт не знал и не мог знать, что за пару минут его отсутствия по залу аптеки первым утренним дозором прошла уборщица, фрау Лёкбулон, с тряпкой. Заприметив юную пальму, добрая старица сразу схватила её мозолистыми пальцами и уволокла туда, куда чистая публика не ходит: на чёрную лестницу. По пути старая бормотала по-немецки: «Всё носют и носют…»

За узкой дверью чёрного хода лестничные марши поднимались светлым колодцем. И на ступеньках, и на подоконниках стояли, ожидая своего часа, фикусы и алоэ, денежные деревья и кактусы, лимончик и, конечно же, пальмы, ещё четыре настоящих финиковых пальмы.

Вот такая мрачная история получилась. И чтобы не оставлять читателя в горестном недоумении, намажем здесь хэппи-эндом от другой истории, да погуще намажем.

В старые добрые крепостнические времена, при славном царе Петре, на Урале процветали владетели Демидовы. Патриарх рода, горнозаводчик Акинфий Демидов, был весьма плодовит, и по всему Уралу боровичками расселись крепкие промышленники Демидовы, как бы не десяток.

Как и положено в большой семье олигархов, время от

времени то один, то другой брат-Демидов принимался чудесить. В основном широко, солидно, по-купечески просто. С разворованными подрядами и итальянскими певицами, угнетёнными крепостными, благотворительностью и даже вроде бы с фальшивой монетой — этим ещё сам папинька Акинфий отличился.

И так же, как это обычно бывает, один из братьев удался потише прочих, но и побезумнее. Рядом со своими Соликамскими соляными варницами Григорий Акинфиевич Демидов выстроил избы с большими окнами, да с прозрачными крышами, да много. Там вдохновенный солевар, млея душой, принялся разводить всяческие фикусы и гибискусы. Так в Империи возник первый нормальный ботанический сад, не бедняцкий аптекарский огород, а именно ботсад.

Скоро во глубине Сибирских руд кустилось уже с полтысячи разных растений, были и такие редкости, от которых все ботаники плакали навзрыд. Григорий активно менялся гербариями с другими учёными и переписывался даже с самим Карлом Линнеем. Ну и если кто из местных бабок попросит саженец или отросточек — Григорий Акинфиевич не откажет, это всем было известно.

Но всё хорошее когда-то заканчивается. Хозяина выписали в Питер. Не прошло и ста лет, как однажды зимой подзабытые оранжереи вымерзли — разом и навсегда. Скажем, форточку не закрыли, у нас это очень даже просто. Ещё через десяток лет уже никто и не помнил, где тот сад находился.

Лишь в советское время в Соликамск приехал некий краевед, надеялся отыскать у стариков что-нибудь о ботаническом Демидове. Обнаружил он удивительное: на южных подоконниках чуть ли не каждой избы, там, где бабки обязаны содержать уставной фикус, герань и алоэ, здесь вились, кустились, торчали и шевелились те самые невероятные растения, от которых все учёные вновь заплакали навзрыд.

Так к чему же это всё? Да к тому же, что бабульки крутят этим миром как своим хвостом!

Долгая смерть поэта

01. Геоподоснова

Как ни странно, самой большой проблемой оказались ботинки. Нормальных сапожников на Теплаке не было, все мастера норовили шить модельную обувь. На Китай-Городе евреи драли втридорога, а хитрованы хоть и предлагали нулёвую обувку, ещё старого времени, со складов, но стоила она как крыло от самолёта. К тому же за хорошие коркораны запросто могли пристукнуть за гаражами, а при покупке никто не гарантировал, что нитки не погнили. И что? А то, что на заброску Ваня пошёл в валенках с калошами, как дурак. И одну калошу потерял.

Именно на этот бункер Филин возлагал особые надежды: здесь царила великая сушь. В шкафчиках он даже нашёл вполне живые, почти не ношенные берцы, но на два размера меньше нужного. Боты тут же хищно цапнул Рамен, которому они были на три размера велики. Мол, на носок носить стану.

Теперь обломавшийся Филин глухо матерился, подставляя покрытые скверной руки под кран. За вычетом дизелей и вентиляции в бункере работало почти всё, даже вода была. Скорее всего. Во всяком случае, труба издавала гулкие предсмертные хрипы, и вот уже забулькало, и в этот момент древний охотничий инстинкт отбросил Ваню прочь от раковины. Тотчас в белую эмаль ударила густая ржавая струя, размётываясь по сортиру вонючими брызгами. Запахло дерьмецом. Обтекая, Филин поразмыслил, что хуже ему уже не будет, потому что и так весь покрыт скверной поверх одноразового комбеза. Он принялся мыть руки — вода уже светлела. И даже мыло есть!

Через десять минут Ваня, сменивший комбез, был чист и свеж, и почти не пах трупом. Тот, кто собирал здешних мертвецов, был лентяй и чистюля, никого не обыскал. В результате Филину пришлось переворошить целую гору скверны. Конечно же, в одиночку — Рамен предсказуемо откосил от сомнительной чести.

Все, поголовно все были больны Румынским смехом первойволны — видно по синеватым негниючим прионным нитям в основании черепа. Но померли не от смеха, а от эктоплазмоза, спорами которого был обильно заражён бункер. Филину обе заразы были по барабану, потому что у него был нормальный медицинский модуль, а вот древнему Рамену с его отсталым железом Ваня с удовольствием вколол конскую дозу убитой

эктоплазмы в тыльную часть организма. Зелье было на масляной основе, и старичина орал, как потерпевший.

Железо у мёртвых стояло антикварное, и даже не у всех. Гемофильтры, такие здоровые гильзы латунного цвета, в бедренной артерии, модели «мой любимый тромб». Процессоры аж с кулак, с гравированным Железным Львом. Медблоки с прозрачными стеклянными картриджами. Пустыми. Всё такое красивое, тёпло-ламповое — и такое бесполезное…

По результатам обыска Ваня получил несколько связок ключей, в том числе и от вожделенного второго блока. На той же связке был ключ от третьего камерона. Вместо сокровищ Тутанхамона в камероне обнаружился сортир, в котором Филин теперь отмывался.

Помимо всякой забавной мелочёвки обнаружились два ржавых пистолета, все в жутких зеленоватых разводах. Один «Грач» годился только на запчасти, а вот ТТ-шку Филин планировал привести в чувство. Один ТТ у него уже был, но что-то вдруг захотелось побегать с двумя стволами, как Николас Кейдж в художественном фильме «Без лица».

Завернув вонючие трофеи в пищевую плёнку, Ваня направил стопы во второй блок, на склад, где счастливый Рамен копался в ветхих бумагах.

— Ванюша, ты даже не представляешь, что это… Раньше диггерьё могло за такие бумажки убить! Или страстно отдаться. — Рамен пытался шутить, но его колотило от возбуждения. Он даже нюхнул безбрежные сизые простыни схем и немедля звонко чихнул, подняв клубы едкой пыли. Редкие седенькие космы взметнулись и опали.

Филин поправил респиратор и угнездился поудобнее на скрипучем конторском стуле. Подумав, добыл из-под стола табуреточку, чтобы ноги закинуть, и перегнездился. Старого явно пробивало на потрындеть. А Филин что? На то и Филин, чтобы слушать. Время есть. Тем более что ни в бункере, ни в подходняке никого нет.

Иногда диггер начинал бесить, но Ваня напоминал себе, что один бы он спалился если не сразу, то на том, третьем датчике в вентстволе — уж точно. И слушать надо, потому что иначе старичина забухает, что на заброске — недобро. Рамен, воздев узловатый палец, изрёк:

— Это геоподоснова!

— Ну, за ней, собственно, и шли. — Филину как-то не передавалось стариковское волнение. — Повезло, конечно…

— Дурилка ты, Ваня! Вот, смотри, тут всё одно на другое наложено. Они под конец смотрели, что у них вокруг, наверху и

внизу. Интересовались. — Рамен неприятно хихикнул в бороду. — Вот прямо над нами кабельник, чуть в стороне — похоже на метро, а вот эта штука, на секундочку, на отметке двести пятьдесят. А там — речка подземная.

— У нас есть подземные реки? Как в Чехии? — Филина учили быть приятным собеседником.

— Вы, наружные, такие все дикие! — Усмехнулся старый диггер. — Карста под Москвой нет, двадцать метров самый большой. Это обычная речка, убранная в коллектор. Чичорра!

Филин аж вздрогнул от неожиданного пиратского клича, но сообразил, что это название реки. Может, Чичёра какая-нибудь? Каррамба! Где-то через полчаса, нежно закруглив беседу, он пошёл смотреть, слушать и думать. Вслед ему из-за гермодвери высунулась клочная диггерская борода:

— Они неподъёмные! Три рулона схем этой геоподосновы!

— Да хоть десять. Жди меня, и я вернусь. — Когда Ваня сворачивал в коридор, в недрах склада что-то с оттягом шлёпнулось об пол, а Рамен победно простонал:

— Пять рулонов! Здесь ещё что-то из архива Мострансметрогипростроя! И папки!

— Только очень жди!

Филину было совершенно не понятно, что такого можно найти под землёй, чтобы задержаться здесь хоть на минуту дольше, чем нужно. Душно, пыльно. Хоть сухо, хоть мокро — попить не найдёшь. Путей отхода никаких. Мертвецы. Откуда у диггерья этот огонёк в глазах?

Обшитый железом коридор упирался в незапертую гермодверь технического отсека. Внутрь вела тропинка грязных следов, туда же шёл толстый, с руку, кабель — в недрах отсека пряталась водооткачка. Уже после гибели бункера некий геройский ликвидатор запитал насосы снаружи. Третий и шестой блок оставались незаражёнными, и дренаж был нужен. Сейчас там, за забутовкой, были склады и вроде бы до сих пор жили некие агорафобы. Оставалось надеяться, что туземцы не заметят внезапный расход воды и электричества.

В огромной тёмной дизельной знакомо пахло старым тленом. Со временем этот запах становится тонким и изысканным. Фонарь высветил титанические дизеля и генераторы, наполовину утопленные в бетон, цистерны для соляры и масла, — безнадёжно пустые, — и ещё много чего. Прежде всего побитую жизнью телегу-рохлю — вот на чём те рулоны к стволу везти! Железный трапик вёл наверх, на второй этаж к двери с надписью «дизелисты».

За простреленной с обеих сторон гермодверью обнаружилась

слесарка со станками и верстаком. На столе стояли чашки, чайник, даже коврик у дверей имелся. Чай в открытой пачке был уже негоден — вот гадство! Мимимишное впечатление немного портила скверна на стуле в углу. Из разлезшейся чёрной груды желтели кости.

Филин уже сто раз работал под землёй, но от всего вот этого вот по-прежнему ощущал тянущую безнадёгу. Запертое изнутри бомбоубежище с неработающей вентиляцией. В подходняке слой грязи в палец. А ну-ка угадай, что там внутри? Если не затоплено — всегда одно, и этого не развидеть. А затопленное ещё и откачивать придётся — тоже работка…

А то ещё бывает, убежище — натуральный склеп, все ужасы ночи, а при этом мимо скверны в пыли подметена тропинка к водооткачке, и насосы — новенькие и работают. Потому что контракт, или потому что дренажка объекта общая с какими-то ещё живыми сооружениями… Ну, почти как здесь.

Логично, что последний в конце концов оказался именно у генераторов. Всех остальных этот невмиручий затейник аккуратно рассадил и разложил в кабинете начальника объекта, щедро залепив дверь скотчем.

Рамен считал, что чувак сошёл с ума, а Филин стоял за личные счёты и санитарию. Наверное, сидел тут, пока не остановился дизель. Может, даже дождался, пока сядут аккумы. Да всё одно же: вот пистолет, вот бурые брызги на стене.

До самого конца бедолага тянуть не стал — в уголочке мастерской нашлись маленький генератор и полканистры бензина. Филин возликовал, так как ненавидел физический труд. Впрочем, он и умственный недолюбливал. Пистолет Ваня прибрал, кстати. «Макаров» тоже сгодится, на халяву-то.

Дальше было просто. Тарахтел зловонный генератор, ныла лебёдка, плыли наверх по вентстволу любовно упакованные рулоны, а счастливый Рамен бухтел снизу в рацию, что не коридор, а ходок, причём грузовой ходок, и не отсек, а блок, причём технический. И учись, учись, салага, а то всю жизнь наверху просидишь.

Ночь. Первый глоток мерзоватого московского воздуха пленителен, сладок и бьёт по мозгам как спирт. В этом воздухе озон, запах снега, угольной гари и непременного дерьмеца — всего этого, кроме дерьма, внизу и близко нет.

Старый Рамен щурился, как кот, испытывая своё извращённое диггерское удовольствие. Он не раз говорил, что у диггера два кайфа: залезть в подземлю и вылезти из подземли.

Буквально через минуту после звонка во двор зарулил грузовой каракат из гаражей в Мамырях — любимая отработала

чётко. Из пурги членистоногим ангелом спустился коптер с камерой, потребовал свежих аккумов. Тра в синем комбезе чортиком выскочила с водительского сиденья, мигом перещёлкнула летуну батареи, и только потом обняла Ваню:

— Филин, ты тупица. Ты у меня в кузове калошу посеял…

Коптер свечкой ушёл в метель — смотреть дорогу. Ещё через две минуты у неприметной вентиляционной отдушины в чреве мёртвого дома не было никого.

02. На районе

Со смелой Трой на каракате Рамен расплатился сразу по прибытии на район — не было резона впутывать деву в остальное. И делиться остальным тоже резона не было. Во мраке ночи, кряхтя и попукивая, они вдвоём с Филином перетаскали добычу в стариковскую берлогу в девятиэтажке, змеёй изгибавшейся через весь пятый микрорайон.

Тотчас диггер вежливо, но решительно выпинал Ваню прочь. Почёсывая репу, тот постоял под дверью и послушал, ожидая, видимо, какого-то бурного извращённого соития с чертежами, но старичина шуршал, чихал да мерзко скрипел карандашиком — в общем, занимался старой доброй архивной работой. Олдскульной аналоговой архивной работой, тёплой и ламповой. «Ну и хрен с тобой, золотая рыбка!» — позавидовал Филин и, закрутив лихую самокрутку, отправился домой, спать.

Три ночи — собачий час. На улицах Тёплого Стана никого, фонари тлеют вполнакала через один, а Филин идёт себе в пятне солнечного света: ближайшие фонари просыпаются, светят лучиком ему под ноги, а потом задумчиво глядят вслед, пока вновь не задремлют.

Бесконечные ряды девятиэтажек слитно сопят тысячами носов, в основном сопливых по зиме. В каждом подъезде непременно кашляет на кухне кто-нибудь древний и ветхий, вспоминая за кофием, как эти девятиэтажки были совсем-совсем другими. В которой было двенадцать, а в которой и все двадцать два этажа, и именно в эти верхние этажи чаще всего прилетало при артобстреле.

Панельные дома оказалось проще разобрать, чем чинить, к тому же панели были позарез нужны для устройства блокпостов и заграждений. Князинька решительно подстриг весь район под девять-десять этажей, а чтобы народ не тосковал, перекрыл дома деревянными мансардами-теремками. Город стал экзотичен, словно росли себе унылые советские строения, а потом все вдруг

спохватились, вспомнив духовные скрепы, да и расцвели махровой грибной берендейщиной.

По конькам и наличникам весь Тёплый Стан стал густо покрыт резными-расписными сиринами, горгульями, шакти и лениными. Так князь трудоустроил до батальона беженцев, всех, у кого руки не из задницы. Бежали от румынского смеха, но, как известно, не убежал никто, и творчество выживших было донельзя сюрреалистично. Для многих сюжетов даже славно, что всё вырезано мелко и на уровне десятого этажа. Однако, теплостанские резчики теперь повсюду славятся. Как обычно, княжьи дела дали обильные причудливые плоды.

По другой стороне улицы в сторону метро брели, опираясь друг на друга, два Очаковских дембеля, ДД и Сугроб. Пышные аксельбанты на ушитой форме ослепительно сверкали в пятне фонарного света. Там, у метро, в круглосуточном «Му-му» можно было ещё добавить, и даже прилечь. Пьяные соколы радовались штатской свободе и истошно орали на людоедско-фашистский мотив: «Новые пого-оны — старая снаряга, В роте новый командир и новая прися-ага!»

Сверху, из фонаря, за ними телевизионно следил квартальный Силантьев, ухмыляясь в усы. Парни давно уже наработали на всяческие грозные кары, но Силантьев ещё отлично помнил свой собственный дембель, и продолжал попивать кофий на боевом посту.

03. Крокодилы ходят лёжа

Отоспаться Филину не дали, и дверной звонок сверлом ввинтился в висок. Только и успел, подобно Дракуле, вскинуть скрюченные длани, а бабушка уже приветливо впускала в прихожую Рамена, угрожая чаем и оладушками. На часах было восемь. Все были неприятно бодры. «Вот обрежу звонок, как есть обрежу» — с усталой тоской подумал Ваня.

В миру диггер Рамен смотрелся последним теплостанским бомжиком, прямиком из Красной книги: бородёнка, псивое голубенькое пальтецо с торчащим синтепоном, ушанка, какие-то чуни рвотные, палочка да непременная «хозяйственная сумка-тележка» пугающих размеров. Про неё старый нежно говорил, что «эти идиоты с ней в метро пускают». Очевидно, через сумку в метро попало много ранее в метро не виданного. Сейчас вместилище бугрилось острыми углами, а наружу торчали лом и хвостовик метрового сверла для перфоратора. Зрелище не обещало отдыха.

Так и вышло. Филин едва успел одеться да умыться, а Рамен с бабушкой уже и чаю попили, и оладушков поели, и о делах поворковали (он деликатно приглушил их канал), и собрали всё к выходу. Когда им надо, эти старики такие быстрые…

Филину выдали оладушек в пасть, тормозок с обедом — в рюкзак, и попутного шлепка в тыльную часть организма. Не избежал он и ритуального обкручивания десятками метров бабушкиного шарфа. Шарф был немедля смотан на катушку витой пары и запрятан в пожарный шкаф.

Наличие геоподосновы меняло всё. Уж на что Рамен знал теплостанскую подземлю, но и он не ожидал, что достаточно в трёх местах подолбить, прокопать десять метров тут и пять — там, чуть-чуть подвзорвать — и вот он, прямой путь от подвалов кинотеатра «Аврора» до разбитой заправки у самого МКАДа.

Официально заправка считалась площадкой консервации техники. Там на асфальте ржавели несколько танковых корпусов, а также пара десятков буксируемых крематориев и аквааторов. За время третьего Румынского смеха эти адовы машины переработали две трети населения Теплака, а без них район и вовсе бы обезлюдел от заразы. Теперь в этом мрачном месте даже вездесущие пацаны не играли.

Прямой путь от центра на окраину оказался весьма крив. Любитель истинной прямизны ломанулся бы в «Аврору» напролом через кабельник — и обнаружил бы там до плеши датчиков. Вот что ты поделаешь с автономными датчиками объёма? Ничего не поделаешь.

На взрывы алюмотола, вопреки филиновым опасениям, никто внимания не обратил. Наверное, привыкли на Теплаке к подземным взрывам. Или же коммунальщиками овладела хорошо оплаченная выборочная глухота.

А вот рукопашная проходка далась тяжко. Рамен притащил множество интересных предметов: совочек, тыкалки, надеваемые на ноги, спинку, чтобы упираться, и даже дощечки для крепи, второй ходкой. Так, на спине, перебирая ногами по-велосипедному, чуть больше чем за сутки Ваня прорыл нечто длинное для ходьбы лёжа.

Поганый Рамен вновь отговорился слабосильностью, принёс жбан портвяги и тупо отсутствовал, так что оттаскивать землю пришлось тоже самому.

Когда работа была завершена, всего полторы пяди дерьмобетона отделяли товарищей от подвалов «Авроры». Путь проходил через кабельники, дренажку, подвалы, через разбитую бомбяру, рабочую бомбяру («здесь идём ти-ихо и не тронь тот геркон!»), и даже несколько метров по старой фекальной

канализации. Ваня не уставал благодарить Господа, что большая часть подземли была сбита воедино ещё в войну, когда люди тут месяцами жили.

Тёплый Стан явил смелым все чудеса своих недр, кроме подземной речки. На том землекоп положил язык на плечо и отправился спать.

04. Ограбление века

Рамен вновь нарисовался через три дня и приволок с собой некоего Крыса, румяного отъевшегося мужика с громким смехом. Зачем им толстый Крыс, Филин не понял, решив о том не думать до поры.

Дальше всё было стандартно: сто метров шарфа, обед с собой, сухонький клевок в щёку и шлепок по заднице. В щель закрывающейся двери Филин заметил, что бабушка его крестит. «Ой что-то решится сегодня.»- подумалось Ване. Да это и так очевидно было.

У подземного перехода к метро, помахивая сверкающим стетоскопом, солидно вышагивал доктор в шапочке и белом халате. На каждого прохожего он топорщил окладистую белую бороду, и без стоматологического флаера было уже не уйти.

За докторской спиной стоял казачий БТР с чёрно-фиолетовой Полистовской полосой, на его башне памятником самим себе красовались два казака. Обмотанные пулемётными лентами, как терминаторы, служивые сурово глядели куда-то вдаль. В сторону магазина, похоже.

Казаки появились на районе с месяц назад, после ротации на плацдарме за Вороново. Пришли на зимние квартиры. Теперь в каждом магазине на выходе толклись по два-три хмельных героя, все в лампасах, и рассказывали о своём героическом героизме. Насколько Филин знал, на Вороновском плацдарме ещё с весны действовало аппаратное прекращение огня, но кого волнует?

После каждой ротации в армиях окрестных государств на Тёплый Стан непременно накатывала мутная волна дембеля и дедов в отпуску. Всё-таки самое цивилизованное место на МКАДе: рынок, киноха, халявный вайфай. До сих пор князиньке как-то удавалось всех прибрать к присяге или сплавить. На Теплаке с вменяемого человека дембельский шик слетал, как с белых яблонь дым, за какую-то неделю, не больше. Паводок героев случался пару раз в год, и после каждого нашествия поседевшие кадровики и городовые дружно шли в отпуск.

Но Полистовские казаки целиком заняли старый кинотеатр

«Аврора» и были всерьёз намерены зимовать здесь именно в казаческом качестве. Так сказать, широко трактовали понятие союзнического долга. Перед крыльцом кинотеатра громадились дрова из заповедного Тропарёва, а рядом в полковом котлище варилось что-то с мясом. На антенне стоящей рядом чорной БРДМ-ки сушились портки.

Все знают, что жизнь в городе начинается, когда в него заходят гусары. Волоокие девы Тёплого Стана тех моторизованных венгров до сих пор с теплотой вспоминают да лайки им ставят. Только вот казаки — не совсем гусары. Как говорят трепещущие враги, русский казак — это смесь православия с мародёрством.

Не далее как вчера Филин наблюдал на рынке сурового пулемётчика, убеждавшего торговцев, что безопасность нынче стоит денег, или хотя бы скидок на картоху. Потому что так везде принято, и так же будет в Тёплом Стане! Вот только с местом боец ошибся: он не рискнул читать свою проповедь в галереях чистой «Принц-Плазы», и на ярмарке за ней тоже помалкивал — там-то каждый третий такой же бодрый и усатый, а остальные — бабки, которым вообще всё равно.

Течение толпы уносило бизнесмена всё глубже, пока он не оказался на самом Тош-Толкин Базаре, чьи сумрачные галереи рассекали кварталы-махаля и хутуны Узкого. Там, в глубине, торжище расслаивалось аж на четыре этажа. Путешественники рассказывали, что на верхних ярусах рынка всё черным-черно, а славянской речи не слышно в помине. И что там все сплошь в поясах шахидов, а один дружинник как заблудился, так и вышел аж в самой Фергане.

Из Тош-Толкина можно было годами не выходить на улицу, питаясь лагманом и мантами, подстригаясь, одеваясь, раздеваясь, зарабатывая и проигрывая деньги, а также переводя их в любую точку глобуса через княжеских хаваладаров.

Филин как раз приобрёл себе приличные берцы «Спецназ», ещё старых времён. Он отыскал их в дальнем закоулке третьего этажа, а на первом пламенно выторговал себе клёвую баранью ногу с курдючным жиром. Ваня расслабленно покуривал-трепался с Фаридом, мясником-халяльщиком, когда неподалёку, в соседнем ряду, началось казаческое выступление. Фарид печально указал топором на безобразия и негромко промолвил:

— Гляди, Филин, вот ведь свинья пьяная. Каждый день такие ходят, да? Хрен ему по всей морде, а не скидки!

Действительно, торгующим обществом в радиусе поражения казака внезапно овладел языковой кретинизм. Раскрасневшегося пулемётчика окружали совершенно ничего не понимающие

восточные лица, словно вырезанные из тёмного дерева. И отвечали ему, сочувственно кивая головами. Отвечали по-татарски, по-узбекски, по-турецки. По-вьетнамски. И не только. У пулемётчика появился неиллюзорный шанс заблудиться и выйти в Фергане — вот так и рождаются нездоровые сенсации.

И это всё там же, где только что Ване кричали: «Подходи, дорогой, груша — сладкий мёд! Вечерний базар!» И что будет делать градоправитель нашего болезненно многонационального города со всем вот этим?

Но это всё лирика. Близилось Дело. Назначение Крыса стало очевидно под землёй. В ключевых точках маршрута уже сидели маленькие аккуратные заряды — ровно столько, чтобы потолок сел, если вдруг потребуется. По стене тянулся солидный бронированный кабель, по тёмным углам шныряли датчики. У самого весельчака-подрывника обнаружился древний нетбук, к которому тот не подпускал, как альфа-самец к заду. Интересно, чем ещё можно управлять с этой невзрачной машинки?

Под землю заходили недалеко от кинотеатра через бомбоубежище 94-ой поликлиники, невзначай открытое. Присели среди груд фанеры и досок — кто-то тут столярил. Дальнейшие действия обрисовал не Рамен, а внезапно Крыс.

— Сначала ты, Филин, слушаешь всё, что можно, из-под самой стенки «Авроры». Прежде всего интересно, где и сколько казачков в подвале. Очень важно, чтобы никто не погиб. Дальше заземляемся, тщательно заземляемся, надеваем масочки-гайфоксовки, перчатки не снимаем. Я взрываю стенку, тачку перед входом и джеммер. Надеюсь, это отрубит электронику. Мы всё собираем, а ты, Ваня, всё так же слушаешь. И тикаем до самого МКАДа. На поверхности вторая треть денег капает на счёт, и расходимся. Могу потом желающих подвезти до Троицка. И даже советую. Окончательный расчёт после, когда дерьмо уляжется. Как-то так.

Дельный Крыс ещё немного подрос в Ваниных глазах. А что ржёт всё время — пусть, можно и потерпеть.

Филин расслабленно прилёг на земляной пол собственноручно прорытого шкурника, привычным усилием начиная загрузку. Матушку Сыру Землю слушать — не баранки трескать. Нужен хороший физический контакт. Выносные микрофоны вот туда на бетон и туда. Рамен, блин, можешь не егозить? Лучше вот эти вот колышки повтыкай, туда, подальше. А эту фигню на улицу через люк выкини. Только шлейф не передави.

Где-то там, под сердцем, Ванино ядро с царственной неторопливостью разворачивало павлиний хвост хитрых

программных микшеров, фильтров, спектроанализаторов. Потом всё это должно летать быстрой птичкой в нереальном времени — скажем, в боевой ситуации. На практике летало в точности как павлин. И вообще, для нормальной работы лучше было прилечь. В боевой ситуации, конечно же. Звуковой редактор неспешно протестировал имеющие ресурсы, нагло откусив половину оперативы.

Даже на холостом ходу процессоры начали печь подбрюшье. Жжёный западный мост отзывался ледяными уколами в бок. В консоль летела немецкая ругань об ошибках. Это надо претерпеть. Наконец с Ваней суетливо поздоровался как всегда опаздывающий розенталь-процессор, и стало можно работать.

Вдалеке в метро по перегонному тоннелю проехал мотовоз, чётким стуком обозначив всю подземную архитектуру. Осталось только совместить очертания с куском оцифрованной геоподосновы.

Грузовики и танк. За пять минут они достаточно точно прорисовали своим грохотом ближайшие дороги.

А вот в подвале старого кинотеатра за стенкой, и за ещё одной стенкой, вот так, работает стокиловаттная вентиляция, чётко рисует своим рёвом всё обширное помещение вентиляционной… Этот шум легко фильтровать, чтобы не мешал.

Грохот вентилятора как отрезало, и по коробам вентиляции сверху пришли неясные пока ещё звуки. Направленный микрофон, выкинутый Раменом наружу, принялся глазеть на окна кинотеатра, то в одно, то в другое.

Каждый чих, получив своё место в базе, бывал усилен, перемодулирован, обрезан по частотам, обжарен и подан с маслом на стол размышлений.

Через десять минут контакторы жгли кость Филинова черепа, гоняя по мозгу холодную мигрень, а стиснутые зубы ныли, но теперь на электрокарте здания и прилегающей местности были помечены красным аж тридцать четыре человека и синим — пять единиц всяких электрических глюкотронов. И все отметки Ваня с переменным успехом вёл и отслеживал. В учебке у него пятёрка по ведению была.

Большая часть казаков смотрела в малом зале «Голубую бездну» с семками и сухариками, кто-то нахваливал борщ в баре, многие дрыхли в фойе, а на третьем этаже некто плодотворно заседал в директорском сортире с глянцевым, судя по шуршанию, журналом — может, и сам атаман. На посту в подвале стояли всего двое, точнее, лежали и совокуплялись.

— Казак с казачкой? — Ваня не успел отключить усиление, и удивлённый голос Рамена как молотком в лоб ударил.

— Казаки-и! — взвыл Филин, — как есть казаки! Ну, один — кыргыз приблудный, что ли, акцент у него! К чертям гомофобию, заземляемся, пока они не кончили!

Каждый намотал себе шапочку из фольги, а специально оставленный хвостик закусил вместе с проводом, приваренным к стенной арматуре. На левой стороне специально для этого есть четыре электропроводных зуба. Надев прямо поверх фольги поношенную гайфоксовку, Крыс скомандовал:

— Все системы стоп! Три! Два! Раз!

За поворотом скромно бумкнуло, до налётчиков долетели крошки цемента. В образовавшееся отверстие Крыс метнул противогазную сумку — джеммер в ней, по ходу, был размером с голову младенца, слонобойный. Тьма.

Филин очнулся мордой в землю с проводом в зубах и пару секунд не мог понять, кто он и что он. Так всегда бывает после электромагнитного удара, хотя сознание уходит лишь на мгновение. На третьей секунде он уже врубал и тестил все свои системы, собирал выносные блоки, и уже полз в пробитую взрывом брешь. Провод на всякий случай не выплёвывал и продолжал прислушиваться..

Джеммер пробил аж до Малого зала, через два перекрытия, как-то очень уж люто. Кино наверху остановилось, половина народу вяло ползала по полу, некоторые просто лежали. Остальные быстро, как им казалось, бежали на улицу. Туда же, на улицу, бежали и влюблённые охранники из подвала. Перед зданием шумно горела машина — та, о которой Крыс говорил? Похоже, в тачке тоже был джеммер, и тоже не из слабеньких.

Филин для чёткой работы прижал эмоции медблоком, и потому с ледяным спокойствием наблюдал, как товарищи в четыре руки вскрывают старомодный дубовый гроб в центре захламлённого отсека.

Гроб был примечательный, боевой и заслуженный. На охватывающих поцарапанное вместилище латунных полосах слесарным штампом были выбиты названия десятков селений, от Великих Лук до Цевла. Замошье встречалось раз семь. Последними значились Калуга, Мамыри и собственно Тёплый Стан. Кем бы ни был этот Дракула-путешественник, но он в своём гробу исколесил полстраны. Заперто было аж на два хитрых висячих замка. Интересно, подумал вдруг Ваня, а изнутри хоть щеколда есть? Для переноски саркофагу привинтили восемь ручек от снарядных ящиков, и вокруг них морёное дерево было вытерто добела.

Крыс, не мудрствуя лукаво, пробил рядом с ручкой дырку для эндоскопа, глянул внутрь и сказал «ага», после чего в какие-то

секунды отхватил болгаркой кусок стенки. Через образовавшееся отверстие румяный умелец, сияя от восторга, вытянул длинный синий пакет на молнии — явно со скверной внутри. Внутри гроба, кстати сказать, стоял геркон на открывание и корабельная сирена. То ли каждый выход наружу сопровождался военно-морскими церемониями, то ли где-то стояла секретная кнопка. Но не суть важно. Крыс уже упихивал скверну в свой транс.

За похитителями следила целая гроздь безнадёжно палёных камер и датчиков. Жив был только геркон на двери — потому что туп. Через минуту наверху выделилась группа из пяти крепких дядек, и они галопом понеслись в подвал. Похоже, казачьи безопасники наконец-то уловили нерв момента. На двери изнутри очень кстати обнаружился засов, немедля Ваней запертый.

— Думаю, пора убегать. — Ровно сказал он. — Нас убивать идут.

— Да, да, бежим. — горячо поддержал Рамен, не отрываясь от интеллектуального занятия: надписи «caves.new» светосоставом во всю стену. Из залежей хлама по углам старичина извлёк несколько огнетушителей — они теперь злобно шипели вялыми струями во все стороны.

Окинув картину взглядом, маэстро добавил последний штрих: несколько охапок окурков, мусора и натурального дерьма были раскиданы в стороны из его бесценной «хозяйственной сумки-тележки». Так вот зачем старой её тащил!

— Пусть теперь анализируют, анализаторы анальные. Генетики… Ходу!

Крыс взорвал заряд перед носом преследователей, как раз когда те вышибли дверь. Через пару минут Филин спросил Рамена, не перестающего сеять дерьмо:

— А почему кавес? Чем кавесы не угодили?

— А потому что спалят всё!!! — загадочно ответил диггер и визгливо заржал.

Крыс оказался бережлив, и все остальные заряды не взрывал, а направлял в тележку к Рамену, вместе с датчиками. Под конец старой еле тащил ту сумку, а не влезшие устройства вереницей ползли за ним следом, как посуда в «Федорином Горе».

В Троицк Ваня не поехал. Уже к ночи, отмывшись, пожрав и переодевшись, он выбрался к метро за пивом, баллистолом и трубочным зельем. Во тьме, осаживая сугробы, сеялся первый весенний дождь.

Всё уже успокоилось, на площади прибрали и взорванную машину утащили в металлолом. Лишь два фургона телевизионщиков стояли у перетянутого полосатой лентой розового крыльца «Авроры». Невыпряженные телевизионные

лошади ели овёс из сумок, подвешенных на шею, топтались под дождём с ноги на ногу, щёлкая релешками. Перевёрнутый полковой котёл сиротливо лежал поверх дров. Поверх дождя пахло навозом, тротилом и горелой изоляцией.

Почти все сидели внутри здания, лишь у подземного перехода, неровно шатаясь, упорно буцкались двое пьяных. Городовой, обычно шныряющий поблизости, теперь мастерски отсутствовал. Боевитый казачок, обвешанный ленточками и медалями, всерьёз теснил большого плюшевого кота с розовым рюкзаком. Служивого удалось отвлечь сигареткой, но ничего внятного тот не рассказал. Последним ярким пятном реальности для урядника стал подрыв его БТРа на мине под Боровском.

Уже уходя, Филин мельком глянул на второго алконавта и с ужасом признал в грязном мокром коте давешнего подтянутого профессора-стоматолога. Знакомая борода топорщилась из плюшевой пасти животного, источая перегар, а вокруг были раскиданы флаера питомника по борьбе с грызунами, что на Варги. Боже мой, подумал Ваня. Боже мой, доктор, как низко вы пали! Вы же животное, доктор.

05. Пир духа

Денег на счёт капнуло преизрядно. Филин был доволен, а казаки нет: их надежды на сытные зимние квартиры рухнули. Общество не стало нанимать для охраны тех, у которых у самих не знамо кто украл не знамо что, да ещё с таким шумом. Казачество стояло на ушах неделю, а светлейший князь Теплостанский беспомощно разводил руками.

Воины попробовали то ли захватить, то ли пикетировать князинькину администрацию, но им аккуратно испортили два танка, а более внятных доводов казачество предоставить не смогло. Следствие по делу о похищении неизвестно чего успешно зашло в тупик… В конце концов поиздержавшаяся сотня откочевала зимогорить на Волгу. Танки увезли на трейлерах, любезно сданных в лизинг князинькой.

Закончился вечный март. Не верилось. Однажды в середине апреля, как попёрла зелень, Рамен вызвал Ваню для окончательного завершения дела.

От Филинова дома до церкви посёлка Мосрентген было минут двадцать — до перехода через МКАДов вал, по самому посёлку, за Салтычихинскую усадьбу и вот, за прудом стоит церковь. Сотни лет назад всем тут владела жуткая маньячка Дарья Салтыкова, вдова ротмистра, изведшая лютой смертью

сотни своих крепостных. Где-то вокруг церкви они все и похоронены.

Дошло до того, что злая помещица чуть не сгубила землемера Тютчева, по которому сохла, и дед великого русского поэта еле спасся с семьёй. Ещё Ваня любил втирать редким туристам, что именно вот в этом пруду Герасим утопил своё Му-Му. А потом его самого Салтычиха утопила там же.

И по пути Ваня праздно и спокойно размышлял о многом. Почему всё в этом деле вертится вокруг каких-то трупов? Как можно ещё более окончательно всё завершить? И, кстати, сколько денег капнет на счёт? Или же его закопают, ведь исполнителей положено убирать? Ну, в таком случае они от бабушки неслабо огребут…

А то вот ещё есть теория обращения темпераментов, мол, в критической ситуации характер человека меняется на противоположный. Флегматик в беде вдруг являет фонтан панической активности, а заядлый холерик вдруг действует холодно, точно и флегматично. Стоит надеяться, что второй пример — как раз про него, Филина.

Под праздные мысли Ваня проследовал мимо избушек, детей, бабок, рынка, гопников, цыган, медведя, гопников, развалин — кто бы мог подумать, что в девять утра в Мосрентгене столь оживлённо! — и по плотине меж усадебных прудов подошёл к церкви.

Храм Святого Василиска в Мосрентгене был стратегическим объёктом. Дело в том, что населённый пункт без храма — это деревня. Да что там, бывают деревни даже и с церковью. А вот если церковь есть — то это уже, может быть, село. Изначально в Теплаке была Варвара-Узорешительница на краю Тропарёвского заповедника — и всё.

Если же церквей две, то согласно Понятиям можно дерзнуть и объявить себя городом, и тогда всё завертится, и начнётся городская жизнь со всеми её мещанскими радостями, рынком, киношкой и котельными. Ну и с электричеством, да. Трамвай можно будет завести.

Так что однажды прозябающие при лучине мосрентгеновцы получили столь щедрое предложение от князиньки, что не смогли от него отказаться. Смутил их знаменитый княжеский бронебульдозер «Химейер» посреди центральной площади — именно там он остановился, проехав через здания поселковой администрации и «Райзембанка». Поводом к визиту послужили какие-то дешёвые политические предъявы сельского головы, не подкреплённые здравым смыслом. Уже никто и не помнит, что там было.

Некоторое время после референдума его высочество термоядерно именовалось «Князь Теплостано-Мосрентгенский и Мамырей». Как только ни коверкали этот титул несчастные иностранные послы — любо-дорого было послушать! Но вскоре владетель задёшево приобрёл усадьбу Узкое с руинами ещё одной церкви, и узостей в фамилию добавлять уже не стал, да и от радиоактивных титулований избавился, стал обычным Князем Тёплого Стана, таким простым и близким. Так Тёплый Стан стал городом о трёх церквях, и это было только начало.

Вместе с Мосрентгенским храмом князиньке достался его настоятель, отец Глеб. Давным-давно батюшка натурально упал сюда с неба вместе с дирижаблем, набитым полумёртвыми русско-украинскими беженцами из Торонто. Он тотчас переосвятил осквернённые руины ближайшего храма, Святой Троицы, в честь великомученика Василиска, и стал там служить. При первой же княжьих выборах в совет громады случился скандал до небес: по документам батюшка оказался мало что канадец, но ещё из Болгарской Православной Церкви…

Над священником сгустились межконфессиональные тучи, но тот уже организовал в Мосрентгене школу, типографию, починил тёткам из «Лизы-алерта» машину скорой помощи и в целом пустил корни. Тем более, что родом отец Глеб был с Урала, и заявлял, что в Израиле — был, в Канаде — был, а теперь завершил кругосветное путешествие и никуда от родных берёзок более не двинется.

Духовный мир наступил внезапно, с прибытием тяжёлой артиллерии. В Данилов монастырь к Патриарху пришёл с посохом и вещмешком запылённый Нафанаил, митрополит Врачанский, натуральный болгарин, похожий на истощённого Филиппа Киркорова. Он предъявил верительные грамоты и напомнил, что русские и болгары — братушки, обе церкви сёстры, и находятся в каноническом общении. И, кстати, Болгарская церковь сильно постарше будет.

Филиппа Киркорова очень хорошо помнили, и никто не стал спорить, себе дороже. Разъяснив свою точку зрения, Нафанаил снял себе комнатку прямо напротив ворот Патриархии, для напоминания, и назад в Болгарию уже не пошёл — по всей его Врачанской епархии фантогеновый фон зашкаливал за смертельные девять единиц.

Духовные люди всей страны, с замиранием сердца следившие за развитием событий, немедля потянулись в богобоязненный Тёплый Стан. Как-то все забыли, а тут вдруг вспомнили, что на автобазе у Голубинского лесопарка испокон веков была армянская часовня, да и сейчас есть. И вообще, уже не часовня, а

церковь, наверное. Потому что армянских батюшек на районе аж трое, и все без места, и все там уже служат.

Далее выяснилось очевидное: что на квартире у самого МКАДа как пели, так и поют свои псалмы неистребимые пятидесятники. Уже пятьдесят лет.

Потом ещё Древнеизначальная Первоправославная Катакомбная Церковь арендовала у города разбитую бомбяру на Варги и построила там свои древние катакомбы.

Суфии не строили ничего. Просто оказалось, что хозяин гостиницы в недостроенном бункере связи у Голубинского лесопарка — шейх, и всегда был шейхом. Однажды он экономно поменял две буквы в вывеске, и заведение «Токио» превратилось в «Текие», а с вершины бетонной антенной башни печально закричал муэдзин. Мегафон у сладкопевца княжеский воевода отобрал лично.

Разноверские предсказатели погоды с Тропарёвского капища довершали картину духовного процветания ежедневными прогнозами на форуме Теплака. С гороскопчиками.

В атмосфере небывалого духовного подъёма князинька охотно обременил святых людей налогами, арендой и благоустройством территории.

И вот теперь у самых ворот Святого Василиска в Мосрентгене обретался сам отец Глеб в сильных электроочках. Полноватый священник сосредоточенно красил ограду, провожая прохожих суровым взглядом. Духовный человек, опасный. А ну как сожжёт за несовершенство? Вот р-раз — и сожжёт!

Нет уж, Филину не к Святому Василиску, Филину дальше идти, в проулок между храмом и развалинами военной базы, сообразно полученным ганеша-координатам.

Там, метрах в двухстах от церковного забора, за плешиво зеленеющим полем косо торчал на опушке здоровый шатёр-типи, крытый оранжевыми парашютами. У вигвама невзначай ошивался Рамен. Ваня прикинул, что эксцентричное становище видно только с воздуха или с церковной территории, но не от жилья. И при чём же здесь церковники?

Пока Филин подходил, один из семи слышимых ему коптеров подлетел по своим делам слишком близко, и из недр Троицкого леса криво стрельнула ракетница. Ракетка, погонявшись для порядку за перепуганным летуном, принялась радостно нарезать круги в весенней лазури. Весьма серьёзно дело, если их уединение так берегут.

Пожав сухонькую клешню Рамена, Филин вошёл в шатёр и окончательно удивился. В глубине шатра работал Князь Теплого Стана Игорь Семёнович Первый, собственной персоной. Как на

портрете у метро, но с голым бледным торсом и с лопатой в руках. Хорошо хоть Шапку Мономаха дома оставил. Князь копал могилу. Без шапки и вблизи Князь подозрительно походил на диггера Крыса, обросшего окладистой бородой.

Посреди шатра у почти отрытой могилы стоял на репшнурах красный гроб. В нём лежал маленький Александр Сергеевич Пушкин, великий русский поэт. В тонких чертах восточного лица пряталась улыбка, роскошные кудри спадали на плечи сюртука. А сюртук-то знаком. И штаны. Всё это бабушка шила целую неделю. Филин ещё гадал, кто это будет ходить в костюме капитана «Титаника». И вот.

— Привет, Филин. Собственно, сам всё видишь. Завершаем начатое, а потом нас ждёт ещё много великих дел… — солидно изрёк князь, втыкая лопату в кучу земли, и добавил очевидное:

— Я князь. И, кстати, я уже наработался, теперь твоя очередь. У Николай Семёновича, видите ли, поясница колосится. И от батюшки помощи не дождёшься.

Ну это ясно. Лишь через пару колов времени Ваня понял, что Николай Семёнович — это, очевидно, старичина Рамен. Тот уже деловито глазел к Филину в яму, опершись на притащенную крышку гроба. Ровно в ту секунду, когда Ваня выкинул наверх последнюю лопату земли, из ниоткуда сгустился давешний мрачный отец Глеб, ведомый мистическим чутьём, и быстро совершил последние обряды.

06. Слово Князя Игоря на погребение Пушкина

Начиналось всё весьма логично, что редкость в наши психоактивные времена. За пару месяцев до Мытищинского согласия в центре Москвы шли тяжёлые бои. Третьего февраля Отдельная Красно-знамённая БТГ имени Ленина прорвалась к Кремлю. В Кремле по обыкновению сидели какие-то сатанисты-агностики, но суть в другом.

До Красной площади докатились два танка из пяти, с десяток разнообразных джихад-мобилей и бронеикарус. Это примерно половина того, что было вечером второго числа, остальные нечувствительно растворились в голодном чреве Китай-Города.

С наскоку овладев Спасской башней, коммунисты немедля получили обратку с башни Никольской — один из танков сгорел. Тут комбат Синицын понял, что дальше дороги нет. И пока выжившие воины палили с крыши ГУМа из всего, что у них было, Синицын выполнил Долг Коммуниста. Лично взломав Мавзолей, он расстрелял саркофаг из «Стечкина». Затем с маленьким вялым

Лениным на руках комбат впрыгнул в бронеикарус — и коммунисты были таковы.

Основная группа вышла к Раменкам, прикрытие отступило к диггерам в Солянские подвалы, но и не в этом суть. Важно то, что теперь Синицын и Ленин передвигались парой, как «мы с Тамарой — санитары». Где бы ни шёл комбат, всюду за ним катился красный гроб на колёсиках. Батальонная тактическая группа разрослась в Калуге до бригады, комбат, соответственно, стал комбригом, и молва о Ленине пошла.

Тут проснулись одесситы. Одесса поспешила дать ответ, чтобы не дай бог Донецк, Сумы или Гуляй-Поле… В общем, ответ был дан.

Уже сотню лет в первопрестольной шептались о Гоголе. Мол, в 1930-х годах при перенесении праха мистика из Данилова монастыря куда-то ещё недосчитались головы Главного Новоросса. То ли в тот самый момент её спёрли, то ли некто эксгуматоров опередил. Конечно, всё засекретили, однако же природа не терпит пустоты. В народе стали шептаться, что голова Гоголя играет бедного Йорика в одном из московских театров.

На подозрении были два черепа. Было доподлинно известно, что один из них — Гоголь, а другой — великий актёр Щепкин, но который из них кто — не ясно. На том всё ненадолго затихло. Лет на сто.

И вот в раздолбанную Москву прорывается паровоз с развесёлыми одесситами и составом донецкого угля. Одесситы бродят по стылым театрам, непрерывно строча в блокнотиках, делают селфи у рухнувших колонн Большого. Вскоре уголь уже распродан, припасы подъедены, и экспедиция едет домой.

Так в Одессе появился череп Гоголя. Надо сказать, одесситы пошли значительно дальше коммунистов: поместив главу поэта в драмтеатр, немедля Гоголя канонизировали. А чтобы разные Святые Николаи не смущали народ конкуренцией, горсовет вынес предложение записать новобранца именно «Святым Гоголем». На том и порешили.

Думается, всё это из-за Румынского Смеха. Переболели все, а Смех не щадит ни ума, ни нервов. Но это касательно имени. Сама же канонизация была крайне необходима и логична. Для легитимности. Черепов-то в Москве как собак нерезаных, и со временем только больше становится: чем докажешь, что это именно Гоголь? Да с таким же успехом я сам мог им свой собственный череп продать! Но раз Церковь согласна, тогда — конечно.

И вот подходим к Пушкину. Глава Святого Гоголя почивала в Одессе, а в Великих Луках уже волновались казаки, а именно

Отдельная имени генерала Дрёмова механизированная сотня Всевеликого войска Полистского. С танками и барахлом — до семисот человек. Неделю они митинговали перед двуединым вокзалом, кричали: «Мо-щи, мо-щи! Лю-бо, лю-бо!»

Дав народу прооораться, атаман всех построил и маршем довёл до Пушкиногорья, где благополучно извлёк из склепа Александра Сергеевича Пушкина. Поэт, правда, оказался без черепа и изрядно пограблен, причём о-очень давно. Ничуть не смутясь, казаки заказали у цирюльника голову мощеобразного вида и отправились гастролировать.

Александр Сергеевич в собственном гробу ездил на ископаемой БРДМ чорного окраса — по летнему времени мехводы менялись в ней каждые полчаса. На борту машины двусмысленно значилось: «Нам не дано предугадать, чем слово наше отзовётся». В бою поэта не раз посылали в атаку впереди всех, с привинченной к антенне хоругвью.

Ну и конечно, никто уже не удивился, когда Пушкин незаметно стал Святым Пушкиным. А я хоть и князь, но Пушкина люблю (тут Рамен ехидно проскрипел: «Да-а, мы все очень-очень любим Пушкина!»). Так что когда Сотня пришла на недельку в Теплак и осталась на месяц с прицелом зимовать, было уже примерно понятно, что делать.

Но разве ж это всё? Вон, в Виннице уже молятся на суржике Святому Пирогову, доброму доктору. Хорошо высушенный доктор двести лет лежит в подвале, а при Советах его ещё и отреставрировали. Так что в гонке умертвий на Пирогова сейчас основные ставки.

06. Думку думати

Уложив на место пласты дёрна, заговорщики сняли с шатра ткань и растащили шесты. Князь воткнул в землю табличку «Осторожно, мины».

— К вечеру пригоним мины, — ответил его сиятельство на незаданный вопрос, — а через пару лет снимем, как всё зарастёт. Хватит наших поэтов таскать. Потом тут скверик сделаем имени Пушкина, а вон там улица пойдёт к Мамырям. Но это потом.

— Подходите все в трапезную, — прогудел батюшка Борис, — Только по одному, и с разных сторон, чтобы внимания не привлекать. Праздник сегодня великий. И святому Пушкину свечку поставьте, мне казаки складень оставили.

— С ума все посходили. — Высказал очевидное Рамен, хоть и не очень понятно было, кого именно сейчас он имеет в виду.

«Была не была,»- подумал Филин и запустил думку. Бабушка говорила, что система барахлит и однажды просто убьёт её Ванечку. В чём-то она была права, то и дело думкины смеси просто с копыт валили зубной болью, а однажды вместо принятия важного решения сутки просидел в сортире, летя на Марс.

Но на этот раз повезло. Мысли распушили беличьи хвосты, собирая на статику ниточки слов, снов, намёков и улик. Смыслы открывали второе и третье дно, поворачиваясь невидными раньше боками.

Стало кристально ясно, что на суете вокруг поэта наварились все, причём он, Ваня Филин, меньше всех. Он просто получил много денег.

Рамен получил те же деньги плюс диггерское эльдорадо — геоподоснову значительной части города до каких-то запредельных глубин. И те мёртвые сухие бункеры, что они облазали за месяц, Рамен непременно обнесёт, все пять. Надо будет ему помочь, хочет того старичина или нет.

Князь же, потратив чуток казённых денег и поделившись мутными слухами, вскоре получил и геоподоснову, и благодарность диггеров (первым из московских правителей!), и стариной тряхнул. Да ещё и казаков обломал и спровадил с зимних квартир, толком не поссорившись, что в принципе невыполнимо.

А канадо-болгарский батюшка Борис выиграл вообще с разгромным счётом. Под то, чтобы похоронить поэта на святой земле, князинька без особого шума отдал Болгарской церкви весь пустырь до самого леса. И если раньше при словах «Святой Пушкин» священника одолевали корчи, то теперь вон уже и складень у казаков подрезал, глядишь, и икону ростовую закажет. Главное, чтобы лет через пять мощи не обрёл.

Даже казаки выиграли, потому что прекратили, наконец, своё позорище с гениальным трупом, и на кругу в Жигулях, турнув старого атамана, выкрикнули вменяемого, своего начальника контрразведки — в «Русской Правде» о том писали.

Ну а Пушкин? Бог его знает, как ему, мёртвому, но на третьей сотне лет в поле у лесочка лежать вроде как лучше, чем на чорном броневике с хоругвью по стране шастать.

Иван Филин сидел на брёвнышке, вдыхая запах талого снега и первых трав. Как бывает на выходе из удачной думкиной сессии, мысли в его голове роились неопределённые, но светлые, и хотелось сказать: «Эх, брат Пушкин…» И что-нибудь ещё эдакое добавить… Но, конечно, ничего такого он не сказал. Светило Солнце. Без куртки было совсем не холодно.

Самые длинные спасы

1. Собачий час

— Четыре часа ночи. Собачий час. — Ваня Филин ответил на звонок ровно и спокойно по трём причинам: (а) он был очень хорошо воспитан, (б) нельзя было будить так хорошо его воспитавшую и крайне чуткую бабушку и, наконец, (ц) он и не думал просыпаться.

— Открывай сова, диггер пришёл — голос Рамена звучал… даже сложно высказать как. Вот, говорят, «словно призрака увидел». Так вот Рамен, похоже, призрака не только увидел, но и попил с ним кофейку. По вычурности метафоры Ваня понял, что проснулся, и отвечал уже грубее:

— Четыре часа ночи, повторяю, четыре часа ночи! Что тебе открывать, двери восприятия или шкатулку с люлями?

— Двери, Ваня. И скорее. Я у тебя под дверью и мне кранты, а звонка у тебя нет. — От такой предъявы Филин проснулся в десять раз сильнее чем обычно.

Через три восьмых секунды он убедился, что за входной дверью, вжавшись в угол, действительно стоит старичина Рамен и меленько заполошно дышит. В комбезе поверх пижамки, в обвязке, пецлёвой каске с фонарём, с мотком репшнура, опершись на болторез, аки на костыль. В заснеженных махровых тапках. То есть диггер спасался, захватив лишь самое необходимое. Губы синие, сам бледный, как поганка. Старик на миг опередил кинувшегося к нему товарища, рухнув плашмя со звуком несгораемого шкафа.

2. Звонок другу

Ещё через несколько колов времени, порозовев, несчастный Рамен грел ладони о бадью сладкого чая и жевал неизбежную оладушку. На ногах у него были толстые шерстяные носки. Шагами судьбы из коридора приблизилась бабушка с градусником и, критично осмотрев фронт работ, повелела:

— Коленька, открой рот.

— Нет! — буркнул дед, не открывая рта.

Чего-то подобного бабуля и ожидала и, не лагая ни такта, перешла к плану «Б»:

— Коля, ляг животом на кушетку!

— Хватит, Борисовна! — взвился Рамен, стремительно пряча выхваченный градусник под мышку. — Ты меня своей заботой в гроб вгонишь!

Не став спорить, удовлетворённая бабушка села на край табуретки и стала сверлить старичину взглядом. А то, мол, намеряет себе невесть чего и завтра в школу не пойдёт.

Филин обожал смотреть такие сценки а-ля «вспомним детский садик». Поначалу ждал, что старые поженятся, или съедутся, или ещё что-то такое, но те всё ходят кругами, хвост торчком, глаза востры, и всех всё устраивает, пока в ящик не сыграют. В общем мудро. Но! Дело в другом!

— Давай уже, Рамен. Рассвет уже всё заметнее…

— Ладно. Где-то с час назад мне позвонила одна боевая подруга, Стрелка. Знакомы по подземной тусовке. — старый диггер хрустел костяшками пальцев, хмурил брови, соображая, как сказать.

— Блин, ну поздравляю! И что мне эта встреча старых друзей в ночи? — это Филин для порядку сказал («Не ругайся!» — скрипнула из угла бабушка), чтоб мысль старому направить. Ясно, что не всё так ясно.

— А Стрелка пропала двадцать пять лет назад. Ушла под землю где-то в центре — и всё. В розыск объявили — тогда ещё был всероссийский розыск. Диггера по всей Московской подземле спасы устраивали, одних жмуров шесть штук нашли, а её нет… — Глаза Рамена отсырели, паучьи пальцы обминали бока чайной бадейки. Видать, поучаствовал он в тех спасах.

— А сейчас она где?

— В темноте. Говорит, всё нормально, но темно. Мол, давай вниз, помощь нужна, а Ворону и нашим скажи, что всё пучком. А Ворона ещё в первую смуту монтеры на Таганке в старый ствол скинули. Да и наши все того… — Диггер аккуратно поставил чашку, поднял на собеседников выцветшие стариковские очи. — Это просто срок мне вышёл. Зовёт она меня к себе.

— Что, прямо на тот свет звала? Куда конкретно-то?

— А вот не ясно. Она в офлайн ушла.

3. Лошадь и дрова

К девяти утра, как раз к открытию, товарищи решительно зашагали в Князинькину администрацию, в бывший вавилон-центр «Принц-Плаза» у метро. Князю предстояло расплатиться за знакомство с диггерами: либо поддержкой, либо психиатрической помощью. На Рамене были Филиновские берцы на четыре размера

больше нужного.

Хоть и тёмное время зима, но только зимой есть такие светлые, слепящие дни, когда Солнце искрит через висящий в небе иней, и кругом сияют мелом груды сугробов, и деревья словно в крахмальном кружеве, эх! В такие дни вокруг Солнца нередки ореолы, и ложные Солнца, и небесные явления, но сейчас ничего эдакого не было.

И слава Богу, а то бы Рамен стал туда тыкать пальцем и шептать, что это Знак. Он и сейчас, средь бела дня, нервно озирался и не выпускал свой титанический болторез. Филин решил, что никогда более не поверит в легенды о слабосильности старого диггера — в болторезе было никак не менее пуда. Особо подозрительно старичина глядел в спину впереди идущей бабке. У бабок есть особо тайное умение плестись посреди широкого тротуара так, чтобы их не обойти и не объехать. Настроение у старой было отличное: судя по пустой авоське, шла она на рынок, и пела что-то людоедски-казацкое меховому шарику на санках позади. Шарик одобрительно попискивал и махал лопаткой.

Из украшенных жестяными коронами труб на вершинах девятиэтажек в небеса поднимались десятки столбов дыма, серых, белых и тёмных, одни тянулись прядями высоко, мечтая стать облаками, другие же таяли в воздухе, наполняя его запахами смолы и хлеба.

По колеям от метро навстречу им весело разбежалась лошадь, снег почуя, с цоканьем, ржанием и лязгом полозьев по проглядывающей брусчатке, да под горочку. Поверх груды дров косо примёрз невозмутимый мужик с цигаркой и кнутом.

Тёплый Стан жил под рукой Князя, а Князь, как известно — добро, тепло и свет. Его высокопревосходительство относился к своему девизу серьёзно, сея коммунальные услуги всюду, где длины рук хватало, и не забывая брать добро, то есть коммунальную дань. Немалую. Поэтому мещане предпочитали пользоваться княжей добротой по минимуму, добирая на стороне дровами, ветряками и постоянной готовностью что-нибудь стырить. Как бы ни менялась Россия — она не меняется.

В конце спуска улица сворачивала под прямым углом, и коняка на радостях в тот поворот не вписалась. Под некоторым косвенным углом, подняв сверкающие волны снега, собачьего кала и дров, упряжка вошла в огромный сугроб-отбойник, копившийся тут всю зиму. С лихим запоздалым «Тпру-у-у!» возница рыбкой нырнул в снежные недра. Через мгновение повсюду звонко запрыгали дрова.

Рамен впервые с начала суток выпустил болторез. Под лязг упавшего инструмента он схватился за колени и стал неудержимо

тоненько ржать. Басом хохотала бабка, колокольчиком заходился её укутанный потомок, гыгыкал Ваня Филин, тщась сохранить лицо, ибо тут же прохожая девица-педагогица интеллигентно хихикала в платочек, иногда срываясь на хрюканье. Лошадь скромно улыбалась, выглядывая из снежно-дровяного бархана.

— Вот значит, из сугроба и расторгуется! — с трудом успокаиваясь, утёр слёзы Рамен. — надо будет потом дров оттуда накопать. — и снова прыснул, не удержался.

Даже не верилось, что в одном пространстве со всем этим сверкающим жизненным великолепием происходит та тягучая странная муть, о которой они собираются бить чело князю.

4. Небольшое отступление о Тёплом Стане

Перекрёсток у метро Тёплый Стан — это стык цивилизаций. Встань на самом перекрёстке Профсоюзной и Новоясеневского лицом ко МКАДу, под эстакадой. На самой эстакаде встать не получится, там торчат для внушительности зенитки, садятся коптеры безопасников и грозно ходят туда-сюда городовые, целеустремлённо так. Теперь представь себя будильником, но никому не говори.

В секторе с девяти до двенадцати у тебя будут старинные водяные резервуары, частично уцелевшие гигантские подземные водохранилища, которыми Тёплый Стан выжил во все эпидемии и выживал теперь.

С двенадцати до трёх — это сам Тёплый Стан, скрытый за крепостной стеной из домовых панелей, за колючей проволокой и датчиками Термена. Город тянется до самого Нъярлатхотепского Проспекта.

От трёх до шести — гостевые кварталы, где селятся неместные, хотя ищущих дешевизны мещан там тоже хватает. Это узкая полоса между Профсоюзной улицей и Тропарёвской пущей, далее постепенно расширяющаяся в санитарную полосу перед мёртвым городом. Заграждения стоят аж за Коньково.

Ну и в секторе от шести до девяти — метровокзал, автовокзал, конторы, склады, мастерские. Рабочее сердце города. Там же городская жемчужина — Теплостанский рынок, переходящий в Тош-Толкин Базар. Наше торжище славно от Новосибирска до Бангора, эдакая Сорочинская ярмарка с купцами, менялами, мошенниками, падшими женщинами и ассирийцем, починяющим сапоги. В самом сердце этих вавилонов обитает в своей резиденции Князь Теплостанский Игорь I.

Так, теперь самое время перестать быть будильником и

покинуть перекрёсток. Вон, городовые уже волнуются.

Кстати, на Теплаке нет нищих. Уличный аск запрещён законодательно, и попавшийся на нём тотчас прилюдно получает в левую задницу укол фантогена, а в правую задницу — укол фантоцида. После чего стекает на носилки и бывает уносим прочь. На следующее утро любитель халявы получает свободу и работу. Он выходит на улицу с глазами навыкате от двойственных впечатлений и с метлой в руках, за которую держится, как за последнюю соломинку реальности в этом изменчивом мире. В Тёплом Стане очень, очень чисто.

Правозащитные организации регулярно пеняют Князю Игорю, что фантоцид, фантоген, метаэсквилин, поликвиринал, а также их дженерики, дети и внуки до седьмого колена признаны бесчеловечными и подлежат сожжению и дефенестрации согласно постановлению Второго Пражского Учредительного Собора Психиатров, и мы просигнализируем в Новосибирск!

Князь, тяжело вздохнув, исторгает речь про то, что (а) психиаторы были либо под тем же фантогеном, либо в припадке Румынского смеха, так как (б) детей, внуков и колен у фармпрепаратов не бывает, посему (в) дефенестрировать психоактивные препараты расточительно, а (г) жечь костёр из указанного психотрэшкоктейля без химзы и изолирующего противогаза он лично отказывается и вам не советует, и вообще, (д) извольте оставить меня в покое, я князь, мне работать надо. И сигнализируйте хоть в Новосибирск, хоть сразу в Катманду! Правозащитные организации не любят князиньку и при упоминании о нём нервно протирают запотевшие очки.

5. Оборотень Рома и дрова.

Некоторым образом получилось так, что на Принцеву площадь Ваня и Рамен вышли лишь через сорок минут, делясь мнениями о пережитом.

Человеческое участие в наше время — редкая и ценная вещь, восхищённо считал Ваня. Стоит лишь немного помочь человеку с рассыпанными дровами — и тот тебя и накормит, и напоит, и с собой отсыплет. Он же из лесу вышел, а там всё проще и чище!

Румяный Рамен соглашался, мелко кивал головой, но восхищался другим. По его выходило, что для кучера употребить на троих под камерами после ДТП — отличное решение. Мол, это всё от шока. А до того — ну ни вот столько!

На входе в Принц-Плазу стакан вертящейся двери с ними внутри замер на несколько секунд. Невидимая ангелица с

потолка бездушно советовала не трогать движущихся частей, потому что это приводит к их остановке. Queen в тот же динамик тихонько играли We will rock you, но стоило Рамену потопать в такт, как ангелица вполне живо рявкнула: «Дед, не сбивай сканер, до вечера простоим!»

Следующие несколько секунд красноглазые друзья послушно душили ржач, но на выходе из стакана не сдержались. В огромном полупустом фойе взрыв хохота вызвал немую, прости Гоголь, сцену. Враз из ниоткуда нарисовался опасный безопасник в чорной пиджачной тройке, резкий, как понос. Для создания рабочего настроя за ним неуклюже топтался кубический громила за два метра ростом с прикрытыми глазами на бесстрастном лице.

— Молодые люди, прошу вас… — угрожающе начал опасный, однако громила за его спиной за миг, неуловимо перетёкши лицом, по-иному заполнил свой мешковатый костюм, нежно положил лопату ладони на плечо начальника и сказал голосом Князя:

— Спасибо, товарищ Соколов, дальше я сам.

Безопасник Соколов мгновенно ушел прочь — словно продолжая давно начатое движение. Только с лица чуть сбледнул. Железный мужик. А кубический мегавариант Князя расцвёл в улыбке, наслаждаясь произведённым эффектом:

— Крайне рад вас видеть, мои подземные друзья. Давайте-ка сразу ко мне. Отпустим яроволка, и он вас проводит.

— Здесь яроволк? — шуганулся было Филин, но кубический, вновь перетёкший во что-то новое в себе, устало прогудел:

— Яроволк — это я. Разноверское имя. — Он открыл печальные карие глаза и помассировал себе затылок. Из-под воротничка выглянул край битого на шее солнцеворота. — Можно просто Рома. Только давайте на минус первый зайдём, там автомат с пепсиколой. И заодно эти все, — он с ненавистью обвёл глазами отмель канцелярского планктона, — не поймут, что вы на княжьем лифте уехали. Вон там справа травелатор вниз. Только он не работает.

Внизу Яроволк Рома действительно пошёл к автомату, накормил его карточкой и, получив ледяную банку, со стоном облегчения приложил себе в затылочную складку:

— Какая же дрянь это ваше воодушевление… Перегорю когда-нибудь.

Вызванный ключом лифт увёз их ввысь на пятый, потом ещё долго шли мраморными коридорами. Широко жил Князь Игорь. У самого порога Княжьих покоев охранник-оборотень вдруг поинтересовался у Филина:

— А дрова вам нужны?

— Нет… — оторопело ответил тот.

— Ну тогда я пока приберу в камеру хранения. — Рома аккуратно отнял у Филина оба полена, почти скрыв их в кулачищах. — Положу в камеру хранения на минус первом у «Виктории». Вы там позовите меня, я открою. Меня видно. До скорой встречи, дорогие друзья.

Ваню накрыло жаркое осознание: всё это время он бродил с дровами. «…!» — подумал он, входя в высокие княжеские двери.

6. Поплавок

За дверьми царил полумрак. Вдали, в центре обширного зала мощные лучи четко высвечивали силуэт Князя в длинной мантии. Донеслось: «О кабель не споткнитесь!» и Филин сразу запутался ногами в проводах. Ещё через секунду из тьмы проворчали: «пилот обратно врубите уже!». Вблизи стало ясно, что его величество вполне величественен, но одет в халат поверх флиски и вообще, несколько помят. Отстёгнутая борода висела на трюмо. Великосветски касаясь затылка запотевшей баночкой «Адского Дьявола», владетель бесшумно увлек гостей ковролинными полями к стае разномастных кресел, стульев, пуфиков и столиков с нарзанами, стаканами, пепельницами, салфетками, печеньицем — всё это водило хороводы посреди помещения, как в штабе батьки Махно. Говорит, чувствуйте себя как дома — а у стеночки на каталке скромно круглится длинный синий мешок на молнии. Как бы намекая.

— Вообще-то я из-за вас с полпятого утра уже на ногах. — Поделился несвежий князь, первым оседая в слабые обьятия кресла с пенопластовыми шариками. В руках его появился неровно отрезанный ломтище многопиксельного планшета с торчащими флэшками и проводками-Падайте, кино смотреть будем.

«Перечить князю — дело кислое,»- заинтригованно подумал Филин, присаживаясь на краешек стула. Рамен, теряясь в пуфиках, с каменным лицом тихонько открывал бутылку — в ящике пепсиколы под столом нашлось и неплохое калужское пивко.

Свет померк, и на огромном экране появилось скачущее видео с регистратора. По большей части кадра моталась крепкая лошадиная задница в оглоблях, а над ней было видно, как вниз по пустой улице, оскальзываясь по снегу и сверкая тапками в лучах фар, улепётывает дедок, влекомый болторезом. Старичина

Рамен хрюкнул в пиво.

— Это дорожный патруль в 4:27, - ровно откомментировал Князь Игорь, — А вот в 4:30, более удачный ракурс.

Здесь камера была стационарная и хорошая, глядела она от школы вдоль длинного подъёма к метро. Рамен набрал под горочку внушительную скорость и, развеваясь сумками, лопатками и ремнями, нёсся прямо на зрителя, подобно испанскому быку. Князинька убавил скорость, включил грозную музыку и продолжил:

— А за десять минут до того ты, Рамен, пообщался с майндфроговским аккаунтом диггерши Стрелки, в миру Стрельниковой Зои Максимовны. Аккаунт молчал четверть века. Ночная собака-барабака раньше майндфрога не встречала и очень программкой заинтересовалась. Обнюхала все его цепочки прокси, всё пометила и теперь получит много-много вкусных ресурсов. За любопытство.

Под эту программерскую дичь на экран выплывал кусок карты города с вполне обитаемой Солянкой и криво торчащей во дворах у Бульварного кольца рукописной стрелочкой. Судя по наложенной геоподоснове, там на глубине ада находилось что-то круглое.

— Вот до этой стрелочки барабака добежала, понюхала старую циску и свежий фаервол. Что там такое страшное, дядя Коля? не томи!

Дядя Коля Рамен в какой-то момент повествования облившийся пивом, уже взял себя в руки, отряхнулся от пены и иронично покачал головой:

— Ну ты змей, товарищ Князь… Всё рассказал — а на самом интересном месте сдулся! Да ты впятеро больше меня знаешь!

Князь Игорь сделал сложное лицо и со значением свернул шею бутылочке энергетика:

— Рамен, я монарх просвещённый, мне фантогена не жалко. Могу и квиринальчика внутрипопочно вмазать. Устрою нарковечеринку — мало не покажется. А вот ещё пуэрилин! Детство вспомнишь, в штаны сходишь…

— Ну ладно, ладно. Ты забыл досказать ещё несколько очевидных штук. Судя по карте — там стандартный бункер-поплавок на двух сотнях. Один блок, этажей на пятнадцать. Четыре подходняка, один к стволу, это к связистам, четвёртый… Артезианка, наверное… А это что за домик? Ну-ка дай сюда планшет… Ёлки, что с царёвым домом сделали. Так она мне из домика или из бункера звонила? Слушай, Филин, — Вдруг расцвёл Рамен, — а ведь мы этот бункер пропустили тогда. Я вот его не знаю. А Стрелку последний раз на Чистых Прудах видели.

Точно говорю, туда она шла! Всё, я пошёл! Князь, что я тебе должен?

Под грозно мутнеющим потоком диггерского сознания князинька всё больше хмурился, даже встал, ходить начал, но тут уже взревел архиерейским басом:

— Должен? А ну-ка сядь, Николай Семёнович, никто никуда не идёт! Ты хоть понимаешь, что когда по городу среди ночи в панике бежит олдскул-диггер с болторезом — население волнуется? Есть такая примета. Да по хорошему ты давно уже должен мастеру пяти веществ душу открывать, сам себя перебивая! Но давай всё-таки разберёмся как воспитанные люди. Что за гражданка, где её носило всё это время? Записи разговора нет? О чём говорили? Ну?

Присмиревший Рамен задумался, но не сел, как было велено, а задумчиво ушёл в угол, к белевшему где-то в полукилометре холодильнику. Князь сделал ему вслед множество проклятий жестами, рожами и даже пинком ноги. Подумал немного и крикнул:

— Возьми мне там ещё банку злых ядов!

— А мне пивка… — Ваня Филин, пересев в необъятный пуфик, отрешённо кайфовал от очередных извивов хитрого субботнего утра. На часах ещё десяти не было. И тут до него дошло, что князинькины хоромы — это просто один из залов местного кино-мультиплекса: в соседнем зале взвод визгливых деток смотрел «Тома и Джерри». «Аффигеть.»- подумал Филин. Князь обессиленно рухнул на хрустнувшее десятью суставами директорское кресло:

— Наглые вы, диггеры. Трудно с вами.

— Это вы с ним диггеры, — благодушно махнул рукой Ваня, — и это мне с вами трудно.

— А может всё-таки пару кубов квиринала?

— Ой да ну… Я ж не знаю ничего. И вообще, не из этих. У меня, между прочим, выходной сегодня, первый за две недели.

— А князьям выходные не положены?

— Нет.

— Ну, блин.

Минуту стояла блаженная тишина. Наконец, не сговариваясь, джентльмены ткнули пальцем в угол, где в чреве двустворчатого холодильника хищно рылся Рамен:

— Это всё он виноват.

И стали сидеть дальше.

7. Четыре контакта

— Я так не согласен! — даже на операционном столе старый диггер не терял боевитости. Из-под простынки сиротливо торчали ногти в дырках носков. — Нельзя общий наркоз! Я ж пьяный! Вдруг кони двину?

— А никто тебе общего наркоза и не предлагает. Хотя так даже удобнее было бы. — Князь терпеливо нависал над Раменом с молитвенно воздетыми руками в синих перчатках. — Есть масса других забавных веществ. Или давай новокаином обколю! А можно ещё заморочиться и замутить периферическую анестезию по Войно-Ясенецкому.

— Я не переношу уколов!

— Давай Роме позвоним, — навис со второй стороны Филин в хирургической маске и белой шапочке, — он придёт и ударит тебя по голове поленом.

— Стакан спирта дайте! — воззвал старичина с тем же самым жаром, с каким однажды было сказано: «Моя фамилия Сусанин. Где польская делегация?» Это было приемлемо. Воды, сто спирта, воды, огурчик и ещё три воды пролетели в диггера мелкой пташечкой. Старого успокоили, уложили.

Проектор обрисовывал на стене гигантский изогнутый Раменов позвоночник, сиротливую клетку рёбер, и вообще, много полупрозрачных костей с шурупами, штифтами, проводами, мышечными тягами, коробочками модулей — всё металлическое на рентгене сияло огнём, как плоть ангела. Всё мажь олдкаином, тут надо отсчитать, значит, ребро, ещё, ещё, ого, да вот они, прямо блямбы прощупываются… «Э-э-эх!» — залихватски крикнул Рамен, когда Князь решительно рассёк ему кожу на четырёх рёбрах. Хирурги-любители отошли на шаг.

Никакой особой крови на пергаментной коже не выступило, так, всего один зажимчик понадобился. Под красно-желтоватым слоем тканей обнаружились четыре натуральные плоские гайки на тринадцать, стоящие вертикально в ряд и отливающие синевой. Две — изрядно помятые. Плоскогубцами, что ли?

— Эк. Ты очень старый и очень русский киборг, дядя Коля. — Хмыкнул князинька. — В наше время людям шпильки М8 в рёбра не вкручивают, если нет педагогической цели. Самый брутальный USB-разъём, что я видел. Вот эти измятые — похоже, земля и питалово. Грыз их, что ли?

— Не-е-е — пьяненько протянул старый киборг. — это в бригаде нашей понты такие были, заряжаться крокодилами от автомобильного аккума. У нас в основном егеря были, Линкс-302. Как я. Понтовая охотничья модель для богатеньких, с индукционной зарядкой. На клавиатуре ладони подержал, на руле, поспал в спецперчатках — за пару рабочих дней зарядился.

Потом все выходные по лесам скачешь козлом. Кто ж знал, что модули на Ковровском заводе доработают под нужды армии. По ковровскому наставлению надо пятьдесят минут в день держаться за куски трубы с проводами, от которых током бьёт. Как будто делать больше нечего.

— Ага, а тут такие вы: «За ДШБ!», водки ам, в грудь себя крокодилами хряп-хряп — и дым пошёл… — Князь деловито приделывал к стариковской груди плоские контакты, тыкая жалами мультиметра. — За сколько там, за десять минут заряжались?

— Да и пяти хватало. Дух в казарме был… Каптри прибегает, строит роту, всем разнос, шмон по тумбочкам за неуставными аккумами, а у самого клемма из-под бушлата висит, как чорт с хвостом. Веселились… Шурик Остапченко себе на шину данных 24 КАМАЗовских вольта закинул, западный мост себе сжег и руку парализовало. Два месяца на Керченском Судоремонтном потом пузо грел, чинился, гад…

Рамена окончательно повело, язык уже заплетался, но потный Князь уже завершал, тут лазером подымит в экстазе, там телопластиком последний штрих подмажет. Наверное, вот так добрый доктор Пирогов изобретал под шрапнелями полевую хирургию.

На тощем пятнистом теле Рамена теперь стыдливо розовела вполне молодая и свежая грудь, по левой стороне которой хромированными пуговками выступали четыре кастомных Кибер-Либеровских контакта в синих силиконовых шайбах, каждый стоимостью в крыло от самолёта, что Князя мало волновало. Он нежно вёл ладонью над местом операции. Во всём этом было столь мало эротического, что Филин тревожно подумал: «Есть вещи и покруче гомогеронтофилии»:

— Умели ведь делать, — уважительно помотал головой князь, глядя в блокнотик и крутя верньеры профессионального блока питания, тоже от немцев «Кибер-Либер». На клеммах питания уже стояли экранированные шнуры с магнитными контактиками, и тоже либеровские. Пижон его сиятельство, ох, пижон. Однако к клеммам данных был запросто примотан зачищенный хвост грязного USB-шного кабеля, висевший до того на дверце шкафа рядом с бородой. Второй конец кабеля его милость воровато воткнули в хаб под столом.

— Княже, ты помнишь, ты обещал? — подозрительно проскрипел древний диггер, — Просто скачать данные.

— Да-а-а… — Задушевно прошептал его сиятельство, перетыкая хвосты в серверной стойке. На его лбу выступили бисеринки пота, а глаза были честные-пречестные, как у лисицы.

— Ну что, пошли данные? Хех… Нас тогда выгрузили в Спас-Клопиках из коптеров, прямо из Муромского котла, все в крови ещё, в дырках, и тут по мэйлу всем дембель приходит и премия.

— Да-а-а… Пожалуй, для начала четыре и шесть…

— Двум батальонам разом. Это ж пятнадцать лет назад. Что было! Прапора по полям грузовиками гоняли, капраза боцман вообще в бункере запер. На пускозаряжающей машине за водкой через лес напролом. Наутро девятнадцать человек «Вечный сон» себе проиграли, от каптри Ванина пистолет по всей базе прятали… — Сонно бормотал Рамен, прикрыв глаза. — У меня аккумы тогда как сели, я с недельку переломался и больше их не заряжал… Только самописец ещё шуршит, чувствую даже иногда: о, хорошо легло…

Тут князь вытер рукавом пот со лба, фальшиво пропел «Не плачь, девчонка, пройдут дожди!» — и дробно застрочил в консоли. Рамена подкинуло в воздух, согнув пополам вокруг фиксирующего ремня, а потом с лязгом вдарило пятками и затылком в металлический стол. На миг ремень натянулся тетивой, но старик уже затих по стойке смирно, а по монитору на слесарной тумбе побежали строчки загрузки системы, тестов, отказов. Дедовы зрачки схлопнулись в точки, а потом стали звёздочками и завертелись.

Не развидеть, с грустью подумал Филин. В его туманной юности тоже был период, когда Ваня ходил по кривой дорожке и поднимал бойцов по заказам самых сомнительных кадровых агентств.

То есть из Троицка приходит заказ на сантехника. Находишь где-нибудь в Барвихе самого грязного бомжика с криво вырезанным аккумом, поишь его клофелином, в багажник, и в Мамыри везёшь, в гаражи. Там надо страдальца помыть, запитать, потестить, подключить к компу с криптомодулем. А потом включаешь — и перед тобой демон вместо сантехника. Злой до чёрта майор новосибирских аэрокосмических войск из якутского плена, например. Поэтому их надо заранее ремнями привязывать.

Потом, конечно, выясняется, что сантехника в общем-то входит в базовый курс космонавта, и сам космонавт уже успокоился, видит жизненные перспективы и обратно в Барвиху не хочет. Остаётся только выдать ему кеды да треники, карточку на автобус да забить в присяжный блок новое место службы — и всё. Можно слать в Троицк присяжный код нового сантехника. А тебе в ответ — двадцать биткойнов на счёт.

Ну точно, судя по сноровке, у Князиньки в прошлом были похожие тёмные страницы, и не всегда он княжил.

Наконец, на экран вылезла заставка операционки:

полнокровный бюргер с пером в шляпке криво палил с двух рук из слонобоев. Появился рабочий стол в унизительном разрешении, а на нём — курсор с таракана размером. Из иконок на экране были голова робота и помойное ведро.

— Это какая же древность? — поразился Филин.

— Ты знаешь, а это по ходу заводской отладочный дистрибутив. Даже ещё не релиз. И ничего не патчено… Надо имидж в коллекцию сделать… — Зачарованно бормотал князь, уже избавившийся от халата и перчаток, вставляя в серверную стойку салазки с дорогущим нулёвым хардом.

Поиски хорошего опенсорсного дистрибутива, пять сборок ядра так и эдак, мат и танцы с драйверами завершились заполдень. Также князиньке пришлось провертеть в диггере дырку для эндоскопа — переткнуть пару джамперов. А Филин сподобился у неких мутных гонконгских трансвеститов кроме свежих дров для стрелкового комплекса ещё и русификатор интерфейса скачать. В общих чертах старичина был отлажен к обеду.

Нажав на клавиатуре три весёлых кнопки, Князь Игорь послал диггера в ресет. Диагностика на свежей системе пролетела за пару секунд, а потом Рамен просто исчез со стола, только тень метнулась за границу зрения. Тотчас он стоял с болторезом наперевес за спиной Князя, но теперь уже его сиятельства там не было.

— Всё, всё, остынь. — Донёсся из потолочных динамиков княжий голос, всепонимающий, как у доброго психиатора. — Посиди. Ты думаешь, чем бы я из тебя данные расшифровывал? Там же ключ на шестнадцать килобит! А так всё сам на лету перекодишь и не включайся ещё хоть сто лет.

— Зараза! — Взвизгнул Рамен. — Я теперь сесть не могу!

Действительно, сутулость и шарканье рассосались. Диггер с болторезом порхал балеринкой.

— Да мне плевать, хоть пляши, только провода обратно на клеммы надень и пароль думай. И ножнички положи.

Через десять минут уже слушали расшифрованную запись разговора, а Филин прилаживал на цепочку жёваную гайку с Раменова ребра, подрезанную в эмалированном лотке. Оказалось, сплав с платиной. Широко жили предки. Будет старому сувенир — может, перестанет дуться.

8. Удивительный голос

У Стрелки оказался гипнотический напевный голос, как у

Фаины Раневской. Флегматичная дева после небрежного привета тут же рассказала, что, мол, прости, Рамен, что впутываю тебя в свою личную жизнь, но не мог бы ты помочь, то да сё… Просто забросится, открыть ей герму — и выброситься. А то она тут справиться не может, темно.

Старичина юлил и отлынивал, потому что всем чайникам помогать — помогалка отсохнет, понятно. Диггерица гнула своё, мол, Ворону коптевскому не говорить, а то вони до неба будет. Тут у Рамена, видимо, начало складываться в голове, что это за Ворон, что это за Стрелка, и вообще, что это за херня? Он начал хрипеть всякие ненужные панические вопросы, но уже в никуда, потому что Стрелка упала в офлайн на полуслове.

Ну что сказать?. Интонации нормальные. Пульс ровный, семьдесят два удара в минуту. Дыхание. Обо всём этом Ваня доложил Князю, тот, заинтересовавшись, что-то стал искать в Вики. Вика обратила его внимание, что говорящий находится в конце длинного тоннеля диаметром около четырёх метров, поклялась акустическим анализом.

Филин согласился:

— Ну да, это слышно. Хорошо, что там стереомикрофон. Голос — как из бочки. Причём бочка длинная и налево-вверх заворачивает. Очень похоже вон на тот людской ходок на чертеже.

Мимо бабочкой порхнул Рамен с голым торсом. За ним поводком тянулся кабель. Взамен крылышек у диггера имелась огромная плоттерная распечатка в руках, ветхая и пыльная: геоподоснова Солянки.

— А вот ствол, которого я не знаю! А я на Китае все стволы видел. Шахта 3594-бис. И там же — тот самый домик, где Циска стоит.

— Булочная «Хала», извольте видеть, частный предприниматель Изяслав Аранзон, ПБОЮЛ, так сказать. — вынырнул из недр Вики Князь Игорь, — Поедем же к евреям, господа!

— Люди, ты такие лоси на своих батарейках! — Возмутился Филин. — Дайте хоть домой забегу за снарягой. И этот энерджайзер, — он кивнул на бегающегося Рамена. — пусть берцы мои отдаст. В валенках я больше не лазаю.

— Я вас сам на машине развезу. И буду гудеть под окнами, пока не соберётесь. Спасы так спасы. — Пафосно раскинул руки князь, однако потом отвертелся и водилой вместо себя послал управляемого киборга Рому.

9. Сорок минут на сборы

Рамен за какое-то никакое время обкорнался машинкой, по-флотски подстриг бороду, а также переоделся в тельник и застиранную пехотную цифру с битыми пикселями на локтях и коленях. Теперь дед напоминал тайно пьющего военрука. Убоищный плащ на ватине цвета февральского неба надёжно закупорил собой мусоропровод на радость всему подъезду, туда же отправились и чуни. Пробудившийся в диггерской душе киборг влиял на старичину благотворно. Даже морщины немного подтянулись — медблок по мере сил молодил хозяина.

Старый жигуль, шедевр сварщика, визжал лысыми покрышками, проносясь по дворам туда-сюда, за снарягой, и ещё раз в гараж за обвязкой, за забытым в суматохе Филином, и ещё упаковку пива, а князю «Адского дьявола» три банки… Мрачный Рома-Яроволк, занимавший изнутри большую часть машины, проявлял чудеса скорости и предприимчивости, исторгая чорные языческие проклятия. Даже Филина он вырвал из когтей бабушки одним резким движением, пояснив той суть происходящего ровно за семь секунд. Впервые за три года Ване даже не сунули пакет с бутербродами. Охранник Рома опасался, как бы князиньке не вздумалось опять поиграться пультом управления Ромой.

10. Гонки на мотовозе

На полпути от Тёплого Стана к Коньково, напротив Палеонтологического института есть небольшая промзона, а в ней — замызганный ангар Промводооткачки. Через сорок две минуты внутрь ангара лихим пацанским дрифтом влетел жигуль, затормозив у венткиоска в дальнем углу. Из машины фонтаном хлынуло барахло, железо и люди, и всё это столь же стремительно отправилось на лебёдке в развёрстые вентшахтные недра. За коротким ходком с руинами вентилятора обнаружилась камера съездов: длиннющий зал бетонных колонн, щедро освещённый разномастными диодными ленточками. Всё было любовно подметено, покрашено, смазано и крайне изношено. Здесь два пути с Тёплого Стана сходились в один до Коньково. На втором пути в сторону Конькова рельсы были разобраны, и на оставшемся за стрелкой огрызке пути стоял и не заводился антикварный княжеский мотовоз с гербом Тёплого Стана. Звероволк Рома нежно, обливаясь потом, уже вздымал ему на платформу неподъёмный зелёный гробище типа снарядного ящика, но с красным крестом и мигающими диодиками. Кран на мотовозе, видимо, не работал.

— Ничего так. — уважительно покивал Филин. — Я-то думал,

мы на свадебном лимузине поедем, а тут вообще свой поезд…

Князь был в парадном: при солидной бороде и в синем комбезе Промводооткачки. Некоторое время он не отвечал, хищно терзая дизельное чрево. Наконец, его сиятельство задумчиво вытер чорные руки о бороду и пояснил, что поверху до Солянки — шесть разных зон влияния и развалины, а дрезина вот она. Не хочешь — не едь. Или не ехай.

— Главное, — наставительно изрёк он, — это отсутствие лишних глаз!

Тут со стороны Тёплого Стана донёсся нарастающий вой, и вскоре мимо пронёсся лязгающий состав из сверкающего рельсового автобуса, грузовой платформы и аккуратненького вагона антикварной серии Еж. Всё это было плотно набито бабками, конторщиками, монтерами, деловыми девами, панками, мешками, коробками, имелся и толстый мент. На стрелке машинист коротко гуднул, вагоны с грохотом зашатались, и на шпалы упал неловкий зацепер. Отряхнувшись, мерзавец рысью догнал состав и мешковато взгромоздился обратно на свою сцепку. Как вообще на сцепке Шарфенберга можно ездить? Это ж надо иметь задницу очень причудливой формы!

— Да, конспирация прежде всего. — Солидно подметил подтянутый Рамен, потягивая пивко. И после паузы светски добавил:

— Кажется, это был экспресс 14:40 на Планерную. Совсем зацеперы обнаглели.

Наконец, все расселись вокруг примотанного верёвками груза, двигатель закашлял, отравив атмосферу сизыми солярными клубами, мотовоз душераздирающе проскрипел туда-сюда по стрелке и птицей рванул вперёд, в сторону Китай-города. Однако следующие двадцать минут спасателям пришлось тащиться в хвосте давешнего экспресса, дыша выхлопом дизеля да пугая гудками зацепера, и лишь в побитых пулями бетонных колоннадах Новых Черёмушек спасатели всё-таки вырвались вперёд.

Теперь мотовоз нёсся уже по-настоящему, лязгая и подпрыгивая на кое-как положенных коротких рельсах. Филин осмотрелся: ехали пятеро. Яроволк Рома рулил, а Князь, едва влезший вторым в кабинку, намертво влип в телефон. Здесь местами был халявный вайфай. Кроме Рамена с Филином, снаружи на платформе ехал и давешний резкий безопасник, встречавший их поутру. Он оседлал зелёный медицинский гроб, и его явно всё бесило. Бодро спасы складываются.

Проносились тусклые фонари-жёлуди в проволочных сетках. Трижды под гулкое Ромино «Бо-ойся!» с потолка сыпал зловонный

ливень очередной протечки, а ближе к кольцевой между рельсами уже бежал целый ржавый ручей с бурлящими перекатами. Калужско-Рижская ветка держалась на последнем издыхании. Начиная с Профсоюзной в соседнем тоннеле опять не было рельс, а между Шаболовской и Октябрьской вообще остался один путевой тоннель, а второй стоял затопленный.

Здесь в адском рёве водооткачки и вентиляции давно и основательно работали монтеры. Неторопливых грязных дядек в оранжевых жилетках пришлось разгонять с путей гудками. С достоинством зевая в усы, те давали дорогу неохотно, словно африканские львы. Шесть пар оценивающих хищных глаз провожали дрезину. На какие-то мгновения запах перегара пересилил дизельную вонь. Да, зацеперу тут придётся туго.

10. Совет владык

На чистом сверкающем Китай-Городе их уже ждали. Князинька своими звонками сорвал под землю весь цвет местечкового бомонда. Посреди платформы высились три старых богатыря, различающихся лишь одеждами. Пальто и роскошная ковбойская шляпа Ребе Шломо, обвешанный железом комбез солянского далай-диггера Мельхиора да потёртая сюртучная тройка товарища Орлова из Центрального Комитета. Старцам, как обитателям большой Солянской коммуналки, много всего приходилось делать сообща.

Ведь что мешает бедному еврею с партбилетом на досуге ещё чуть-чуть собирать хабар по выселенкам? Невзирая на все кастовые противоречия. Все подданные общие, переженились ещё, сидят друг у друга на головах, орут и налогов стараются никому не платить, да ещё и электричество воруют. Можно глубоко познать человеческую натуру, за всю жизнь так и не покинув пределы Солянки и Хитровки.

Филин прикинул, что старцы оторвали зады от дивана в священный для каждого из них день: у еврея — Шаббат, у коммуниста — Выходной, а далай-диггер в три часа дня субботы вообще должен находиться на самом днище Пятничной полазки. Князинька нашёл свой подход к каждому, но вряд ли прибавил владетелям хорошего настроения.

Среди великих Ваня Филин почувствовал себя лишней совой, и потихоньку утащил с дрезины оружейный ящик: мимо вокзальных бабок с варениками, самокрутками и пивком, в другой конец платформы, к пленительно пахнущему мексиканскому жральнику. Там, на скамьях зала ожидания, в

клубах табачного дыма толпой поедали своё рядовые участники спасов: ядрёная смесь хасидов, диггеров и комиссаров в пыльных шлемах.

Ваня взял стакан неплохого капучино и мгновенно сжевал огненное буррито. Свернув цигарку, он удобно примостился на своём ящике, стал рассеяно слушать, звеня ложечкой в стакане. Люди делились самыми невероятными подробностями предстоящих спасов, прикидывали, чем их будут кормить и в целом ждали приключений. Это обязательноно. Приключения — рядом!

Кстати, оказалось, что товарищ Орлов всех своих бойцов-комиссаров сорвал сюда на внеплановый сталинский субботник. Как ни странно, те были крайне довольны, лили в кофий самогонку и вовсю своего Орлова нахваливали. Халявный зачёт за коммунистический субботник — это вам не шутки.

Филин невзначай указал пальцем с направленным микрофоном на совет владетелей в другом конце платформы, но и старцы тоже были не особо в курсе происходящего.

Что характерно, Князь вовсю темнил, ничего, мол, толком не знаю. Мол, техногенная авария, звонок, человек за бортом… Филин насторожился, подстроил караоке-фильтр.

Ваня и раньше знал, что Промводооткачка чуть менее чем полностью принадлежит Князиньке. Теперь вместо объяснений его светлость упорно гнул ситуацию к тому, чтобы акт о производстве аварийных работ составить, и ещё смету, и наряд. Ребе Шломо от такой субботней перспективы словно лимона зажевал, а вот товарищ Орлов от мысли о бюрократических процедурах наоборот, оживился.

Но в конце концов сошлись на том, что любые бумажки — в понедельник, потому что далай-диггер куда-то пролюбил Большую печать.

А потом приехал Планерский экспресс, уже безо всякого зацепера на задней сцепке, и гудками стал прогонять с дороги мотовоз. Никакого почтения к княжеской власти. Пришлось в темпе разгружаться.

11. Суббота в муравейнике.

Вывеска булочной «Хала» скромно торчала из гущи целого муравейника пристроек, надстроек, верандочек, балконов и мезонинов. Все эти шедевры деревянного зодчества безо всякой системы росли на основательной трансформаторной будке в чреве Колпачного переулка, а потом внезапно перепрыгивали

через забор и кустились ещё на половину соседнего двора. Из десятков окон выходил теплый дух бытовухи, висели на форточках кульки с едой. В мансарде на четвертом с половиной этаже играл Стинг. Евреи справляли субботу. Всё было заперто, а что не заперто — припёрто досочкой. Булочная была для пущей надёжности и заперта, и припёрта. Кроме толпы разномастных спасателей, во всём дворе не было никого.

Мобильный телефон Изяслава Аранзона вместо гудков терзал душу рыданиями скрипки. Пекарь упорно отсутствовал. Ребе Шломо, скинув звонок, исторг нечто пламенно-ветхозаветное, и пронзительно возопил уже по-русски:

— О-ольга! Ма-ашенька! Передайте тёте Айгюль, что если сейчас Изя не выйдет вот сюда, ребе Шлёма Рождественский станет учинять азохнвэй посреди двора, пока не проснётся Нинель Владимировна, и когда она проснётся, она выглянет за балкон и спросит: «Соломон, что ты кричишь?» — А я отвечу: «Не знаю, Нинель Владимировна, спросите свою невестку Айгюль!» И она непременно спросит!

В процессе произнесения заклятия нагромождение домиков уже заскрипело, захлопало дверьми, в окнах замелькали силуэты самых разных размеров. Не успело эхо раввинского голоса опасть на кирпичи двора, как из распахнутой далеко справа дверцы мощные женские руки выставили на снег растерянного пекаря Аранзона. Рыжая девчонка в японском халате загнала вовнутрь разбежавшихся мелких, и дверца защёлкнулась.

Стинг наверху затих. Из мансарды в четвёртом (или пятом?) этаже часовой кукушкой высунулась ветхая лупоглазая старушка в шерстяных платках, скрипуче вопросив раввина:

— Соломон, что ты кричишь?

— Всё хорошо, мама, идите внутрь уже пожалуйста! — Поспешно отвечал вместо ребе пекарь Изя, успокоительно маша ладонями. Он старался говорить уверенно, топорщил рыжую бородищу, но ни в чём он уверен не был. Не располагал к тому тренировочный костюмчик на круглом пузе, тапки на морозе тоже не добавляли куража, и даже изумительная религиозная меховая шайба на темени не выручала, несмотря на метровый диаметр. Пекарь Аранзон стоял в субботу в собственном дворе, а впереди маячили неприятности в лице ребе и пары десятков обвешанных железом отморозков. Возможно, будут погромы. Клиента можно было брать тёплым. Ко всему прочему, Изина мама, поджав губы, царственно проронила:

— Соломон, если дело и дальше так пойдёт, я уеду в Израиль!

— Нинель Владимировна, какой Израиль? — Ненатурально

изумился ребе Рождественский. — В Израиле никто не живёт, там радиация, фантоген и полторы калеки черношляпников. Ну может ещё полтора араба в противогазе для общего раздражения. Изя, вы разве не говорили маме?

Судя по потерянному лицу пекаря, ничего Изя маме не говорил, но ещё чуть-чуть — и придётся. Похоже, ребе Шломо свёл некие старые счёты с семейством Аранзонов. На Изино счастье, туговатая на ухо Нинель Владимировна, истолковав недослышанное в свою пользу, ускрипела внутрь своего кукушачьего домика. Пекарь, переведя дух, принялся стучать обратно в дом за ключом от булочной.

12. Сказ о том, как евреи умножились

С Израилем, как известно всем, кроме старой мадам Аранзон, произошла печальная и поучительная история. Когда в Мировую полночь вся система международных сдержек и противовесов рухнула, она рухнула в основном на еврейскую страну. Одних только ядерных боеголовок прилетело тринадцать — от трёх доброжелателей сразу, а уж фантогеновых бомб никто не считал. Это не считая всего того, что отловил «Стальной купол».

Конечно, иудеи храбро держались, танки Цахала раскатали в пыль и Каирскую, и Мисуратскую республики, но в какой-то момент храбрых семитов осталось меньше, чем до войны было в любом микрорайоне Хайфы. И половина из них всё ещё отходила от фантогенового бреда. И тут пришла вторая эпидемия Румынского смеха. Богоизбранный народ собирался на встречу с Создателем в полном составе и в очень хорошем настроении.

Тогда раввин Илья Паписмедашвили, взяв рюкзак со священными предметами и едой, пришёл к Стене Плача и снял противогаз. Вострубив в здоровенный рог-шофар, он принялся кричать Богу. Эпицентр ближайшего взрыва недельной давности находился в семистах метрах за стеной. С каждой минутой в ребе вливались радиоактивные кюри и отравленные фантогеновые единицы.

В шаббат Господь прислал Илие ангела. Три дня раввин бился с посланцем небес. Праотца Израиля такой же ангел в своё время победил, парализовав тому бедренный нерв, однако Паписмедашвили до чресел решительно не допускал. Потому ангел мстительно вырвал Илие бороду, волосы и брови. Всё это очень походило на острую лучевую болезнь, но подхохатывающего румынским смехом раввина ничто суетное не волновало.

Ангел был побеждён к понедельнику. Отлежавшись, ребе Илья понял, что теперь должен восстановить Храм. Из развалин ризницы ближайшей православной церкви добыл золотые священнические ризы, в целом слаженные по еврейскому уставу. Просто евреям до восстановления Храма священники не положены, соответственно, ризы — тоже. По пути обратно подрезал в руинах супермаркета палатку-трёшку, её и объявил Храмом. Ещё день ушёл на каноническое обоснование крестов на ризе. А затем к палатке Илии явился лично Господь.

В пятницу в расположение третьего батальона самообороны Хайфы вошёл, пошатываясь, их бывший батальонный ребе, теперь — первосвященник. Из ворота златых риз торчала почерневшая лысая голова. Рюкзак он обронил где-то по дороге, потому Нетбук Завета, мёртвый от радиации, нёс под мышкой. Когда к вечеру Илия умер, сисадмины как раз извлекли с харда сам Файл Завета.

А фотографии с похорон, где Илия лежит в окладистой бороде и в классических одеяниях первосвященника, как Каиафа — это с мобилы ребе Менакера. Где тот взял бороду — не совсем ясно, да и не суть важно, а вот облачение — как раз из Храмового инвентаря, который оказался в распоряжении Менакера. Дело в том, что пока евреи ожидали возведения Мошиахом Третьего храма, они времени даром не теряли и загодя приготовили всё храмовое снаряжение, зарыв в тайных местах золотую менору и всё, что требовалось по канону.

Поскольку иудеи обожают делиться на течения и секты, таких комплектов было изготовлено то ли семь, то ли десять — каждая ветвь религиозного дерева верила, что именно она поставит в храм тот самый Погребённый светильник. А там, на секундочку, в одной только меноре два пуда, и ещё десять столь же весомых светильников вокруг, да ещё столик. Посуда всякая. И один из этих комплектов хасид Менакер всю войну возил в обозной фуре за батальоном «Асаф», рулил на этой фуре под артобстрелом и даже зарывал золото в окружении. Вот оно и пригодилось…

Так вот, в Файле Завета значилось, что Господь, видя мытарства избранного народа, принял меры и подписал дополнительное соглашение к Моисеевым скрижалям. Теперь евреем мог считаться тот, у кого в роду были евреи в седьмом колене — причём и по мужской линии тоже.

Черношляпники орали как бешеные, но народ серьёзно раздумывал. Тем временем по горящему миру пошли слухи, цены на анализ ДНК резко подскочили, и через неделю евреи удвоились. Ещё через неделю подтянулись китайцы, и евреи стали третьим по численности из выживших народов. Черношляпники сказали, что уходят, а их никто и не держал.

Никуда они не пошли. Вместо этого, как требовал один из пунктов дополнительного соглашения, сам народ Израилев покинул отравленный Иерусалим и отправился в пленение Вавилонское. В качестве Вавилона был выбран Бейрут. В среду в вымерший город, ревя дизелями, вошли «Меркавы» Иквот Ха-Барзеля и быстро договорились с тремя тысячами ещё живы х ливанцев, тем более что половина тех уже были евреи…

Всё это Ваня выяснил из висевшего на гвозде новообрядческого «Сказа о том, как евреи умножились». Последние страницы бестселлера были повыдраны, и сюжет обрывался на самом интересном месте. Да и перед кабинкой уже сопела, переминаясь с ноги на ногу, какая-то нетерпеливая гирлица. Блин. Ну да ладно, всё равно пора выходить. Наверняка там уже отыскались ключи от булочной.

13. В недрах пекарни

В конце концов каморка булочной была открыта, объявлена штабом спасов, а пекарь усажен в своей микроскопической конторе на рабочий стульчик за рабочий столик. Обнаружив себя на привычном месте, он приободрился, сцепил лапки поверх пуза и закрутил большими пальцами:

— Изяслав Арамович, а когда вы поставили роутер? — сладчайше осведомился Князь Игорь.

— Ну-у так вчера до полночи наш программист программировал, к утру только всё наладил. Насверлил тут, напылил — видите? Тянул провода на производство, и в кладовую к Сёме, и к Джейночке в бухгалтерию, а потом настраивал. Я ему говорю, Владленчик, уже три часа как суббота, а он говорит, мол, Ленин разрешает. И что? Великий Ленин завещал после одиннадцати сверлить стены дрелью? У него дети за стенкой не спали? И вот вам Ленин! — Изя скорбно развёл руками, имея в виду всё происходящее. Мол, одни беды от этого вашего Ленина.

— Та-ак… — протянул Князинька, разглядывая затейливую проводку на потолке. Ваня Филин, хрустя трофейной плетёнкой с маком, пытался прикинуть, как в миниатюрном пространстве булочной умещаются все вышеупомянутые люди и помещения. Мысль всё сбивалась на Ленина. Примерно тем же был занят князь, и в конце концов сдался:

— Изяслав Арамович, а ключи от серверного шкафа у вас?

— Который с компьютерами? Да, у меня есть копия, но там я не знаю что, там хозяйство нашего программиста. Это… Владен

должен товарно-кассовый чек принести… и гарантию… — Глазки пекаря забегали. — В понедельник будут все документы, вы не сомневайтесь, Соломон Никитич! — это он крикнул уже для ребе, через плечо князя. — И программиста уже ищем… А производство я вам сей же момент открою, не извольте, там шкафчик, там…

Пришлось всем выйти на улицу и обойти строение вокруг. Это заняло некоторое время, потому что из дома повысыпало всё население в шубах поверх халатов, и из соседних дворов пацаны с санками понабежали, и даже с Подколокольного переулка пришли два дядьки в чорных костюмах и попытались строить из себя агентов смитов, но вышло у них вяло, без огонька. Модулито у них стояли строго отечественные. Энтузиазм джеймсов бондов окончательно притух, когда Князинька припомнил, сколько их ведомство-которое-нельзя-называть задолжало ему за водооткачку. Шныряли по двору и двое-трое неизбежных хитрованов. Толпа заинтригованно гудела.

Со стороны забора в пузе трансформаторной будки имелись многочисленные железные воротца с черепушками, молниями и прочими признаками смерти от электричества. Одни из них Изя и отпер, мучительно долго скрежеща ключами, как Кощей над златом. Сразу стало понятно, где прячется всё пекарское хозяйство.

Трансформаторов внутри давно не было, Филин даже примерно представлял, кому их загнали на медь и масло. Неожиданно большой свободный объём кулинарные евреи разгородили на три этажа, нагромоздили печей, чанов, сит. Тёмных каморок хватило и бухгалтерии, и адвокатской конторе «Немезида», и портному с олдскульным «Зингером» на чугунной станине, и даже бедняцкому, судя по инструментам, киберслесарю. В его же углу ржавела ГАЗель с разобранным дизелем. Безудержный бизнес застыл в прыжке на время субботы.

Пока Князь обнюхивал вросший в бетон серверный шкаф на висячих замках, с Большого Трёхсвятительского форсированным маршем явилась боевитая сухонькая коммунистка в скрипучем кожаном реглане. Перед собой она гнала подзатыльниками сына-оболтуса, то есть мрачного сисадмина Владлена. Тот оказался обычный мелкий панк-поганка в обильном прыще, однако с комсомольским значком «Ленинский зачёт» на джинсухе.

Завидев комсомольца, товарищ Орлов из ЦК наставил на законную добычу свою марксистскую бородищу. Эмалевое знамя на лацкане чорного сюртука затрепетало багровым пламенем революции. На значке юного сисадмина Ленин подмигнул красными глазками. Отрок тотчас растерял всю свою пубертатную

наглость, вытянулся и стал всегда готов, на всё готов. Вот вам ключ от шкафа, да, товарищ секретарь, вот пароли («Ты что, боец, зад ими подтирал?»), никак нет. А циску он у дагестанцев на Хитровском рынке купил, где-то и счёт-фактура есть, в понедельник будет… Похоже, с документами на Солянке работали по понедельникам и только по понедельникам.

Все эти сцены из жизни электропионерии мало озаботили Князя. Он вытянул из пупка метр витой пары, воткнулся в патч-панель и криво застыл. Их светлости скормили пароли и явки, им принесли чаю и мягких французских булок. За воротами сдержанно волновалась уже половина Солянки, все гудели и наверняка делали ставки. Уже застрял в толпе лоточник с пирожками, требуя давать без сдачи. В задних рядах возмущались — в толкотне хитрованы хакнули зазевавшегося фраера.

Отдельная очередь выстроилась к суровой высокой бабке с денежным ящиком и терминалом — та явилась от Николы Чудотворца в Клённиках, и вовсю торговала свечками, а также принимала записочки за здравие. За упокой не принимала категорически:

— Ты что, одичала что ли? Мы тут девоньку всем миром спасаем, живую, а ты за упокой суёшь! Вон, Никола-Чудотворец через дорогу, там и подавай. И ещё свечку ему поставь, за дурость свою. Сорокарублёвую!

Наконец, цифровой огонь в глазах Князя притух, и по его знаку Рома мягко вытолкал из помещения всех лишних, кого сумел отловить.

— Значит, в четыре семнадцать ты был здесь, Владик? — Князь отхлебнул чайку и съел от булки. В голосе владетеля сквозила столь лютая следовательская доброта, что сисадмину давно полагалось чистосердечно обгадиться. — Расскажи, что конкретно ты делал.

— Да сетку я поднимал… Инет включил, АТСку настраивал. — Озадаченно протянул пацан. — ну я ещё не всё настроил, надо фаервол налаживать, чтобы всё в интернет не ломилось.

— А оно ломилось?

— Ну да, как раз в четыре. Воткнул все провода — лезет в инет. Наверное, вирусня или обновления — я не разбирался. Патчкорды пока повыдёргивал…

— Какие? — голос Князя содержал в себе гигантское терпение. Близкое к критической массе.

— Да вон лежат… — на дне серверного шкафа змеилось в бетонном крошеве месиво жёваной витой пары. В следующие несколько колов времени князинька стремительно перетыкал

разъёмы, нещадно рубил и переобжимал провода. Живых кабелей оказалось всего три из десятка, и едва третий был воткнут в порт, как из Раменовского наладонника сдавленно заквакал майндфроговский вызов.

— Рамен, ты не против, если я отвечу? — Протянул руку Князь. Старый диггер энергично закивал, избегая потусторонних телефонограмм. Из машинки донеслось флегматично-вкрадчивое «Алло-у?»

— Привет, Зоя, это Игорь. Рамен мне всё рассказал, сам он пока занят. — Вальяжно заворковал Князь. Ваня оценил, что его милость называет девушку по имени вместо позывного и не включает громкую связь. У местных диггеров чуть уши в трубочку завернулись. Самому-то Филину с его электроушами всё было слышно.

— Привет, Игорь. Ну что, поможешь? С меня пиво. Я тут уже задолбалась. Кстати, ник у тебя какой? — Ване привиделась некая усреднённая Зоя-Стрелка, сидящая там внизу с нетбуком, в махровых тапках, у самого холодильника, набитого пивом. Сюр.

— Давай без ников, тут народу полно, спасы, ещё в газеты попадёшь. Она жива, всё хорошо! — Солнечно крикнул Князь в толпу и вновь стал хмур и сосредоточен. То есть сейчас его светлость мощно били плавниками, обходя рифы неудобных вопросов и притворялись, что Зоя никакая не Стрелка, и нет здесь никакой Стрелки. Ведь далай-диггер Мельхиор наверняка был в курсе тех событий четвертьвековой давности.

Впрочем, Мельхиор разговором особо не интересовался. Он сиял снаружи в каске «Далай-диггер», окружённый восторженными мандалай-диггерами и диггерицами, вращаясь в лучах славы. И журналюги действительно были здесь. Главного диггера почтительно интервьюировал какой-то слюнявый пожилой хлыщ в узких штанишках и с чёлкой на глаза. Мельхиор изливался в кадр потоком бреда и даже немного порубил киркой забор. Там же вились и два остальных владетеля, норовя влезть в кадр.

— Газеты… — Стрелка бархатно рассмеялась. — Значит, Рамен как был трепло, так и остался. А сам ты с какой газеты? И Ворон…

— Я не с газеты! — крикнул Князь, заглушая последнюю реплику, — Я с Промводооткачки! Остальное оперу расскажешь, а мне одно ответь: вот мы сейчас на стволе 3594-бис, это тебе говорит что-нибудь?

— Ещё бы. Судя по надписям, он прямо за этими гермоворотами. У них я и лежу. Так и не открыла. — С лёгким сожалением сказала Стрелка.

— Можешь подождать часок?

— Да хоть сто лет. — Равнодушно уронила диггерша и дала отбой. Ваня представил, как она там в прямом смысле лежит сто лет, и его продрало холодом вдоль позвоночника. Ну ладно, не сто, а двадцать пять. Вниз всё равно не хотелось.

— Та-ак — осмотрелся Князь, невзначай пряча в карман отжатую у Рамена мобилу. — Где хозяин? Изяслав Никитич, а вон та кран-балка работает?

— Ну так мы ей тут всё и перестаскиваем. Тесто…

— Тесто, значит… Это хорошо.

Через пять минут из пола была выдернута одна из плит, открывшая под собой душную бездну. Население было поражено. Рома принёс сумки, трансы. И ещё тюк железа и верёвок.

14. Сто тысяч банок холодной Пепсиколы

Филин задумчиво ехал вниз по верёвке, мимо проплывали кольца могучих чугунных тюбингов, заплывшие натёками ржавчины, змеились вертикальные кабели на закладных. После дубовой бедняцкой восьмёрки было особым удовольствием вот так порхать на пецлёвой спусковухе, да ещё и замыкающим.

На третьей перестёжке Ваня притормозил, вырубил мобилу и вынул из неё аккум. Раскрыв мультитул, аккуратно куснул себя за бок, выдернув штекер из подкожного разъёма. Сам резал, сам паял, тоже была история. В мутных обстоятельствах полезно отключать лишние устройства. Бок онемел, и всё тело пробило холодом аварийного завершения работы. От пары тяжек самокрутки так захорошело, что на шестой перестёжке Филин едва не влетел с ходу в неопрятную груду ржавого железа и склизких досок. Сюда постепенно обрушилось всё, что многие годы гнило по всей высоте ствола: и людской ходок, и короба вентиляции, и просто всякий трэш. Тряпки какие-то. Гнилая куча лежала рыхло, через неё просвечивал бетонный пол, подсвеченный фонарями с той стороны. Всё ещё обмирая в липком поту, Ваня протиснулся между мягкими досками в руддвор.

Забитый вагонетками зал завершался металлическим круглым тоннелем, а тот метров через пятьдесят утыкался в запертые гермоворота. Именно у них все и сгрудились, долбая кувалдами и скрежеща инструментом. Здесь уже были Князь, Рамен, кубический Рома-звероволк и два представителя местного населения: диггеры, коммунисты и евреи в одном флаконе. Один из них был начальником СБ Солянских подвалов, на секундочку.

Сейчас он с голым торсом и энтузиазмом распалял автоген, в общем-то ненужный. Из всех диггеров лишь у этих двоих оказались при себе нормальные обвязки, хотя железом обвешано было всё общество. За снарягой для остальных были посланы гонцы.

Закиснувший за четверть века механизм проворачивался с огромным трудом, но проворачивался. Развязка близилась, и Ваня объявил себе готовность номер один. К чему? Может, к ужасу ночи?.

Полотнище ворот стронулось, и неровными скупыми рывками стало открываться, следуя за поворотами кремальеры. Князь посветил понтовейшим маглайтом в узкую щель, сказал «Ага» и мешком осел на пол. Как по щелчку рухнули Рамен и еврейские диггеры, звонко запрыгали по бетону болторез и ломы, кувалда, пошатнуло Рому… «Вот оно!» — равнодушно отметил Филин. Однако киборг Рома не упал, а хрустнул суставами внутри себя, потянулся и спросил Ваню вполне по-княжески:

— Оп-па! А тебе там, за вагонетками, что, особое приглашение нужно? Что стоим, почему не падаем?

— А я решил сходить в офлайн сегодня. Отключился ради субботы. Но ты скажи, если надо — я присесть могу. А эти чего?

— А их князинька пока в спящем режиме держит. Потом скажет, что нарвались на растяжку с джеммером. И меня типа держит, только ещё и ходит мной. Сам-то он вишь, ходить не может, занят сильно, а мной может. — Князь вяло подрагивал на полу, как слюнявая кукла. — Короче! Ты на нас кидаться не станешь?

Ваня смерил взглядом кубометры киборга, говорившего о себе во множественном числе:

— Да не стану, пожалуй.

— Всё, идём. — Рома непринужденно, как дверцу холодильника, открыл солидные гермоворотища ещё на метр и высветил то, что было за ними последние 25 лет. Пыльный ходок уходил вверх и налево. В самом его начале у стены вытянулся хрупкий скелетик девушки удивительной конструкции. Ваня таких раньше не видел. На руках — браслеты с парой длинных металлических лент-щупалец, вдоль позвоночника харды и процессоры, какое-то железо неизвестного назначения. А голова обрамлена осыпавшимся венком сверкающих нитей-вибрисов. На рёбрах стояли такие же контакты, как у Рамена, и проводки от них сходились в обычный USB-хвост, торчавший в хабе. Вокруг скелета вились провода, которые Стрелка достала из щитка над собой. Там и витая пара, и телефон, и датчики. Вон роутер, и ещё всякого железа в проводах полно. И ещё два эбонитовых дисковых

телефона стоят прямо на бетонном полу.

— Это вообще ручная работа, из первых. Уникальная штука. Модель… — с азартом знатока его благородие поскрёб панель контактов, — «Крылан 15-е». Видишь, какие вибрисы? Специально чтобы в темноте ходить. У нас в роду у сестрицы такие были, у Огнеславы. Был выброс, её дождик в поле застал. Когда совсем слабенькая стала, выйдет на обрыв, стульчик поставит и сидит, на небо смотрит, антеннками прозрачными шевелит, как одуванчик…

Ваня не уловил тот момент, когда говорить стал Яроволк. Но это явно был он.

— Так, это всё лирика. Пришла она сюда вон с той стороны, с третьего ходка. Не ту гермуху открыла, там всё затопило. ГЗД-6 она задраила, а эту, ГЗД-3, открыть не смогла. Кстати, третий ходок, который затопленный, я знаю, в бункере с той стороны мы в позапрошлом году гидроизоляцию делали. Всего пятьсот метров ходка затопило, значит, а тут — всё сухо. Питание брала от сигнализации объекта, 12 вольт…

Рома внимательно осматривался и опять говорил по-княжески. Он притащил от ствола большую спортивную сумку и Раменов телефон, быстро всё на него пофотографировал.

— Искала выход в сеть, всё, что могла, подключила, все витые пары, какие нашла, телефоны. Скучно ей было. Система синхронизировалась с организмом, скучали вместе. Потом организм потихоньку скучать перестал, дальше система одна скучала. Скука — хорошая базовая эмоция для машины, простая… Для сохранения принятого порядка подключила синтез дыхания, сердцебиения, голоса, пересмотрела всё, что было на хардах… Ждала, когда наверху воткнут провод в роутер. И ей до сих пор скучно. Мы с ней поговорили во время спуска, так она считает, что жива. Так что сейчас мы ей позвоним, а ты будь с девушкой тактичен и ласков. Дама в сложном положении.

Князь нажал вызов на раменовом телефоне. В ответ под железным сводом тоннеля разнёсся «Рамштайн». Мрачные аккорды исходили из маленького розового телефончика под головой мёртвой девушки. Она скинула звонок и буднично сказала:

— Незачем звонить. Я и так прекрасно слышу.

Князь-Яроволк исполнил себе по лицу сокрушительный фейспалм. Стрелка печально хмыкнула:

— Я-то думала, что вокруг темнота, а это гляделки мои кончились… Но слышу я нормально. Всё плохо. Я умерла, а вы долбанутые. И что теперь?

— Прежде всего я тебя унесу отсюда, пока газетчики не

набежали. И вообще, всё хорошо. Есть, например, вакансия секретарши. Тридцать тысяч в месяц. Нужен приятный голос. Лады?

— Ты больной на всю голову. — Устало бросила диггерша. — Делай, что хочешь. Главное, ЗДЕСЬ меня больше не включай. И чтобы интернет наконец был. И вебка. Давай.

— Давай, не скучай.

Стрелка отключилась. За гермодверью захрипело тело князя.

Ой! — сказал Рома или Князь. Ваня уже запутался в дебрях яроволковских сознаний. — Ой! У нас три минуты, не больше. Давай, Ваня, в темпе! Собираем скверну!

Хрупкую Стрелку, её отключённое железо и кости собрали в рюкзак. Поразмыслив, Филин запихал в свой транс оба эбонитовых телефона. А то что, один князинька у нас коллекционер антикварный? Яроволк достал из своей мегасумки вялое тело какой-то нефорской гирлы с татушками и пацификом на куртке, аккуратно положил на бетон. Посмотрел, поправил. Рядом налобник положил.

— Гробище, что мы везли с Теплака — это электросон военный. Удобная штука. Прилегла на вписке, а проснётся на спасах. Юная, свежая и без долгов… Тоже Зоя, кстати. Ну что? — Рома-князь подбодрил Ваню, едва не насмерть хлопнув по плечу. — Спасы окончены! Все на исходные. Готовьте нам с князем сто тысяч банок холодной пепсиколы!

Пельмени из трёх зверей

01. Издержки хорошего воспитания

Однажды зимним утром Ваня Филин проснулся и понял, что время делать пельмени. На кухне жужжала бабушка, в просвете окна ровно и мощно синело небо. Часов десять? Можно узнать с точностью до секунды, но включаться ради такой ерунды глупо. Нащупав разнокалиберные тапки, Филин выполз в кухню. Пузатый будильник на холодильнике предполагал, что без двадцати десять. Однако.

Чмокнув сверху бабушкино темя, Ваня оценил обстановку и понял, что может расчитывать на яичницу с салом, если преодолеет унылую манную кашу. Радиоточка отбубнила новости и заиграла яростного Джеффа Бека.

Как раз бабушка и подсадила его в своё время на домашние пельмени. Это было злое дело. Поняв, каковы пельмени на вкус, Филин уже не мог есть то, что окружающие дерзали так называть.

Выйдешь голодный из города, или из подземли в грязном мокром комбезе, или из Сызрани в чужом пальто и с чемоданом, снимешь в чьей-то прихожей сырые берцы, а на кухне уже сосредоточенно жрут.

Спешно моешь руки, урча животом, тащишь в кухню приветственный батон в кульке — а они жрут серые резиновые катышки в ломтях белых соплей, все в кетчупе, майонезиком поливают да нахваливают, румяные такие.

И стоишь как дурак, жуёшь свой батон всухомятку. Вот они, издержки хорошего воспитания.

— Думаю сегодня пельменей замутить. — Важно изрёк Ваня, возюкая вилкой.

— Да, как раз холодно, на балконе морозить будем! — Живо отозвалась бабушка, подсоединяя очки. В руках у неё нарисовался карандаш. — Значит на рынок пойдёшь? Подожди, я тебе список напишу. И одевайся не как в прошлый раз, сегодня минус пятнадцать. — Карандашик застрочил по странице болезненно распухшего блокнота. — Сахару купи. Шарф зелёный надень, штормовое предупреждение будет. Масло кончается… Веретённое возьми, такое синенькое. Только минеральное не бери!

02. Субботнее утро в центре города

Ваня в ушанке и с рюкзаком неторопливоо скрипел берцами в горку, на рынок. Светило Солнце, неподвижный воздух звенел морозом. Как всегда, непонятно с чего бабушка пророчит штормовое предупреждение. В основном она их угадывает, кстати.

Может, это она устраивает всякие погодные безобразия? Вон, сделали же Рязанцы «Василёк-М». Скучный киборг-маркшейдер иногда прямо под теодолитом впадал в резонанс, над ним появлялся нимб, за минуту сажавший усиленные батареи, а наверху разбегались облака, появлялся кусок синего неба. А сам киборг — в слюни. Конечно, стали исследовать. На первых же испытаниях маркшейдер взорвался, приведя в негодность всю лабораторию. На том как-то всё заглохло, потому что акцептором «Василька» был его же конструктор.

У метро было оживлённо. Пришёл автобус, из него повалил народ с кошёлками и чемоданами — одни на рынок, другие на одиннадцатичасовой до Савёловского. До отправления оставалось десять минут, и Филин затопал бодрее. И на поезд посмотреть, и в тепле погреться — прямо на перекрёстке начиналось великое подземное чрево Тёплого Стана. Если здесь занырнуть, то можно обойти весь центр, не поднимаясь на поверхность. В сильные морозы, бывает, на поверхности вообще никого. А заглянешь в переходы — все друг у друга на голове сидят, шумят, торгуются.

Внизу в переходе играла бодренькая пружинистая латина. Лабал на контрабасе голенастый чувак Руст в кедах и пончо, улыбался куда-то вдаль и иногда по утренней расслабухе лажал. Ему старательно подыгрывала на дудке длинноногая девица в цыганских платках и растаманской шапке. Где он таких берёт, всегда-то с ногами от ушей? Денежку кидали. Минуты через три Руст наконец-то воспринял Филина и, лажанув особенно беспардонно, затих.

— Это я зря так сыграл. Нехорошо получилось. А пельмени — это правильно. Только я сегодня в Панча-Вилье играю, так что буду сильно вечером и несвежий. Ничего, если с Чуйкой? Вот, знакомьтесь. Это Филин, это Чу, оба клёвые…

Еле отлипнув от расслабленных музыкантов, Ваня продолжил путь бесконечными переходами. Торговали здесь вовсю, лавки и магазинчики занимали всю левую стороны перехода. Что тебе надо? Хлеб? Штаны? Открывашку? Всё здесь, висит на дверце, торчит из окошка, выложено на столик, пищит, мигает и путается под ногами. А вон в той будке, откуда торчит жутко воинственная борода в сикхском тюрбане с чакрой, глазами вращает — там целый список услуг в окошке нарисован, с чудовищными ошибками. Заправка картриджей, скупка деталей и блоков,

снятие присяги и порчи, расходники…

Кстати, о масле. Индийское, пахучее, ему нравилось гораздо больше, чем мыльная Ковровская дрянь. Да и подешевле. Индус с максимально торжественным видом накачал ему из бочки в пепсикольную бутылочку густой янтарной жидкости, ляпнув сбоку наклейку с ещё более воинственной тюрбаноносной бородой и индийскими корючками. Вроде бы не минеральное.

Две мясные лавки почему-то стояли закрытые.

Дальше, уже у самых дверей метровокзала, торговал пряностями знакомый мрачный армянин с трубкой, и Филин начал ему день. Взял кусок сахара на фунт, да ещё за полфунта карпатского самосада от души поторговался. Потерпев тактическое поражение, дядя Арам восстановил баланс сил продажей стаканчика перца-горошка, а затем нанёс решающий сталинский удар: украдкой показал из-под прилавка початый пакаван чорной зры, только для тебя, брат! И тюбик аджики в подарок! Акция!

В двери метро Филин вошёл изрядно обедневший, зато с преступным зип-локом зры, запрятанным в недра ушанки. Там, внизу, царила вокзальная суета. Ване она напоминала о путешествиях и приключениях, ещё с самого детства.

Этот поезд был не здешний, а фирменный с Савёловского рынка. Во главе состава круглился роскошный вагон космических очертаний, в иссиня-чорных карбоновых панелях, с бегущей строкой над выгнутыми дверьми, весь в диодах. С неудобными пластмассовыми сиденьями. Достижение народного Мытищинского хозяйства. Таких всего два. Один купили богатые савёловские электроанархисты, а второй всё никак не продавался.

Тётка в красной шапке не пускала в вагон, собачилась с нагруженными бабками, потому что в полу там был открыт люк, и из него торчали шесть ног в синих штанах. Похоже, машинисты кувалдой вгоняли ума в задние ворота камминсовскому дизелюге. Кто б сомневался.

Дальше шли вагоны от «Русича», в них кондукторы вовсю обилечивали простецкий народ, студентов, работяг, стаю скорбных монахов с посохами, мам с детишками. Там уже изрядно народу набилось. Были и непременные анархисты в тельняшках — «матросы сухопутные».

Народ едет на Савёлу, народу нужны запчасти. Тем Савёла и живёт. Считается, что там анархосиндикализм, а на деле — самая обычная купеческая республика, типа древней Генуи или Одессы.

Ещё один вагон — переделанный от «Яузы», первый класс. С сиденьями от самолёта. Там почти никого нет, только мрачная тётка в синей пилотке наливает вискарь двум весёлым троцким.

Если купцу-электроанархисту дать волю, он постепенно превращается в троцкого. Судя по всему, это их мешки и посылочные ящики занимали половину платформы, прицепленной следом.

Бронеплатформа «Товарищ Свифт» с боевым модулем от БТРа официально превращала весь эшелон в бронепоезд, так в расписании на табло и написано. Кажется, платформа даже не самоходная. Реликт первой смуты, небось. Никакого толку, кроме куража да престижа, от той платформы не было. Например, повертеть стволами над торгующимися. В поисках скидки. У них там на серой ветке принято прямо на станциях рынки устраивать, и даже с поездов торговать. Дикий северный народ. А потом от них по всему метро крыса идёт и таракан заводится.

Наконец, бабок с их кошёлками загрузили в космичный вагон. По трансляции захрипело «Прощание Славянки», дизель взревел. Бронепоезд «Товарищ Свифт», лихо дребезжа, медленно стартанул во тьму тоннеля. Над перроном повисло смрадное облако экологичного биодизельного выхлопа, и провожающие спешно бежали. Ваня прошёл насквозь через вокзал во второй переход, и, не заходя в подземелья «Принц-Плазы», пошёл на бойни за Тош-Толкин базаром. Главный доктор выгнал хранителей кровавого искусства к самому лесу, чтоб крыс не плодить.

Многие лавки были закрыты и здесь. Те, что обычно говядиной торговали. Свинью-то ему отрубили быстро, от какого-то гигантского неопределённого куска — Филин не был силён в свинской анатомии. Судя по куску, свинья могла быть огромным червём типа олгой-хорхоя или даже шай-кулуда.

А что, в детстве Ваня думал, что курица — это такая огромная гусеница на тысячу окорочков, сердец и желудков. Этого в продаже всегда полно, а прочих куриных запчастей некомплект. Лишь много лет спустя он узнал, насколько был близок к истине. Во многая мудрости многая есть печали.

Баранью ногу удалось добыть у резника Исмаила, устраивавшего кровавую баню овце. Исмаил огорчил. Проблемы с говядиной, говорит. Не везут, а ту, что везут, добрый доктор санинспектор не пропускает. Сидит в своей конторе айболитской и сам жрёт, зараза.

Ну и что теперь делать?

03. Свиноволк жрёт мой завтрак

В княжьей администрации бурлила жизнь, по «Принц-Плазе»

беспорядочно носились секретарши с бумажками, вояки в поиске отпускных и починочных, бабки с жалобами, ну а те, кто на работе пинал балду, бегали быстрее всех. Такая суета Ивану была непонятна. Есть же электронная почта, сайт аккуратный, и даже работающий. Что за бумажки? И даже если ты куда-то несёшь бумажку, бежать-то зачем. Иди.

Один казак говорил Филину, что по суете узнавали москвичей ещё в старые времена. А уж если приедет свежий солидный человек из приличного уральского города, встанет между Трёх вокзалов, то и вовсе обомлеет: как эти москвичи носятся! Кто все эти люди, куда они опаздывают, почему у них такие скорбные лица? Зачем так торопливо говорить, и при этом акать? Потом через месяц глядишь — а солидный человек сам уже заострился, осунулся и рысью бежит мимо со сложными щами. Москвич его укусил.

Иван никуда торопиться на собирался. Пельмень суеты не терпит.

Терминальчик электронной очереди предложил ему поговорить о квартплате, подать жалобу, узнать погоду, сыграть в лото, оплатить телефон, купить билет на утренние мультики — и ещё десятка три не менее заманчивых вариантов убить время. Лишь на четвёртом экранчике приютилась кнопка записи на аудиенцию к его сиятельству.

Восслав ленивое проклятие автору интерфейса, Филин залогинился и стал четыреста двадцать восьмым с перспективой побеседовать с хорошо обученным сотрудником в следующую среду с девяти до тринадцати.

Ну и пофиг. Есть план «Б»: вместо пельменей манты да позы делать — это мы тоже умеем. И вот ещё вам план «Г»…

Через три минуты вконец замороченный терминал, выдав экранную клавиатуру, удивлённо запустил браузер. Как только Ваня отошёл, машина решительно взыграла Ляписовский «Капитал», волнуя офисный планктон.

Приунывший Филин принялся смотреть в гигантский световой колодец по центру вестибюля. Колодец пронизывал всё здание от подвала до стеклянного купола над пятым этажом. Там, на самом верху, виднелись розовые пятки художницы Лолы Лонли, да и вся остальная художница. Подвесившись на нижней обвязке, она летала по окружности колодца, постепенно покрывая белый бетон небесами, звёздами и птицами. Князинька красоту ценил.

Кричать Лоле было бесполезно — она там в наушниках с Майлзом Дэвисом. Уже неделю так летает, все дни напролёт, и лишь изредка приземляется перекусить на четвёртом этаже.

Только там и можно её поймать.

На четвёртом — фудкорт для чистой публики с княжьими трапезными, а заодно с трапезными китайскими, и вьетнамскими, и даже вражескими, а также с пиццерией и мексиканскими буррито. При мысли о буррито желудок мечтательно застонал. Ваня решил, что Бог с ними, с конскими ценами, пожрать надо непременно. Но сначала внизу в «Виктории» докупить оставшееся по списку.

Тут Филин почувствовал, что стоит в тени чего-то большого, и уже давно. С опаской оглянувшись наверх, он натолкнулся на ленивый интерес во взгляде Яроволка. Впрочем, могучий княжеский телохранитель предпочитал зваться Ромой. Рома был в гражданском, а именно в буром плюшевом тренировочном костюме шестидесятого размера и синих сланцах чуть поменьше ласт. Великан обманчиво напоминал добродушного Винни-Пуха.

— С добрым утром, Филин. Что опечалился?

— Да ничего… Вот, думаю в магаз внизу сходить… — стушевался Ваня.

— Колись по-хорошему, пернатое. Ты ж в электронную очередь записался? Записался.

— Да ну до среды ещё ждать! Давай лучше я обратно выпишусь! — Вспылил Ваня, но звероволк Рома нежно приобнял его практически целиком, и отвёл к ряду сидений у стены, прочь от снующих придворных:

— Чува-ак! — проникновенно сказал он, — Послушай. Князинька у нас хандрить изволят. Они уже готовы снять бороду и отправиться за приключениями. Вот сейчас он посмотрит за завтраком газеты, журналы, логи, а там загадочный ты со своим талончиком терминалы хакаешь! Это после того-то, что ты на Солянке учудил, да. Как ты думаешь, кого за тобой пошлют в мой выходной? А если князь решит через удалёнку мной порулить? Я ведь расстроюсь. И ты всё равно будешь беседовать, но уже с расстроенным Яроволком.

— Да ладно, чего ты… Я у него говядины хотел вымутить.

— Поутру к князю за мясом. Это свежо…

Почуяв открывающиеся возможности, Филин вкратце, но с жаром описал всю тему насчёт пельменей. Во взгляде Яроволка забрезжила мечта:

— Из трёх зверей… То-то зрой от тебя за километр несёт. Палишься. — он гыгыкнул. — Да не, не переживай, это у меня просто нюх. А баранины много взял?

— Ногу. Да всегда докупить можно. Вон же рынок.

— Короче, сам сейчас князю всё расскажешь. А я заодно нашему великому утёсу с ногой на небе старый должок отдам.

Вот сейчас присяду только… — хитро усмехнулся Рома-звероволк, втискивая могучий зад между скрипящими перилами пристенных креселок.

Умостившись, он прикрыл глаза и на секунду обмяк. Потом словно включился, с рёвом рванулся, выворачивая привинченную к стене сидушку, с выпученными глазами рухнул на колени и дико заозирался. Привычный ко всему здешний народ продолжал бегать туда-сюда, словно ничего, ну ровным счётом ничего не происходит. Только одна бабка с талончиком встала поодаль, сложила ручки на палочке и приготовилась глазеть. Гигант уже взял себя в руки, с княжеской небрежностью снял с задницы скрученные перила и, отряхиваясь, встал:

— Между прочим, я завтракал. Возможно, кофе пролил. — пробрюзжал его высочество, приосанился и светски добавил:

— Шутничков на костёр! Выкладывай, что случилось.

— Дык… Эта… — Ваня Филин вдруг почувствовал себя немытым мужиком пред царскими очами. — А разве Рома ничего не говорил насчёт говядины?

— Говядины? Не, не говорил. А как он скажет? Ведь если я здесь, значит он в спящем режиме. — Тут князь спал с лица, прикинул мысли так и эдак, наверняка заглянул в консольку, в логи, да и заревел раненым быком:

— Свиноволк жрёт мой завтрак! — И немедля перекинулся обратно в своё тело. Бабка меленько закрестилась. Оседающий на пол гигант разом наполнился довольным Ромой. Тот приземлился в себя привычно, как парашютист, спружинив коленями, и сыто облизнулся:

— Ну вот, теперь князю любопытно. Я чую, он там аж бьётся от любопытства. О, а вот и сам звонит! — Сияющий звероволк ответил, точнее в основном послушал, мол, да, да, так точно, виноват, так точно, глуп. Отбрёхиваясь таким образом, он провёл Филина мимо застывшей старушки в подвал, к аппарату с пепсиколой, не забыв прихватить себе баночку, вызвал ключом спецлифт. Глядя поверх потолка в космос, Рома катал банку пепсиколы себе по центру затылка. Лицо его выражало абсолютное довольство, практически нирвану.

Наконец князь повесил трубку, истощившись, а лифт пришёл.

04. Коровье бешенство

Бледный князь лежал в пуфиках, подложив под затылок бутылку хорошего одесского виски из холодильника. Его же он потягивал со льдом. В одиннадцать утра. Скучать изволят.

Помавая стаканом по мере разговора.

— А про коровье бешенство слышали? В Воронове на хуторе имени Матаджи коровы были, так в конце ноября поутру всех кур сожрали, разорвали двух свиней. Но тогда повезло, как хутор догорел, так твари заскучали и друг друга все загрызли. Вот какие случаи бывают. Так что нет теперь говядины!

У окна поближе к свету стояло трюмо, с кистями и гримом, лежала косметичка. Левее на тумбочке обретались две княжеские бороды, помещённые на гипсовые головы в шляпах и тёмных очках. Одна голова была при бороде парадной окладистой, а вторая обрамлена буйным байкерским безобразием, словно тут присел отдохнуть перелётный ZZ Top. Перед зеркалом вертелся на офисном кресле Яроволк. Доедая княжескую яичницу, он сочувственно покивал:

— Да-а, совсем говядины нет… А тогда ещё в Воронове сахаджи-бабку с собакой с крыши дирижаблем снимали.

Помолчали. Твёрдо держась темы, вновь заговорил Филин:

— А вот ещё за Троицком, говорят, мужики берлогу отыскали, через два дня пошли с собаками медведя брать. Глядят — а берлога-то вся развалена, кругом кровища застывшая, кишки да клочья шкуры медвежьей на ёлках висят. А кругом копытами всё истоптано, на деревьях следы рогов выше человеческого роста. — Здесь Ваня сделал паузу, как положено в таких историях. — Коровьих рогов. Потом по поломанным деревьям проследили, куда тушу медведя волокли, вышли к заброшенным коровникам. Но дело к ночи уже было, не пошли, конечно. Так что говядины на рынке не сыщешь.

Рома показал большой палец и скорчил сложную гримасу в том роде, что клиент почти готов, надо дожимать. Покончив с яичницей, он приступил к кофию. Закурил самокрутку и, нацедив из кофеварки хрупкую чашечку концентрированного эквадорского ада, с отставленным мизинцем продолжил:

— Да вот там же было, в Вороново. Послали газель на рынок на ночь глядя, а шофёр утром возвращается пьяный, у грузовика задний борт вырван. Говорит, бревно под колёса кинули и повылезли на дорогу все в масках, с рогами, да такие здоровенные, что он затих в кабине, как мышка, пока мясо перегружали. А потом их главный подошёл, на дверь опёрся и говорит: «Мы похороним наших братьев!» — Рома сделал большие страшные глаза. — И нет никого через секунду, как не было. А потом на сервисе смотрят — а на двери следы копыт вмятые! Теперь сплошные проблемы с этой говядиной, да.

Князь, до того заворожённо слушавший, что забыл про свой вискарь, теперь наконец заржал, мотая коротко стриженой

башкой из стороны в сторону:

— О-ох, да ладно! Совсем заморочили! Колитесь уже, на что вам говядина и сколько надо.

Дополняя друг друга, Рома и Ваня обрисовали проект пельменей. Князь сказал, что надо посмотреть в холодильнике. Нет, не в этом. В другом холодильнике.

05. Шахтная клеть

На знакомой всему Теплаку рембазе вояк за второй проходной между ангарами прячется небольшой кирпичный домик в два этажа, косящий под… Ну, под небольшой кирпичный домик. Контора какая-то, судя по одинаковым занавескам и лампам отравленного дневного света.

Внимательный наблюдатель может отметить, что лишь пара окошек в нижнем этаже отмыты от пыли, и жизнь происходит именно там. Прочие окна, похоже, выходят в узкий коридор по периметру дома. Заинтересовавшись, наблюдатель вполне способен обойти здание и взять на заметку большие вентиляционные отдушины, выходящие на заднем дворе под неброским навесом. Хлам под отдушинами цветёт роскошными кристаллами инея.

И конечно же, особо интересны расположенные под вентиляцией ржавые ворота с треснутым грузовым пандусом, но не сейчас, потому что по пути к этому месту неравнодушный зритель уже спалился на терменовых датчиках по верху забора, перед тремя камерами, а стоя в заднем дворике был палим ещё тремя камерами и одним ультразвуковым датчиком.

А ведь самое интересное — именно там, внутри, за зигзагом бетонного хода и за двумя защитными гермоворотами, в самом центре железобетонного монолита, заполняющего собой изнутри всё здание, а заодно и пространство под всем двором.

Там в маленьком кафельном предбаннике лифта стояли Князь в мятежной байкерской бороде и Ваня Филин, терявшиеся на фоне могучего человека Ромы. Они наблюдали за двумя тщедушными фигурами в ватниках. Каменнолицые сыны степей вырывали из разверстой шахтной клети почернелые лохмотья линолеума. Затем пришла очередь сырой фанеры, вовсе уже тлетворной, и Князь не выдержал:

— Алло, служивые, а лифт-то поедет, нет?

Ремонтники, прекратив сеять хаос, переглянулись. Один из них боязливо приблизился и заговорил, тщательно подбирая слова:

— Клеть стоит, нет, совсем нельзя. Видишь, регул… Регламентно-профила… катические работы. Срок окончания работ — понедельник двадцатого.

Из полумрака над головой прогудел звероволк Рома:

— Это неделю назад. Начальник ваш где?

Тут маленький ремонтник приуныл, забубнил в пол:

— Начальник нельзя, совсем нельзя. Бахтияр-эфенди в машинном сидит, лебёдка разобрал, не подпускает, говорит, клеть чисти иди. Вчера машинное пол мыли, током било. Рафаэль, — он кивнул себе за спину, — ухо обжёг. Понедельник двадцатого… Будет…

За его спиной Рафаэль решительно вырвал из клети огромный кусок гнилой дряни.

Вход в машинное оказался гермолюком под потолком узкого коридорчика. Во тьме крохотного помещения, окутываемый смолистым дымом и восточными мелодиями, сидел по-турецки совсем уже маленький человечек в комбезе и увлечённо паял. Из рук его тянулись живые щупальца щупов и зажимчиков, да и сам паяльник запитывался от контактов на запястье. Над буйной шевелюрой Бахтияра-эфенди шевелились стебельки диодных ламп и динамик с тягучей восточной мелодией.

Восточный человек опустил блестящие чёрные глаза на торчащих в люке гостей и встал, явив собой настоящего арабского террориста из плохих вражеских комиксов. Мало того, что волосы, смотанные шпагатом, спускались до пояса, так ещё бородой он превосходил и Хаттаба, и Горенштейна, и обоих ZZ Top, дерзая конкурировать с Карлом Марксом.

Однако, в отличие от брутального тевтона, да и от давешних разрушителей лифта, в электрике была аристократическая порода, не скрываемая комбинезоном. Именно за такое красная босота ненавидела белую офицерскую кость, только Бахтияр-эфенди был тёмен, как прошлое. Видимо, из хорошей арабской семьи.

Бахтияр неторопливо втянул в себя всю свою технику с музыкой и напевно, с лёгким акцентом, пояснил, что мотор сдох от работы, как кони дохнут, а что вы хотите, сто лет мотору. А нового нет и не будет. Но он уже всё починил, обмотку перемотал, через час клеть поедет.

Князь с лёгким сочувствием пояснил далай-электрику ситуацию с полом шахтной клети, и тот с тоскливым стоном вылетел прочь из лифтовой. Издалека стало доноситься многое и неясное, удалось разобрать только «харыпы», «джядап» и «твою мать».

— Ладно, идём. — капитулировал князинька. — Всего

одиннадцать этажей вниз, не рассыпемся.

Действительно, за ещё одной гермодверью в конце коридорчика обнаружилась обычная маршевая лестница, как в подъезде. Вниз киборги топали молча, лишь поскрипывал чей-то изношенный сустав. «Бабушка масла велела купить!» — вспомнил Филин и зарделся, стараясь идти аккуратнее.

06. Лимончик

Внизу было прохладно и душно. Метров двести тёмного подходняка привели на пост, где скучал лысоватый конторский дядя с чайником. Он встретил гостей как родных. Залогинились-то мгновенно, ещё на лестнице, но дядьке непременно надо было всех переписать в толстую книгу. Пир бюрократии отнял пять минут. Шурша карандашиком, вахтёр осторожно выпытывал новости. Судя по вопросам, наверху он не был никогда.

Наконец, князь не выдержал и рявкнул «Скорее, товарищ, белые в городе!», чем едва не вызвал в бюрократе нервический припадок. Отпоенное собственным чаем, дитя подземелья провёло их кружным ходочком с двумя маленькими гермодверками за вторые гермоворота. Там дядя со вздохом испарился. Здесь было поуютнее. Чисто подметённый грузовой ходок шёл по дуге, освещённый мутной диодной лентой на кабельных закладных. На бетонном полу чернели начирканные колёсами полосы. Колея ветвилась налево и направо, в другие ходки и к блокам, если верить белым надписям на зеленоватеньких стенах. Второй блок стоял на разморозке незадраенный. Там во тьме капало, пахло прелой картошкой.

Наконец совсем заблудились, всё-таки глянули в электрокарту и, вернувшись, отыскали тот самый четвёртый блок. Гермодверь была приоткрыта, перед ней лежал аккуратный махровый коврик, далее вдоль коридора тянулись заиндевелые двери — этот блок морозили не целиком, а отдельными камерами. В шестой камере обнаружилось искомое: висящие вплотную окаменелые коровьи полутуши.

— Золотой запас! — Гордо приосанился Князь, примерзая плечом к мясу. — Это уже при мне закладывали. Вот это пять лет уже висит. Столько проблем ими порешал…

В этот момент снаружи донёсся изумлённый охотничий рёв Яроволка:

— Крыса! — Великан стоял в коридоре, держал во рту укушенный палец и удивлённо вертел в руке маленький ароматный лимончик. На немой вопрос князя звероволк Рома

перещёлкнул внутри контакты и сухо доложил:

— Теплокровный объект весом от полутора до трёх килограммов следовал за группой от входа в блок. Затем вёл наблюдение из южного конца коридора. В руке держал цитрус. При попытке нейтрализации тяпнул меня за палец, кикимора, бросил лимончик и ушёл верхами на север-северо-восток. Давай, княже, втроём мы его загоним.

Было заметно, как звероволк по ходу речи переключает режимы работы. Почуяв интригу, Ваня и сам врубился, даже неожиданно для себя. Едва не словив бледного от стартовых тестов, нырнул в горячие волны загрузки подсистем. Стрелковая как всегда сбоила, резанула по рукам могильным холодом, и Филин её отрубил.

Князь же вычленил из Роминой речи главное и вопросил:

— Так крыса или теплокровный объект? А то крысы на складе вообще не катят!

Рома замялся:

— Ну-у… прицел клянётся, что крыса. Но сам подумай, два кило, да ещё уши во-от такие. И верхами по кабельным закладным прыгает. Давай загонять скорее, а то уйдёт зверь! А там поговорим, расспросим, что он за крыса.

— И цитрус в руках, значит? Или в лапах?

— Княже, вот он, лимон. Посмотри. — Цитрус был изрядно помят маленькими пальчиками.

Звуковуха распознала и подключила микрофоны. Окончательно прогрузившись, Филин словно крылья раскинул: размахнулся слухом на сотни метров, расслышал жизнь всего бункера. На тысячи голосов ворчал, стонал и ныл хладагент, в третьем блоке один из рефрижераторов панически пищал диагностикой. Туда стремительно нёсся от входа деловитый Бахтияр, грустно наигрывая из динамика «хабиби-хабиби».

Вообще, народу внизу было неожиданно много, не меньше десяти человек, и в основном они предавались праздному метеоризму. Двое, например, с гиканьем катились по грузовому ходку на грохочущей телеге-рохле. Во втором блоке из щелей оттаявших тюбингов звонко долбила ржавая капель, вода стекала в дренаж и, бурля в лотках, неслась в бассейн водооткачки в техническом блоке.

Там было ничего не разобрать без обработки: дуэтом с дренажным насосом ревел судовой дизель-генератор лошадей так на тысячу. Компрессия у него была аховая. Раньше дизельные стояли без дела, вся автобаза жила на ветряках и панелях, и князь не упускал случая похвастаться своей наноэкологичностью. Пока однажды не понадобилось срочно переработать в киловатты

эшелон халявной солярки с очень сомнительными документами. Но это к делу не относится. Ага, вот же! Филин сверился с картой.

— Товарищи, я двоих слышу. Тот, которого Рома спугнул, сидит на втором этаже над нами и боится. Ещё один такой же здесь, во-он там в дальнем конце в кабелях тихарится. Этот спокойно сопит. Точно не крысы, эти больше и… иначе. Не кошки. Непонятно, кто. Если кто пойдёт по второму этажу, то зажмём их в конце блока.

На второй этаж блока пошёл Рома. Князь и Филин громко затопали по первому.

— Откуда здесь лимон? — бормотал Князь Игорь. Он укусил цитрус и теперь кривился. — Гляди, свежий, даже с листочком.

Действительно, к лимону прилагалась веточка с пожёванным, но вполне свежим листочком. Наверху загробно заухал Рома, заверещало, и по узкой лестнице на загонщиков метнулась маленькая быстрая тень, спугнула вторую из-под потолка, и они с визгом пронеслись по стенам. Одну тварюшку Князь ухватил за шкирку, вторая занырнула, огрызаясь, в прогнивший короб старой вентиляции. Маленькие коготки стремительно зацокали к выходу из блока.

— В погоню! — взревел его сиятельство, размахивая пленным зверем как флагом. Погоня немедля началась. Филин прекрасно слышал, как маленькое существо несётся по жестяным трубам, оступаясь в темноте и осыпая вниз потоки ржавчины. Но встретившийся на пути шибер зверок аккуратно повернул, а за собой столь же аккуратно прикрыл. Ваня оказался в голове процесии: Князь со звероволком мало что не слышали ничего, так ещё и мгновенно скисли на длинном беговом рывке, и пыхтели как паровозы. Закабанели, значит, на казённых харчах. Наконец, на перекрёстке ходков зверушка выпрыгнула из дырявой трубы на новую вентиляционную гофру в сторону Технического блока и была такова — растворилась в рёве дизеля. Филин притормозил, переключая фильтры и режимы, и вывернувшие из-за поворота товарищи едва не втоптали его в бетон. В княжьей руке покорно висела… Висело…

— Чебурашка. — Отдуваясь, уверено заключил звероволк. — Крепенькая, ушищи здоровые. Лимоны жрёт.

— Да ну! — обессиленно выдохнул Князь Игорь, вертя перед глазами грустное животное. — Чебурашки апельсины жрут. А это какая-то обезьянка. Вон, хвостик. И уши маленькие, это просто мех вокруг растёт. Игрунка что ли?

— Мармозетка, скорее. — с внезапной уверенностью заключил гигантский Рома.

— Да ты обезьяновед! — Удивились его сиятельство. — И это не чебурашка?

— Нет. — отрезал Яроволк. — Я охотник, я знаю. А второй зверь ушёл в старую дизельную. Вон, Филин подтвердит. Надо к ним загонщика на людской ходок ставить, а то уйдёт добыча.

Ваня, собственно, всё подтвердил, и пошёл туда, куда вела электрокарта. В качестве подземного загонщика обезьяны.

07. Дизельные джунгли

Собственно, Иван-Филин опоздал. Тем двум лосям только и было задачи, что свернуть по ходку да гермодверь открыть. Ване же пришлось бежать через ледяной ад седьмого блока, продираться тёмными ходками с вагонетками, трубами и прочим склизким хламом. Потом он внезапно вышел к ароматному сортиру на десять очков. Тут даже электрическая карта смутилась, но Филин уже слышал и видел, что идти надо по натоптанному: в вентиляционный ходок под потолком.

Мимо ревущих труб вытяжки узкая народная тропа вывела к прикрытой гермодвери балкончика высоко над полом дизельной — как на галёрку театра. Железный трап вёл вниз, туда, где в сиянии диодных панелей развратно процветали буйные джунгли. В кадках стояли основательные пальмы, шагали из ведра в ведро узловатые стволы фикусов, по стенам вился комнатный виноград, была петрушка в ящиках, также преступно колосилась запрещённая чорная зра, было и иное. Свежий зелёный запах выгодно оттенял ароматы подземной бытовухи и солярки.

Из чащи синими бегемотьими спинами подымались капоты четырёх дизель-генераторов. Над самым дальним, полуразобранным, царил Цитрус. В разваленной бадье, навалившись корявым стволом на капот агрегата, раскинув мощные сучья, он чувствовал себя прекрасно, желтел десятками оптимистичных ароматных лимончиков. Филин, конечно, знал, что монтеры любят цветочков поразвести, но чтоб настолько…

Ближайший к Ване дизель вовсю работал, но рёв удалось придавить караоке-фильтром, и в искуственно-ватной тишине проступили разговоры людей, которых Ваня поначалу не разглядел в дебрях.

Близ ревущего дизеля под денежным деревом разъярённый Бахтияр-электрик красноречиво порицал благодушного человека в очках по имени Гидротехник Вова. Временами даже рёв генератора заглушал:

— Вова, какой ты после этого гидротехник! Тебе три обезьяны

доверить нельзя, нет? Джядап! Что значит «выскочили»? А крючочек? — На голове бушующего Бахтияра в гуще волос и змеящихся электрощупалец ловко балансировала та самая беглая чебурашка, дёргала электрика за стебельки диодников.

— Открывают они давно твой крючочек! — беззлобно ревел Вова. — Лапкой! Там замок вешать надо. Говорил я тебе!

— Ты мне говорил?! Да это я тебе всегда говорил! — пылко парировал Бахтияр-эфенди. — Ты в курсе, что Мойра рефрижератор в третьем блоке на разморозку поставила? Ну хорошо, её я поймал, Двойра сама вернулась, а Цепойра-то где? Там князь с инспекцией ходит! Инкогнито, как мистер хэ.

И далее в том же духе. Далай-электрик ещё не знал, что чебурашка Цепойра уже здесь. В дальнем конце заросшей дизельной на опушке стояли Князь Игорь и Яроволк с отвалившимися челюстями. Из-под сени алоэ они озирали окрестность. Почуяв родные джунгли, чебурашка в княжьей руке обрела духовную бодрость и, извернувшись, тяпнула ближайший палец. Под княжьи вопли тварюшка юркнула к подножию цитруса, в расшатанную клетку из рабицы. Там уже сидела такая же чебурашка, вместе они захлопнули сетчатую дверцу и стали держать её изнутри, скаля на незнакомцев маленькие зубки.

В этот момент скучающая женщина из динамиков громко потребовала остановки четвёртого агрегата. Бахтияр не глядя перещёлкнул тумблеры на панели, заглушая двигатель, и продолжил орать на гидротехника в постепенно наступающей тишине. Конечно, уже через пару колов времени из просеки к ним вырулили вконец обалдевшие Князь и Рома-звероволк. При виде начальства Бахтияр, поникнув электрощупальцами, снял с головы обезьяну и спокойно констатировал:

— Всё, Вова. Это пиздец.

Вдали, в мастерской дизелистов, раздался гулкий кишечный звук. Князь светски поднял брови:

— Вы и слона тут держите?

Бахтияр окончательно сдулся:

— Нет, это не слон. Это полковник.

— Полковник? — Княжьи брови ещё поднялись. — Какой-такой?

— Полковник Святошин. Он в мастерских спит. Ну всё, кранты…

— Я знаю только одного полковника Святошина… — Протянул Рома. — Аркадия Николаевича. Но это же…

— Да. — Уничтоженно подтвердил электрик.

— Сам Святогор… — потрясённо прошептал Яроволк. Князь Игорь также помотал головой, собираясь с мыслями. Помолчал

немного. Подёргал себя за буйну бороду зизитопову, да и уточнил аккуратно:

— То есть в резервной дизельной моего холодильника всё это время спит Святогор?

08. Командирская зарука

В мастерской, как и положено монтерам, было настоящее логово. Монтерятник. В чистом углу на весёленьком ковре дастархана Рома, Ваня и Бахтияр-эфенди заедали сливовым вареньем эквадорский кофеёк, злой и горький, как судьба. Из динамиков на голове араба пелось печальное «Намида кап-кап». Гидротехник Вова исчез среди компьютеров, осциллографов и трансформаторов в другом углу, паял трансформатор Теслы. Остальное пространство было загромождено перфораторами, метровыми свёрлами, компрессорами, бочками смолы и Бог знает ещё чем. Князь отсутствовал, опутывая проводами и датчиками таинственного Святогора, спящего в фанерной будке. Обезьяны были водворены назад в заточение. И слава Богу.

— Ну ты Ваня вообще необразованный, темнота! — вещал кайфующий медведь Рома. — Сам полковник Святошин! Под конец второй Республики правительство уже чемоданы в Капотне паковало, а он двумя неполными БТГ прошёл форсированным маршем до самой Твери и пробил блокаду, всего два танка потерял. Ну и вернулся. А под Ярославлем, так у Святогора уже сорок тысяч народу было. Ну, а гадам капотнинским такого даром не надо было. Сначала урезали админские права до полковничьих, оставили ему, собственно, полк. А потом технарей натравили. Он же старый, все системы изношены, ломаный-стреляный. Отключили ему стрелковый комплекс, это боевому-то офицеру, да и списали в хозвзвод. Старик обиделся и стал спать в свободное время. А к этому времени всё уже развалилось, Капотню сожгли, смута началась. И Святогор спящий пропал. В народе разное говорят, то ли в Китеж его забрали, то ли в пещерах Гороховецких спит. Но ждут.

В джезве на плитке созрел следующий заряд кофе, и звероволк стал аккуратно наполнять чашки. На его рассказ Бахтияр подтверждающе покивал, включив задорную дагестанскую гармонь, и дополнил:

— Да, Николаич тогда под конец совсем плохой стал. Почти не просыпался. Из Калуги отступали, закрепились в Мосрентгене. Там военная база. Была. Собирались кто откуда, с разных частей, окруженцы, раненые. Понятно, что отступать уже некуда. Старых

святогорцев много было, они живучие и не разбежались. В ночь перед штурмом трое наших оттащили командира отнесли сюда, в старой дизельной положили, да я при нём остался. Главный инженер нас прикрыл, отличный дядька был. А наутро Мосрентгенскую базу накрыли тремя баллистическими чемоданами с вольфрамовыми ломами, да бомбами фантогеновыми посыпали. К нам захватчики тоже заехали, да при виде еды так обрадовались, что даже вглубь бункера не ходили. Сюда вообще мало кто ходит. Потом РХБЗшники в Мамырях встали, ещё два дня через лес из миномётов лупили. На базе мало кто остался прежним. И вот неделя прошла, другая, вылезаю наружу, а фронт уже к Шаболовской ушёл. А тут глубокий тыл и мирная жизнь. Потом амнистия вышла, я сюда официально оформился.

Тут Рома, уминавший печеньки под кофеёк, хмыкнул:

— Это да, помню. Всем амнистия, даже тем капотнинским тварям, а Святогору — хрен. Союз психической гигиены приговорил к дефенестрации с девятого этажа без стога, потом скостили до семи этажей. А когда тут Ганза правила, так на полковника заочно повесили виру за десять тысяч человек. По требованию правозащитников.

— Так и лежит в спящем режиме. — Продолжил Бахтияр. — Только пожрать включается раз в день. Вот, кстати, через пять минут у него побудка. Князь, осторожно, он сейчас встанет!

— И что, никто его не трогает?

— Да здесь никто и не бывает, один Вова. Он пробует как-то старика взбодрить, но там коды командирские, блок присяги неизвлекаемый, а главное, сам командир просыпаться не хочет.

Сверкнула молния, запахло озоном. Из фанерной каморки, своротив косяк, спиной вперёд вылетел Князь Игорь. В конце баллистической траектории он влетел в груду барахла гидроизоляционщиков и остался там лежать. Рома неторопливо встал, отряхнув свой плюшевый костюмчик от крошек, и проверил. Князь был жив и икал. Яроволк протянул с завистью:

— Ого, ваша светлость. От самого Святогора командирскую заруку схлопотал. Что там, сорок киловольт?

— Восемьдесят! — гордо приосанился Бахтияр. — У полковника рука тяжёлая. А вот и сам полковник.

Из каморки, не подымая тяжёлых век, решительно вышел вовсе не исполин, а скромный пузатенький дедушка с острым носом, похожий на печальную птицу. Лысину обрамляли редкие длинные волосы, да и пегая борода густотой не поражала. Из-под тельняшки на флисовые подштанники свешивался провод с дымящимся куском княжьего оборудования. Не замедляя шага,

Святогор негромко буркнул:

— Майор Усманходжиев!

— Я.- устало подтвердил Бахтияр.

— Посторонние в расположении. Два наряда вне очереди!

— Так точно. — не стал перечить араб и никуда не пошёл.

Святогор строевым шагом удалился в ходок вентиляции.

— Майор это нехило. — Оценил звероволк. — А что так лениво командиру отвечаешь?

— Да я давным-давно присяжный блок разлочил и армянину на рынке продал. Хватит с меня этой дряни. Нарядов у меня уже штук триста. И разжалован — раз десять. И не беспокоит вообще, представляешь?

Яроволк изобразил на лице уважение пополам с чорной завистью.

Князь собрался в кучку и присел на край дастархана. Ему поднесли кофию. Княжеские зрачки имели форму звёздочек, причём левый мигал. Минут через десять князь примерно пришёл предположительно в себя. Как ни странно, он был доволен:

— Насыщенный денёк. Ну вроде ничего не пожёг особо. Я, пожалуй, домой пойду, подумаю, предохранителей поем. А вы уж тут сами…

И аккуратно ушёл, слегка пошатываясь. А Святогор, насколько мог слышать Филин, дошёл до сортира, сделал всё по армейски, кратко и решительно, а потом столь же решительно поливался из шланга. Затем оделся и так же строем пришёл обратно.

Из шкафчика старый киборг вынул стальную миску, ложку и банку крайне подозрительной тушёнки, вскрыв её одним движением. Из банки в миску с жирным хлюпаньем выпал порнографически-розовый цельнолитой цилиндр плоти с шайбой сала наверху. По мастерской разлился сытный запах, идентичный натуральному. Ляпнув из второй банки перловки, спящий воин тщательно вымесил всё ложкой. Полученный сиваш киборг перекрестил двумя струями майонезика, обратив в нямку, и сожрал холодным. Через какую-то минуту военный организм уже храпел в своей каморке. Вот уж чего Филин не ожидал от спящего богатыря, так это чёткого соблюдения нямочных традиций. Сам-то Ваня нямку в принципе не переваривал, но даже врага надо уважать. За верность убеждениям.

На «Жигулях» уехал князинька, и Роме с Ваней пришлось тащить полкоровы домой пешком. Для звероволка это была вполне посильная задача. Он был молчалив, что-то про себя прикидывал. Ну а Ванина голова переполнилась впечатлениями, так что он тоже помалкивал. Только у дома вспомнили, что

можно же было вызвать такси.

09. Кормление Святогора

В общем, домой Филин пришёл уже в ночи, вымотанный, зато с добычей. Его хватило только на то, чтобы намесить теста: восемь стаканов муки, восемь яиц, два стакана воды, соль. Нет, ещё муки надо. Блин, а теперь надо опять воды… Вымешивал долго, гораздо дольше, чем хочется. Ходят легенды, что хорошо вымешанное тесто должно отлипать от рук. Немногие доподлинно знают, что достичь этого возможно. Такое тесто не рвётся и отлично раскатывается. Теперь крышкой закрыть и на холодильник, расстаиваться.

Уснул Ваня мгновенно. Конечно, всю ночь по его снам маршировал спящий полковник Святогор. И маршировал там до тех пор, пока Филин не понял, что уже не рано, и это не грохочут сапоги, а кто-то на кухне мерно рубит мясо сечкой. За окном стояло пленительное утро, из тех, что шепчут: «Посмотри, глупый, как хорошо дома!» Мглистое небо и горизонтально летящие ледяные иглы.

В кухне заспанного киборга ожидало оживление и многолюдство. На балконе Руст с самокруткой в зубах мучил контрабас попытками Жобима. Звероволк пришёл и рубил мясо, чем обаял бабушку. За ним пришла его звероволчица — Филин и не знал, что таковая имеется. Это оказалась несгибаемая крепкая индейская женщина Тайга, из тех, что живут в типи и курят ягель или что там положено. При этом звали её Даша Дёмина, и была она родом из Мытищ. Она также грела бабушкино сердце, пичкая манной кашей маленького смурного звероволчика:

— За Родину, за Сталина, за Юрия Гагарина, за Днепрогэс, за технический прогресс, за Третьяковскую галерею и… Отставить корчи, это последняя! За маленького Зверофея!

Ваня прикинул, что для этих диковатых людей со множеством имён и личностей назвать потомка Зверофеем вполне логично и нормально. В общем, так сказать, стиле. В этот момент Яроволк решительным ударом сечки разрубил деревянное корыто. В итоге фарш без колебаний изготовили в мясорубке.

Филин прикинул, что получается где-то килограмм говядины, грамм шестьсот свиньи и столько же барана. Значит, луковиц штук шесть, да побольше. Для первой пельменной сессии хватит.

Потом в фарш были добавлены свежемолотый перец, соль и немного запрещённой и незаконной чорной зры, пищи отверженных. Добавлять в фарш что-либо ещё Ваня считал

преступным и неверным.

Тесто он катал прямо на пластике стола, едва успевая расправлять тонкие блины на пельменнице в тридцать семь ячеек. Восемь рук мгновенно наполняли ячейки мясными шариками, и Филин тотчас же накрывал всё сверху вторым блином, почти прозрачным. Затем прокатать пельменницу скалкой, пока рёбра металла не проступят через тесто, и резким движением вытрясти пельмени на стол с мукой. Это тоже не у всех получается. Пельменница таит в себе множество подлых ловушек, требуя сноровки и коварства… На доску теперь их и на балкон.

Тесто кончилось внезапно, как патроны в пулемётной ленте. Фарша осталось немного. На балконе стыла груда поверженных пельмешек. Особо отличившиеся уже плавали в бульоне, и надо было подождать буквально ещё три-четыре минуты, самые томные и волнительные.

Бабушка уже несла, выставляла на стол и сметану, и масло, и разведённую кислоту, и свежие предохранители, и непременный графинчик запотевшего спирта, и воду для шила, поставила и того самого веретённого маслица с портретом бешеного сикха, и дорогого баллистола — для престижу.

В тарелки упали первые пельмени, были вознесены за здоровье стопки самогона и наступило сосредоточенное молчание. Вмиг пельменей не стало, и в кипящую кастрюлю были водворены вторые пельмени. Туда, в сытный первородный туман, хищно и неотрывно взирал юный Зверофей. До этого пельмени с ним не случались.

Через несколько колов времени Яроволк, Филин и Тайга расслабленно курили на балконе. Передавая самокрутку, Филин вздохнул:

— А дед Святогор уже двадцать лет каждый день жрёт свою тушёнку тошнотную. С холодной перловкой.

Яроволк подтвердил:

— Да, жесть.

Мудрая женщина Тайга сказала:

— Дуйте живо!

Яндекс-такси прислало сани через пять минут. Князь уже давно был в дизельной. Он велел проветрить, вон то дерьмо выкинуть и пол тут вымыть, нет, Алтын, ты не понял, не просто грязь размазать, и вот ещё, в основной дизельной все агрегаты работают? Вот пусть они там и работают, а это убоище не включать.

Бахтияр-эфенди ушёл претворять распоряжения в жизнь. С достоинством. Вчера ввечеру его высокопреподобие посмотрел логи и выяснил, что ещё лет десять назад Главный инженер лёг

на подзарядку, залогинился да и отдал Богу душу, но не всю. Практичный араб положил ценного специалиста в дальнюю морозилку, откуда тот все эти годы работал удалённо. Основные обязанности инженера выполнял Бахтияр. Князинька поразмыслил да и оставил их всех как они есть. Только повысил, наконец, майора из разнорабочих в далай-электрики.

Святогор вновь был опутан проводами, подсоединён к новому компу, но теперь князь работал хорошо заземлённым, с кабелем в зубах. Пельмени в его светлость впихнули с трудом, но с первым же укусом тот изволил оценить и проникнуться. Может, и сработает.

До очередного пробуждения Святогора оставалось минут пять. Совместными усилиями деда побрили и обкорнали машинкой по уставу. На тумбочку киборгу положили свежую тельняшку и портки. Провода от греха подальше поснимали и стали ждать.

Проснулся Святогор мгновенно, по походному, всё так же стремительно слетал в сортир, привычно сунулся в шкафчик, а в шкафчике пусто. Нет ни вилки, ни миски, ни еды. Старый киборг добавил немного напряжения на процессоре.

— Капитан Усманходжиев! — возмущённо взревел он командирским голосом.

— Так точно, товарищ полковник. — чётко и обтекаемо отозвался Бахтияр, сияя зубами из шерстяной чащи хайров и бороды. — Прошу к столу!

На столе не было привычной нямки, однако некоторая еда всё же присутствовала. Полковник сел на стул, наклонился над едой и безо всякого выражения на лице вдохнул пар. Несколько секунд ничего не происходило, потом дедовы ноздри вздрогнули, и даже веки чуть приподнялись. Напряжение на проце ещё подросло. В сторонке князь, обливаясь потом, следил на своём планшете за Святогоровой телеметрией. Аккуратно отправив в рот пельмешку, Святогор вдумчиво её разжевал. Затем, оценив обстановку и даже не вспоминая о майонезике, воин быстро смолотил полную миску, да со сметаной, промедлив миг лишь перед последним воином пельменьего племени. Им он уважительно закусил возникшую невзначай под рукой стопку Николаевской янтарной самогонки. Тотчас Бахтияр выдал в зубы Святогору прикуренную самокрутку и поставил рядом пепельницу. Полковничий процессор теперь кушал все свои старомодные шесть вольт. И вот ещё кофий с лимоном. На плитке уже томились вторые пельмени.

Полковник Аркадий Святошин от души затянулся, выпрямился, и, гулко закашлявшись, открыл серые глаза.

Вода Митридата

01. Санаторно-курортный режим

Что за дрянь этот ваш Геленджик! Стоят себе на скучном черноморском берегу руины Минздрава. Санатории, дома отдыха, лагеря — всё либо обшарпано, либо разрушено, а вокруг них всё заточено под отдыхающих. На каждом клочке первой линии торчит сарайчик, а в нём — четыре спальных места. Частный сектор, однако.

Дороги — дрянь. Люди — тоже дрянь. Днём здесь можно жариться да отмокать, вечером — конвульсировать на танцах. Больше делать нечего. Да, можно ещё напиться и подраться. Дебил Рамен претворил в жизнь всё, кроме купания. Пьяная скотина. Нечего здесь делать. Как-то так.

А что ещё можно сказать о месте, где тебя казнят? «Беларусь» тянул железную телегу через весь унылый город, звеня по жаркой мостовой цепями заземления, чтобы все видели и могли покуражиться над приговорёнными. Например, кинуть гнилым абрикосом. На счастье, трактор ездил тут всё время, казней на неделе бывало штук по пять, и жителям надоело. Бередящее душу мрачное действо превратилось просто в вонючий синий трактор, который всегда в этот час пердит под окном. В три часа дня на раскалённой улице не было никого…

Филин и Рамен потели на телеге в клетке Фарадея. Под глазом старичины зеленел спелый фингал. За пять дней следствия, тупки и суда синяк успел налиться красным, синим, фиолетовым и уже начинал подвядать.

Синяк Рамену поставил сам Филин, чем гордился. А вот нечего в ДК пьяным ходить на старости лет. И друзей нечего впутывать. И совсем не стоит включать стрелковый комплекс, если сдал пистолет на таможне. Так их и загребли медбратья с вечерним обходом: маленький пьяный киборг бушевал, паля с двух рук из пальцев, а усталый протрезвевший Ваня оттаскивал старого от трёх опешивших кубаноидов по кубометру каждый.

Слава Богу, гопники не стали встречать медиков с цветами, а просто исчезли. Потому строгий участковый психиатор в пуловере поначалу пришил теплостанцам всего-навсего пьяное хождение. Хуже вышло с незаконным включением киборг-модулей.

С обычным усердным отдыхом северян здесь давно смирились, но вот пьяных отмороженных киборгов с Москвы

ненавидели люто. Городской консилиум считал, что они подрывают санаторно-курортный режим. С чего бы это вдруг?

В результате Особая Коллегия Совета психической гигиены приговорила обоих красавцев к публичной дефенестрации. Филин до хрипоты доказывал, что не включал в себе никакой электроники, так что в конце концов обвинение сняли за отсутствием улик.

Зато обоим накинули за неуважение к медицине и троллинг должностного лица при исполнении, и даже целого стада должностных лиц. Троллинг, не троллинг, но Рамен на пару с Филином изнурили психиаторов. Вместо красивого показательного утреннего процесса судьи получили дотошное обсуждение тончайших деталей и оттенков похмельного марафона — и это вместо обеда! Конечно же, многих айболитов одолели корчи. Толстенький профессор Догвадорж зашёлся в истерике, смеясь и рыдая на грудь санитарки, пока не обрёл аж три куба метаморфина в мышцу. Фтизиатр плотно сидел на этой дряни. Хорошо быть врачом в законе.

Ржавая телега со скрежетом встала напротив высоченного недостроя в центре старинного санатория. Санитары отвели приговорённых наверх, каждого на свой этаж сообразно приговору. Чорные проёмы окон, где-то давно, судя по запаху, нагажено, завязанные бантиком перила на лестничной клетке… А из трубы хозблока валит жирный дым. Место казни. Вон вообще кость лежит. И абрикосовыми косточками всё заплёвано.

Несмотря на жару, публика присутствовала. За кустами тихарились несколько кучек северян, прекрасно видимые сверху, мешали настойку боярышника с пепсиколой. Зашли поглазеть на варварские обычаи, не иначе. В серёдке площади косой шеренгой топтался пикет юродивых из «Союза жертв румынского смеха». Очень даже жертвы. Бабки жарились на самом солнцепёке с нехорошим огоньком в глазах, вцепившись коготками в длиннющий транспарант «нет включенью заключённых». Филин прикинул, кому они демонстрируют надпись — вышло, что увечному гипсовомупионеру, что выглядывал из цветника в центре площади.

Ещё по площади перед зданием катались три роллера. В тени туи экскурсия цветущих барышень из Меда облепляла тётку с сувенирами. Баянист на скамейке, бодрясь из последних сил, распевал классику: «Здесь любить мне довелося развесёлого врача» Всё разом увидел Иван с высоты, и понял, что никому, вообще никому нет до него никакого дела. Это было печально.

Худой человек в маске и белом халате, поддёрнув синие перчатки, снял с Вани наручники.

— Ну что, вы сами или помочь? — спросил он с такой теплотой, что Филин тут же пулей выскочил в окно. Невдалеке с геройской песней спикировал старый диггер Рамен.

Клумба больно ударила по ногам, а затем и по всему Ване. Синие перчатки потыкали, проверили пульс и тяжко вздохнули. Несколько полежав, киборг тихонько, не палясь, запустил диагностику, узнав о треснутом ребре и ушибе плеча. Дефенестрация с третьего этажа — дело нешуточное.

Рамен отделался легче: ему прописали седьмой, почитай что высшую меру, но ушлый диггерище вытребовал себе смягчающие обстоятельства по старости, близорукости, врождённому кретинизму и фиг знает по чему ещё. По совокупности потянуло на десятикубовый стог без вил. Даже не ушибся, зараза.

Филин вдруг заподозрил, что старой всегда так в Геленджике расслабляется. Во всяком случае, с пистолетом в кобуре диггер вёл себя гораздо пристойнее. В Тёплом Стане, правда, тоже не особо дурковал, но там Князь, с которым и не подуркуешь особо.

Что ж тогда будет в Керчи, где вообще Заповедник? Хаживал Филин в один заповедник птицу бить, хорошо помнит тамошние порядочки…

Охая и страдая, казнённые забрали с телеги свои вещи, станковый рюкзак да старый жёлтый транс. Поплелись обедать да валить уже из проклятого города.

02. Электроворона и флот

Рамен привстал в тряском кузове и от бедра пальнул из Калаш-весла куда-то вправо. С телеграфного столба разлетелись чорные пластиковые перья. Ваня позавидовал: хорошо, когда у тебя стрелковый комплекс цейссовский, а не тагильское убоище. На проводах повисли колышущиеся в пыльном мареве лохмотья. Старик скучал.

— Что за шум? — захрипел из зелло-говорилки командир конвоя — Опять Рамен?

— Так точно, товарищ Шубин. — лениво отрапортовал старичина. — Электроворона на столбе притаилась. Видеофайлик Филин сейчас скинет.

— Задолбал уже. У меня бабки в автобусе от каждого выстрела на дерьмо исходят. — Прокуренная командирская каюта находилась в заду скрипучего бронеавтобуса, рядом с горячим мотором, через хилую фанерную стеночку от не менее горячих пассажиров. Из своего мобильного чистилища товарищ Шубин источал ценные указания, лучи смерти и вайфай. Им-то в кузове

«Урала» куда как посвежее.

— Так точно! — подтвердил Рамен и, откинувшись на прыгающие мешки с секонд-хендом, вновь уставился в выгоревшее небо. Из окружающего шмотья диггер подрезал себе лыжные очки, берет, тельняшку и тактичные штаны, но по-прежнему напоминал истощённого военрука.

Сам Ваня как был в майке, бермудах да сланцах, так и остался. Казённого оружия он не брал, остался при своём ТТ на пузе. Стрелковый комплекс и с этим-то с трудом справлялся. В Геленджике перед наймом в симферопольский конвой Филин провёл много колов времени в Аду. Сидя в вонючем вокзальном сортире, он одиннадцать раз перезагружался, пока глючная стрелковка не распозналась. Отстрелялся по баночкам пред светлыми очами командира Шубина, был нанят и с облегчением выключился, пока руки не отвалились.

Старый диггер Рамен хандрил. Ваня высматривал ему электроптичек на пострелять, но помогало ненадолго.

За каждую пташку местные общины платили по двадцать Новороссийских барынек. Филину уже семь выплат на телефон капнуло. Дело доброе: никогда ведь не знаешь, кто там смотрит с той стороны стеклянных глазок. Конвои-то здесь ездили спокойно, местные более-менее, а вот одинокие путешественники — как Алиса в Стране Чудес.

Ну ничего, скоро уже Новороссийск. От Геленджика до города суровых мареманов было каких-то тридцать километров по берегу, но в войну артиллерия в хлам разнесла приморские горные серпантины, и никто не чесался их чинить. В результате конвой тащился аж мимо самого Краснодара, чуть в отдалении от недоброго города, с днёвкой на укреплённой автобазе с певучим названием Тлюстенхабль. Уже третьи сутки тащился, обрастая всё новыми транспортными средствами и путешественниками.

— Эх, Ваня! Что ж ты без меня делать станешь? Пропадёшь ведь. — Вновь завздыхал Рамен. Ваня не стал уточнять, что сколько себя помнит, столько и вытаскивал старого из разных бредовых ситуаций. Вот, ребро за него сломал. Вопрос ещё, кто пропадёт. Но разговор поддержал:

— А что ж сразу без тебя?

— Я из Керчи уже не вернусь — старик сделал похоронное лицо и уставился под обрыв. Ну вот ещё новости.

— Переезжаешь, что ли?

— Я ещё в старые времена часто в Керчь ездил, и дал себе зарок, что вернусь туда умирать. Вот, время пришло.

— Да с чего ты помирать-то собрался? — Не то чтобы Филин страстно желал знания, но пусть уж диггер выговорится, чем

сидит и киснет.

— Да потому что помираю! Старый я уже. Ночью, бывает, прихватит — на стенку лезу. Всё, посижу теперь тихонько у моря.

Да, Ваня видел, что диггера регулярно крючит, но не придавал этому особого значения. Думал, это времена просто такие, когда всех крючит. Следовало плотнее заняться здоровьем товарища. Тем более что Рамен, тихонько сидящий на скамеечке у моря, невозможен по определению. Ладно, пусть пока что поумирает, мнительный старец.

По сторонам дороги потянулись заросшие бурьяном каменные груды среди садов — старые окраины Новороссийска. Вскоре сохранных зданий стало больше, появились люди, и вот уже вокруг солидный город, бульвары, базарчики, кафешки, вон даже троллейбус едет. Корабельные реакторы позволяли не экономить на электричестве. Половина публики в бескозырках — и неудивительно.

Разномастные машины конвоя с рёвом и лязгом втянулись за поворот улицы, и открылся вид на Цемесскую бухту. Там был Флот, гордость и беда Новороссийска. Из воды торчали мачты и надстройки, а здоровенный ракетный крейсер лежал на боку, как ржавый кашалот. С его борта мальчишки удили рыбу — они что, есть её будут? Некогда старый флот унёс собой в Вальгаллу всю первую линию застройки: дома разрушило взрывными волнами с маленьким аккуратным цунами после каждой боеголовки, и теперь берег бухты был пуст и зелен.

К дебаркадеру был пришвартован на ладан дышащий БДК «Бэтмен» с чёрно-оранжевой полосой через надстройку. У бочек теснились новые «Ныркu», старая «Комета» на подводных крыльях, крепенький тральщик «Хмурый» и всяческие неопознаваемые шаланды. Это новый флот, точнее, как пояснил Рамен, всё то, что не пришлось ко двору в блестящем Севастополе.

В отдалении среди ржавого железа дымил трубой забавный спасательный катамаран с ажурной надстройкой-краном — Ваня с восторгом опознал неистребимую «Парижскую Комунну», которой лет двести уже. Ещё с царских времён кораблик подымал со дна затонувшие корабли, подлодки и даже самолёты, и поднял уйму. Потом с «Коммуны» запускали глубоководные «Миры» и «Колобки». Вот и теперь спасатели, замутив полбухты, увлечённо искали в вонючем иле что-нибудь интересное. По серой воде плыли радужные пятна мазута. С купанием в Новороссийске проблемы были всегда.

В порту выяснилось, что феодосийский паром ещё не подавали. То есть вот он, «Нохчи Борз», качается у причала, мнёт

покрышки кранцев, но когда посадка — неизвестно. Скучающие на широченной корме моряки, лузгая семечки, бестрастно наблюдали быстротекущую жизнь. Площадь постепенно заполнялась латаными грузовиками, джихад-мобилями, бронеавтобусами, БТРами. Сбились в отдельную кучу легковушки обывателей, жертвы коррозии. Бронетехника отъехала в сторону, её никто в Крым не повезёт. Большой конвой, хороший, на весь паром.

Ушлый командир Шубин поступил с Филином и Раменом точно так же, как с танками — дал расчёт и попытался оставить на берегу. Однако старый диггер был мастер психологического давления и через двадцать минут нытья выдавил из Шубина халявные билеты, как орёл прометееву печень. С тяжёлым вздохом Рамен вернул в оружейку своё калаш-весло, вновь вооружаясь пистолетами. Никакое другое оружие он не ценил так, как старый дубовый АК-47 с деревянным прикладом. Незакрытый гештальт армейского детства. Ну купи ты его уже, или сопри — нет, мы будем страдать, завидовать и пускать слюни.

03. Чеченский мореход.

В ночи Рамена скрутило. Пришлось лекаря искать. Ещё до его прибытия из рубки неожиданно прибежали знакомые люди. Тощего капитана Яницкого Ваня раньше видел только на сайте парома, а вот хозяином гигантского корабля оказался тот самый Махмуд Сатыров, у которого они совсем недавно вписывались в Сатыр-Юрте. Вдали от почвенных суфийских папы с мамой Сатыров снял обрядовый камуфляж, родовые разгрузки и по собственному парому разгуливал в парусиновом костюме с тросточкой — судовладелец, однако. Вместо себя моряки оставили на штурвале копчёного грека Ставракиса.

Ставракис, наверное, молодец и умница, но Филина не оставляло ощущение… Ну, как сказать? Вот несёшься по серпантину, покрышки визжат, и вдруг водитель оборачивается к тебе и начинает рассказывать анекдот, размахивая руками. Примерно вот так.

Теперь Яницкий, поджав губы, глядел в тёмные воды Чорного моря. В лице морехода отчётливо читалось: «Подыхай ты где угодно, только не на моём пароме». Тем более что Рамена поместили в капитанскую каюту. Махмуд же, неплохо знавший старичину ещё по Теплаку, расчувствовался, хватал за пятнистую лапку:

— Держись, старик! Сейчас доктор придёт!

Действительно, доктор пришёл. Полная санитарка аккуратно вдвинула в дверной проём опять же знакомого — небольшого фтизиатра Догвадоржа из Геленджика. Если верить её воркотне, айболита звали Жугдэрдэймидийн Огиевич. Монгол был в ауте: зрачки в точку, луноподобное лицо в испарине.

Неприятно воркуя, медсестра вкололa подопечному шприц-тюбик прямо через халат, и через минуту Догвадорж вышел на орбиту. Доктор, раскрыв карие глаза, с удовольствием расчесал жиденькие усы и цапнул стетоскоп. Всё ему стало интересно. Может, айболит и дулся на старого диггера за Геленджикские эскапады, но клятву Гиппократа надо блюсти. По крайней мере, во время прихода.

У Рамена обнаружилось всё. Сверху — гипертония, посередине — ишемия, и далее через гастродуоденит и вялую печень к камням в почках и простатиту. Ну и непременный холецистит, куда же без классики. «Ну, в вашем-то возрасте, батенька, да ещё при злоупотреблении спиртным…». Филин всё ждал, когда дело дойдёт до выпадения матки.

Во всё время осмотра Ваня внимательно слушал санитарку, не забывая сочувственно кивать. Анна Андреевна жаловалась, что медицинское светило по пути в заслуженный керченский отпуск усадили на головы бабкам в автобусе — в их, кстати, конвое! Ну и на пароме не дали отдельной каюты, так что ни поставиться, ни поприходоваться. В прошлую инъекцию напугал третьего помощника в машинном. Фтизиатрия в опасности! Что-то айболитов отпуск подозрительно напоминал ссылку.

Ваня уже привык, что располагает к себе пожилых дам, детей, собак, неформалов, военных… Всю свою цифровую жизнь он чутко всех слушал, и это обыкновение никак не монетизировалось.

Вскоре медик пришёл к общему мнению и исторг из себя пять рецептов тайного синусоидального письма, с красными круглыми и синими треугольными штемпелями, в сумме штуки на полторы барынек. Подъёмно, но всё равно грабёж. Ладно, вон уже видно Феодосию, там разберёмся.

Махмуд продолжал втирать старому:

— Держись, Рамен, ты меня ещё по Пресне поводишь… А я в ущельях ульи электроворобьёв знаю — постреляем!

Ну и в том же духе. Офигенно дружить с нохчи. Плохо не дружить.

Швартовались долго. Тем временем Догвадорж, кривясь и вздыхая, вытребовал у прижимистой санитарки несессерчик, то есть чемодан с ампулами, и прошил Рамена целой очередью всяких целебных конских возбудителей. Старой тихо и

безнадёжно орал про ненависть к уколам — всё тщетно. К удивлению Филина, от денег Жугдэрдэймидийн Огиевич отказался, сказав вполне по-человечески: «Да помню я вас, помню. Вы уж простите, что так тогда в Геленджике вышло…» Однако… Похоже, фтизиатр вышел на плато прихода и до завтра пребудет в мире живых. Доктор удалился пружинистым щагом, крутя стетоскоп. За ним поспешала санитарка Анна Андреевна.

Через минуту Рамен вскочил, как чортик из коробочки, и заорал, что хочет купаться. Чеченский мореход Сатыров, возрадовавшись, приобнял диггера и убежал на мостик, влекомый капитаном Яницким. Тот только буркнул киборгам через плечо: «Дверь за собой захлопните потом!»

Уже на набережной товарищей догнал матрос, всучивший им пухлый пакет с гостинцами от хозяина. Ваня глянул внутрь, и в глаза аж до слёз шибануло контрабандой: галатский табак, лукум из Горной Оряховицы, афинское веретённое масло, армянская бастурма. Гондоны из Измира. Вот таков был боевой путь преступных мореходов.

04. Не для купания этот город.

Искупаться не удалось. Центр Феодосии как бы намекает, что не для купания этот древний город, совсем нет. Главный городской пляж, притиснутый к воде железной дорогой, утыкается в портовые пирсы. И железная дорога тут же заканчивается — словно раньше никак не могла. А чтобы уже ни в чём никаких сомнений не оставалось, поперёк пляжа из дыры в набережной изливается сытная городская клоака. Вот там-то все и купаются под палящим небом. И их там много, несмотря на раннее утро. От всего человечества вроде как полторы калеки осталось — а в Феодосии всё так же не найти свободного лежака. Арбуз продают ломтиками по две барыньки за штучку. Юг.

Потрясение теплостановцев было сильным, но недолгим. В какой-то момент Ваня понял, что над ними обоими давно нависает некая тень. Он помнил, что это обычно означает, но не может же быть, чтобы здесь… Однако, всё было именно так: над товарищами довлел незаметно подкравшийся гигант Рома, он же Яроволк, он же звероволк и прочая, прочая. Рома был доволен своей скрытностью. Обычно он телохранительствовал над Князем, но сейчас-то его светлость в родном Тёплом Стане. Что за дела? Примерно так, только быстро и вдесятеро многословнее, высказался подпрыгивающий на песке Рамен.

— Да я за вами. — Звероволк сделал широкий жест рукой,

повеяв ветром. — Князиньке с утра Сатыровы звонили, так что их светлость меня сюда выдернули. Хорошо хоть в телепата играть не стал, а просто позвонил. А ты, Рамен, что такой удолбанный? Я думал, ты помираешь?

— Да! — радостно закричал старый диггер, устремляясь за массивным киборгом к автостоянке перед пирсом. — Я в Керчь помирать еду!

— Вот только тебя там и не хватало… — Хмыкнул Яроволк. — Я в Керчи посол Князя. Они там даже не представляют, до какой степени я полномочный.

На дипломатической службе он разожрался вширь в целого свиноволка и при этом поблёк. Никто не становится свежее, взгрустнул Филин. Яроволк по случаю южной жизни был одет в народную-разнародную косоворотку, портки и сланцы. На рубаху ушло пара аршин зелёного паруса, а красная вышивка по вороту навевала что-то белорусское. Подпоясан звероволк был пеньковым канатом.

Дипломатия требовала представительской машины: бежевой двадцать первой «Волги» с мощным, судя по вони, дизелем. Почти не ржавая даже. Двигатель хишно заурчал, и Рома устремил машину на Север в своеобычной манере, длинными прыжками по буеракам. Вскоре Феодосия стала истончаться, как призрак. Старые дома сменились стреляными-латаными высотками, затем жильё вытянулось в узкую полосу вдоль моря, а потом уже пунктиром между морем и вонючим лиманом шли одни развалины. Навстречу над шоссе тащился пыльный дирижабль, по пыли на нём было размашисто протёрто: «Помой меня!»

05. Чужой клоун в цирке с конями

По словам звероволка выходило, что он исколесил весь Крым в поисках кого-нибудь достаточно вменяемого для дипломатии. Здесь было безопасно, как в гробу: всех мешавших туристическому бизнесу полуостровитяне давно скормили психиаторам или рыбам. Но в остальном в Крыму царил полный цирк с конями, в котором теплостановец чувствовал себя лишним клоуном.

Татары те, татары эти, не путать с караимами, смурные монахи пещерных монастырей, психонавты из Совета психической гигиены, православные анархисты и отмороженные агностики — каждый под своим флагом держал кусок первой линии в уцелевших городах, и всех интересовала лишь возможность сдать тебе койку внаём.

Так, от койки до койки, по Крыму моталось больше сотни разных посольств из самых экзотических северных мест. Яроволк прилежно заносил их все в планшетик. С двумя даже вступил в дипотношения — Филина так и подмывало спросить, дипломаты там были или дипломатки.

После развала Мытищинского согласия все ринулись на юга искать друзей покрепче. Названия наногосударств звучали солидно, сами послы были изысканны до гейства. Некоторые уже остепенились, сняв под посольство комнатки где-нибудь в третьей линии. На таком фоне кочующий слоноподобный посол Княжества Тёплый Стан смотрелся дико, особенно доставляла косоворотка. Впрочем, местные вообще на всех понаехавших некредитоспособных оборванцев смотрели как царь на еврея.

И ещё здесь везде терпеть не могут киборгов. Включаться в общественных местах можно только в Балаклаве, но там сидят больные на всю голову армейцы давно разгромленного Черноморского Союза. Ну ещё на Чуфуте, где в клубах дыма процветают всяческие растаманы, панки и прочие неформалы, загнанные подальше от моря. Договориться с ними можно о чём угодно, но будь готов, что назавтра они всё уже перепутали, а документы потеряли. Но люди хорошие.

Лишь в самом медвежьем углу полуострова, в тупике таинственного Керченского Исторического Заповедника, княжьи верительные грамоты второпях провели как официальные документы со входящим номером. Осознав промашку, Научный Секретарь долго мялся, кривился, но обратного хода бюрократия не давала, и одинокого Яроволка оформили как Теплостанскую Экспедицию. Ради этого звероволк даже позвонил Князю и тотчас стал членом-корреспондентом Академии Наук Тёплого Стана. Так в Тёплом Стане появилась Академия. Секретарь даже обещал теплостанцу Открытый Лист, прозрачно намекая на мзду.

Не успел член-корреспондент и трёх дней потупить на новом месте, как с транзитного Долгопрудненского дирижабля на голову ему обрушилась решительная жена Тайга с маленьким Зверофеем под мышкой и с гостинцами от Князя. Поставила индейское типи за дурдомом на Семи Ветрах и построила мужа. Сказала, что ребёнку нужно море, а мужу — присмотр. На том пока и остановились. А тут и Князь звонит.

06. Как на Ак-Монае кончилась пепсикола

Под разговорчики протряслись полпути. Дорога по жаркому времени была пуста, верблюды и пешие путники пережидали

самое пекло. Навстречу попадались редкие ржавые грузовики, ископаемые легковушки. Крым всегда был раем некромобилей. Однажды лошадь с телегой и казаком попалась.

На трассе почти никто не жил, зато регулярно встречались лавки и мастерские, были и кемпинги. Жили в основном где-то там, на горизонте, за негостеприимными знаками-кирпичами. Казачьи микростаницы можно было отличить от татарских деревенек лишь по златым куполам, увешанным ретрансляторами вместо минаретов, облепленных антеннами. Пару раз в отдалении мерно шевелились поля ветряков.

Крымская жизнь шла вяло, но мирно. После отвратительного военного десятилетия за спокойствием тщательно следили все: то здесь, то там вяло порхали коптеры разных государств, висели аэростаты с вязанками датчиков. Электроптичек не было вовсе. Над трассой, возвращаясь из Феодосии, с гулом проплыл знакомый дирижабль, уже помытый. Летел он неторопливо, красуясь чешуёй солнечных батарей и гроздьями НУРСов вокруг бронекабины. На борту значилось «Гагарин». Рамен провожал воздушный корабль благодушным взглядом, посасывая пепсиколку.

— Это наш, керченский! — С внезапным патриотизмом поднял лапищу звероволк. — Так, он улетел, а нам надо съехать с трассы куда-нибудь, где датчики не ловят, повключаться. Например, во-он к тому солончаку.

Солончак, точнее, лиман на горизонте выглядел закипающей вонючей лужей. Выкинув в окно пустую банку, старый Рамен возмутился:

— Слушай, волчище, я уже третью неделю на море, а ещё не искупался! В тюрьме сидел, в окно летал, ворон стрелял — и не искупался ни разу! А мне помирать вот-вот. Рули к морю, демон! Скоро на Семисотку левый поворот — там такие места, что никакие сенсоры не возьмут.

Следующие несколько колов времени счастливый старичина, размахивая свежей баночкой пепсиколы, штурманил их по останкам асфальта сухими садами мёртвой Семисотки и через сонную рыбацкую Каменку с пыльной собакой, спящей перед магазином на самом солнцепёке. Дальше пошла грунтовка вдоль моря, лучшая, какую Филин в своей жизни видел. Яроволк мгновенно разогнался до сотни. «Волга» невесомо плыла над обрывом штормящего Азова, в окна вливался свежий ветер, а за кормой вырастал могучий шлейф мягчайшей серой пыли. По сторонам попадались заплывшие воронки, потом чорные провалы, а затем взгляду открылись огромные выемки, из бортов которых уходили во тьму подземные галереи.

— Это Ак-Монай. Каменоломни. — мечтательно прижмурился диггер, отхлёбывая газировки. — Пятнадцать лет здесь не был, а ничего не изменилось. О, гляди, вон спуск к морю, а вот туда… Короче, нам туда.

Свернув на неброскую боковую колею и удачно разминувшись с собственным пыльным хвостом, машина плавно съехала в очередной провалище.

— Туда-туда! Вовнутрь! — махал руками счастливый Рамен. Очередная пустая банка вылетела в окно.

— Ни фига себе! — Поражённо прошептал Рома-звероволк, паркуясь на расчищенном месте в подземных хоромах.

Через бреши в потолке янтарно светило Солнце, в стороны мраморными дворцами тянулись светлые штреки шестиметровой высоты, заваленные глыбами с потолка. Наверху порхала потревоженная летучая мышь. К морю каменоломня круто шла вглубь. Фары разгоняли тьму в галерее перед машиной метров на сто. Снизу тянуло холодом.

— Здесь так везде. — Диггер гордо приосанился, словно сам всё это выкопал. — И что ты повключать хочешь? Сюда-то точно никакие сенсоры не добьют.

— А тарелка спутниковая как будет работать? — Задумчиво протянул Рома, аккуратно вынимая своё огромное тело из машины. «Волга» с облегчённым вздохом поднялась на рессорах.

— А наружу её выкини. Она-то направленная, её так не отловишь. Что, шпионские штучки? — Рамен был всё ещё химически весел и беспечен.

— Да ну! — Хмуро ответствовал звероволк, путаясь в проводах. Кабелей в багажнике был целый стог. — Сейчас с Теплаком свяжемся, князинька хотел лично посмотреть, с чего ты там помирать собрался. Одна головная боль от вас…

— Хрена! — упёрся Рамен — Десять минут на купание! А то я не умыт и не причёсан!

Ухватив полотенце и очередную банку пепсиколки, старый киборг упорхнул к морю — туда, где обрыв на всю высоту был словно ножом прорезан до самого прибоя. Это был пологий спуск к грузовой пристани, но пристани не было, вместо неё догнивал на камнях самопальный десантный бот с погнутыми пулемётами.

Рома тем временем аккуратно развернул перед входом в подземлю спутниковую тарелочку, заземлив, протянул провод под землю, к роутеру. Сняв с себя чехол, по недоразумению названный косовороткой, киборг стал неторопливо увешиваться аккумами, выносными модулями, навесными датчиками.

— Их высочество с оказией передать изволили. — сухо откомментировал звероволк Филину, который наконец-то

накупался и теперь расслабленно глазел.

Во всём снаряжении чувствовалась княжья рука, железо — сплошь роскошный «Кибер-Либер» и даже запретный «Битый Байт» из легендарного Жидского Схрона. Ваня прикинул, что полагается за попытку провезти содержимое Яроволкового багажника через любую границу. Психиаторы, например, устроили бы затейнику дефенестрацию не меньше чем с Останкинской башни. Дважды. В общем понятно, за что тут киборгов не любят.

— Жена, что ли, привезла?

— Ну… — нерасположенный к разглашению гостайны современный киборг постепенно превращался в опутанного проводами киборга из плохой старинной фантастики. Отдельным шлейфом звероволк подсоединил свои грудные контакты к роутеру. Вернувшийся с купания свежий Рамен лишь поражённо охнул, и также получил провода на грудь и свой порт в роутере.

— Так. — Весомо заключил Яроволк, присаживаясь на мраморный блок. — Раньше сядем — раньше выйдем. Рамен, сядем, я сказал! В твоём случае это значит ляжем. Надо успеть за десять минут. Не больше.

И запустил что-то с консольки нетбука. Наверняка совсем уже преступное и приверженное злу. На потребу своей чорной пиратской душе.

Тарелка вертанулась, отыскивая над горизонтом дряхлый спутник, всё месиво оборудования стало вразнобой загружаться, и Филин пропустил момент, когда Звероволк обернулся Князем. Во всяком случае, с камня встал уже именно Князь Игорь. А Рамен затих, вытянувшись по стойке смирно на пенке.

— Привет! — весело поздоровались с Ваней их светлость, деловито перезагружая старого диггера в отладочном режиме. — Вот недельку не последил за вами, решил, отпуск так отпуск — а о вас уже весь Кавказ говорит. И в Геленджике вы мощно выступили, айболиты до сих пор икают.

— Приветствую… — Заинтригованно ответил Ваня.

Он-то хорошо знал, что раз Князь залез в тело Яроволка, значит дальше будет весело и страшно. Обвешанный железяками киборг навис над нетбуком и стремительно строчил в консоли, постепенно покрываясь крупными каплями пота. В окошке виртуалки шла диагностика Раменовых систем, и шла она криво — крякая ошибками, в отдельный журнал писались красные строчки. Окошек разных было с десяток, и там везде мельтешило. Основную работу Князь Игорь вершил по проводам.

— Батарею! — строгим хирургическим голосом бросил Князь Игорь, и тут же буркнул по-звероволковски, — И пепсиколки!

Ваня метнулся, поискал, добыл и стремительно воткнул на княжий пояс свежий аккум вместо раскалённого, мигавшего красным глазом. Влил в киборгову пасть с посиневшими губами банку газировки, с трудом отысканную в багажнике.

Наконец, Рамен ритмично засучил ногами и прочими конечностями. Это знакомо. Стандартная армейская диагностика пополам с физзарядкой. Неожиданно всплыло воспоминание, вроде бы надёжно затёртое цензурой. Вот Ваня лежит на втором этаже койки, втихаря почитывая Свифта в ночном прицеле, а за окном светает. И в один момент вся казарма начинает копошиться, как большой тараканник. Запах молодых львов и ночного усердия резко усиливается. Филин с тоской понимает, что грядёт подъём, и через три минуты заверещит сержант…

У Князя с грохотом, эхом отозвавшимся в штольнях, выбило предохранитель, причём подкожный. Заметались под потолками летучие мыши. Мельком глянув на дымящую дырку под ключицей, киборг поотрубал половину навесного оборудования, вытер с белого лица пот — чтобы не лил в глаза. Ещё через минуту, перезагрузив Рамена, слабо осел на пол из утоптанной тырсы:

— Так… Пока спутник не ушёл… Старый, конечно же, не помирает. Он барахлит. Картридж пустой, а медицинский блок этого не видит, и в интерфейс не пускает… — звероволково-княжий голос был едва слышен. — Ну ладно, это лирика. В Керчи — сразу к слесарю. А мне пора. Созвонимся…

Огромное тело киборга желеобразно обмякло. На сей раз Яроволк приходил в себя тяжело и долго. Такой ультимативной кашпировщины через спутник они с Князем прежде не устраивали.

— Пепсиколки… — Звероволк слабо заворочался, зашарил лапищами.

— Сейчас, потерпи! — Ваня заметался.

В холодильнике машины было пусто, и в бардачке, и в багажнике одни провода да железяки, да гора пустых пятилитровок. Лишь в ногах заднего сиденья, где ехал Рамен, валялись две смятые пустые пепсикольные жестянки. Как погадка под гнездом орла. Филин затряс приходящего в себя старичину за грудки, яростно зашептал:

— Ты, упырюга! Это ты всю пепсиколу высосал! А ну делай что хочешь, но чтобы свиноволчище кони не двинул!

Рамен прогрузился и метнулся во тьму пещер. Схватив полотенце и канистру, Ваня понёсся в другую сторону, к морю. Оказалось не так и близко, чуть не километр. Сдуру Филин решил срезать через колючую степь и выбежал на разбитые

орудийные позиции, где тотчас запутался в егозе. Потом по рву к морю, потом ещё горным козлом по камням вниз прыгать. Балансируя на глыбе под стонущим бортом разбитого корабля, намочил полотенце и ринулся обратно. В общем, к машине Филин вернулся лишь минут через десять, сгибаясь под полуторапудовой канистрищей и раздумывая, на кой ляд ему сдалось мокрое пыльное полотенце на шее, уже горячее. И обомлел: Яроволк был обложен запотевшими пятилитровками ледяной прозрачной влаги, а Рамен ещё и поил гиганта из железной кружки. Выглядел старой деловито и буднично, словно вымутить в выжженной степи пяток-другой вёдер воды за пару минут — плёвое дело. Звероволк с подозрением поглядывал на бутыли. В его взгляде читалась работа мысли.

— Ничего так. — уважительно прогудел гигант, садясь и нюхая кружку — Рамен, ты в курсе, что здесь воды почти на сотню? Вся поездка окупается. Откуда дровишки?

— Так мы ж не зря тут встали. Это Ак-Монай. Там, внизу, — диггер небрежно махнул в глубину тёмной галереи, — там колодец. Ещё каменоломы себе выдолбили.

— Интересно! Запомним… Насчёт воды — это вообще хорошая идея. — Уже довольно бодро отозвался Яроволк, выпутываясь из проводов. — В общем, князинька велел тебе пока не помирать, а чинить медблок. Ещё инструкцию обещал прислать электропочтой. Поехали уже до Керчи, а то жена загрызёт. Только пусть кто-нибудь другой ведёт.

07. Как Керчь спасалась от туриста в старые времена

В конце Старых времён один более чем заслуженно знаменитый дизайнер путешествовал по Восточному берегу Крыма. Каждый день он писал в интернетики свои впечатления о следующем прибрежном городе. Фотографий и добрых слов удостоились и Форос, и Ялта, и Судак, и даже Коктебель, прости Господи, с Феодосией. Ваня всё ждал, что же корифей напишет о любезной его сердцу Керчи, и дождался. Видный дизайнер опубликовал одно-единственное фото с унылой тётей в оранжевой жилетке, метущей мусор мимо недостроенного Ворошиловского путепровода. И написал одну-единственную фразу: «Не был в Керчи — ну и не надо».

Ваня поначалу обиделся, но вскоре понял, что так оно и задумано. Все две тысячи шестьсот лет своей истории Керчь ловко пряталась от человеческого внимания в пустынном уголку многолюдного Крыма. Недаром ещё в античные времена

усердные керчане насыпали немаленький вал со стенами и башнями поперёк своего полуострова, намекая всему миру на непреходящую ценность уединения.

Пожалуй, стоит отдельно рассказать, как город спасался от чужаков в Старые времена.

Турист в Керчи не оседал никогда. О том заботились судостроительный, железорудный, агломератный и прочие заводы. Даже в мёртвом виде они отпугивали чужаков, как чучелки скифских всадников вокруг кургана вождя. Непрерывно снующие через узенький Керченский пролив корабли, в те времена чуть не сотня в сутки, также не возбуждали нежного курортника. Особо придирчивым Керчь являла в проливе неплохие песчаные пляжи с глыбами железобетона, ржавыми рельсами и покрышками.

Транзитные поезда тут не ходили со времён распада первого Союза, когда окончательно догнил железнодорожный паром. Новый пригнали аж с Мадагаскара вокруг Африки, но в Феодосии обнаружили, что корабль не проходит над мелями пролива.

Да, конечно, именно в Керчь ходили автомобильные паромы с Тамани, сгружая по легиону автомобильного турья в час. Вот только десанты эти высаживались не в коренной Керчи, а в Порт-Крыме, посреди раскалённых холмов. Первый вдох ароматного крымского воздуха турист делал между нефтяным терминалом и прудами для выпаривания соли.

Отойдя в кустики, гость неизбежно обнаруживал себя в радушных объятиях этих самых кустиков. Местная нежно-бежевая флора на поверку оказывалась вооружена колючками, шипами, зубами и всем тем, что потом не отдерёшь от штанов. То, что цвело пышными фиолетовыми цветами, приступало к цветению лишь как следует прожарившись, истлев и засушив под Солнцем белёсые сабли листьев. Среди буйства мёртвой растительности шныряли общительные насекомые, крупные и неприятно бодрые.

Кровоточащий турист прыгал в своё авто, стремглав устремляясь в сторону города. Указатель подбадривал, обещая ровно через сто километров, ни километром больше, гостеприимную Феодосию. И тут же водитель с тоской вспоминал о таманских колеях, скача по противотанковым ухабам Порт-Крымского шоссе. Меняя названия, шоссе шампуром пронизывало весь город чуть в стороне от жизненно важных органов.

Являя недюжинную волю к жизни, Керчь отрастила вокруг инородного тела особого рода заскорузлые мозоли, и последовательно демонстрировала автомобилисту их все, одну за одной, с неприятно близкого расстояния. Уничтоженный пост ГАИ на выезде из Порт-Крыма как бы предупреждал о начале

представления. Первым номером тянулись по сторонам унылые пыльные домики, долго тянулись. Опасное, Капканы — одни названия чего стоят!

Затем ставки повышались, и заинтригованный наблюдатель обнаруживал себя зажатым между фасадами увечных хрущоб и монументальными бетонными руинами завода Войкова — выбирай на вкус. Вскоре по правую руку от уже не на шутку поражённого зрителя восставал муравейник автовокзала — такого же жгучего шалмана, как и все южные автовокзалы.

Наконец, чтоб не сбился с дороги в Ад, с левого борта автолюбителя подпирала вечногнилая по летнему времени канава Мелек-Чесме, разнообразящая воздух в жару. Разогнавшись вдоль неё в поисках спасения, турист пулей пролетал мимо ЖД-вокзала, откуда раз в день мог бы бежать в Джанкой на чём-то вроде поезда. Все остальные билеты были выкуплены на год вперёд. После этого любитель южного отдыха мог наслаждаться видом глухих промзон вдоль путей и заброшенного аэропорта по правой стороне.

Всё это несчастный видел лишь краем глаза, потому что дорожных ухабов, осквернённых попытками ремонта, никто не отменял. И вот, ошалев от калейдоскопа южных впечатлений, турист на раненом автомобиле въезжал в пыльное полумёртвое Багерово посреди выжженых, а то и натурально горящих мордорских равнин под палящим небом.

Полистав раздираемый степным суховеем путеводитель, пытливый ум познавал, что в Багеровском рву фашисты в своё время расстреляли полгорода, а потом великий Курчатов здесь же сделал ядерную первобомбу, и вся его радиоактивная техника с тех пор так и стоит где-то тут в обсыпанном подземном ангаре. Содрогаясь от мудрости и печали, турист понимал, что уж сюда-то ему точно не надо было, ибо на Феодосию следовало свернуть вскоре после железнодорожного вокзала. Однако сила инерции такова, что иные колумбы не то что до Багерова, но и до самого Чистополья сгоряча долетают — а там ведь тоже ничего нет.

Потаёнными окольными тропами, через непроизносимую Либкнехтовку, физически и морально уничтоженный путешественник дополз наконец до Феодосийского шоссе. Первый же указатель невзначай сообщал, что до Феодосии по-прежнему ровно сто километров липкого гудрона через неизменно иссохшую степь. Причём от самого Порт-Крыма и до феодосийских пригородов маршрут был проложен столь продуманно, что признаков моря страдалец не наблюдал, даже проезжая в трёх сотнях метров от него. Так что в Феодосии высушенные шкурки туриста массово выпадали на не самые

чистые в мире пляжи, делая городу кассу. И несколько преувеличенную славу приличного курорта.

Да, вот ещё. Надо отдать должное, по весне степь отчаянно красива, цветёт и благоухает. Именно тогда созревает Керченская Грязь. Грунтовые дороги делаются вовсе непроезжими, даже тракторам глина забивает гусеницы. Некоторые возражают, что грязь Грозненская посытнее будет, есть и фанаты чернозёма, но все эти джентльмены в грязищи не разбираются вовсе.

Конечно, силы вавилонские не оставляли попыток поддеть Керчь на вилы прогресса. Так, многие десятилетия говорили о мосте через пролив, а потом даже мучительно строили его. Паромов становилось больше, появились и железнодорожные. Все домишки вдоль шоссе разом провозгласили себя кемпингами и мотелями.

Но в час мировой полночи десятки юрких баллистических ракет навсегда разрешили проблемы и моста, и парома, и самого Порт-Крыма, и его таманского близнеца Порт-Кавказа. Военные стратеги обманулись так же, как проезжие туристы: посчитали, что это и есть Керчь, и теперь-то с городом покончено. Хорошо хоть боеголовки не были ядерными. Керчане лишь услышали далёкий гул да видели зарево над проливом, а поутру продолжили свою размеренную жизнь, надёжно скрытую от недобрых взглядов. И уже никто более не пытался переправляться через пролив на чём-то крупнее буксира, тем паче что на таманском берегу не осталось ровным счётом ничего хорошего. Керчь вновь оказалась там, куда стремилась тысячи лет: в сотне раскалённых километров от ближайшего вавилона, на самом дне Божьего кармана Керченского полуострова.

08. Керчь с правильной стороны

У каждого города есть разные стороны. От предместья к центру город рассказывает себя как связное повествование. Два человека, прибывшие в один город с разных сторон и пожимающие руки на площади перед мэрией, на самом деле увидели разные города, и находятся в разных городах, пересекающихся лишь в одной точке этого самого рукопожатия, что бы там путешественники себе ни думали.

Так, например, был незабываем вид вечернего Череповца с Волги, с масляной плёнкой поверх мутных вод и липким дымом над той водой, с его густой щетиной фабричных труб, каждая из которых оскверняет небо своим неприятно неповторимым цветом и запахом.

И столь же незабываем бывал Череповец поутру для голодного автостопщика, въехавшего в центр города со стороны Рыбинска при удачном направлении ветра. Незабываемы широкие зелёные бульвары, свежий ветер с Волги, старинные дома. В особенности незабвенны огромные упоительные пирожки с рыбой за смешные деньги.

Или тот же Здолбунов с его неторопливой жизнью и старинными садами — это вообще не тот Здолбунов, где путнику проездом из Киева во Львов насовали в репу в вокзальной ментуре.

Но сейчас речь всё-таки о Керчи. За две тысячи шестьсот лет она научилась большей хитрости и осторожности, чем две тысячи шестьсот глухих кошек. Внимательный читатель предыдущей главы может и сам догадаться, как бывшая столица Тмутараканского княжества умудрялась выставлять себя полной задницей.

Просто она подобна Луне. Точно как Луна всё время обращает к Земле одну и ту же сторону, так и Керчь по мере продвижения чужака через, точнее, мимо себя, аккуратно поворачивается к зрителю одной и той же стороной, сама оставаясь в некотором отдалении. И сторона эта — задница. В конце концов испачканный униженный враг бежит либо в Феодосию, либо в Порт-Кавказ.

Благосклонный же зритель обязан пощупать Керчь, как астронавт Нейл Армстронг пощупал поверхность Луны. В данном случае достаточно перейти от автовокзала через канал Мелек-Чесме и зайти на рынок и за него. Между каналом и морем раскинулась собственно Керчь, льнущая к зелёным бокам внезапной степной горы Митридат.

Поначалу друзья именно через рынок и собирались пройти. Достигнув автовокзала, Филин наворачивал круги по пыльной площади вокруг титьки Мелек-Чесменского кургана, пытаясь приткнуть солидную тушу «Волги» между ржавыми маршрутками, громадами древних автобусов, ишаками, телегами, верблюдами, арбами, лошадьми и десятками чудес столетней агонии русского автопрома. Все промежутки между средствами передвижения были законопачены столь же разномастными местными жителями, коптящимися на Солнце и чрезвычайно занятыми пинанием балды и ожиданием транспорта.

Пахло самсой и дизельным выхлопом, стелился самокруточный и чебуречный дым. Из множества злачных заведений по периметру площади источала духовный яд восточная, румынская и, к меломанскому ужасу Филина, ростовская попса. На третьем круге почёта звероволк сказал, что

лучше отдаст свою ласточку первому встречному бичу лично, чем оставит её в этом гадюшнике на поругание, и вообще, гони на Свердлова, надо сначала в гадюшник, блин, в Заповедник зайти. Под ласточкой он разумел свою звероволгу.

Керченский Исторический Заповедник находился практически на другом конце города, в пяти минутах езды. Филин приткнул машину под сенью деревьев на Айвазовского, у самого входа в приморские аллеи. Яроволк щедро выделил пыльному личному составу пятнадцать минут на прогулку и сортир.

Всё здесь дышало благородной бедностью. У прибрежной ротонды утомлённый духовой оркестр играл «Голубой Дунай». Филина всегда интересовало, почему именно пожарные так любят сбиваться в оркестры, и как это влияет на статистику пожаров. Впрочем, пожарная часть невдалеке — добегут, если что.

Тут же между стволами лип зеленовато колыхалось море. Призывно пахло солью и чем-то цветущим. Если не лезть на солнцепёк, в Керчи всегда свежо и мило: город на мысу между двумя морями и проливом непрерывно продувается решительным ветром. Полезная фишка, только не в ноябре-декабре. Сейчас по зелёным тоннелям аллей в виду волн прогуливалась пока ещё немногочисленная чистая публика в ленивом ожидании вечера. Дамы и господа фланировали от памятника к памятнику — тех на набережной было больше десятка, причудливых и посвящённых самым необычным сторонам реальности, от керченской рыбы до сапёров. Самый ультимативный монумент изображал штурм городской набережной тремя чугунными орками, каждый ростом метров по пять. Что имел в виду скульптор, сказать было трудно: время и обстрелы добавили монументу лютости, но не ясности. Ставить удивительные памятники было старинной Керченской слабостью, ещё от греков.

Филин купил себе пломбир в вафельном стаканчике. Над ним героически скрипело антикварное колесо обозрения, поднимая в небесную синеву голосистую ораву детишек с воспитательницами.

Казалось, что вовсе и не было десятка поганых лет общего безумия. Вот только идиллию слегка портила здоровая круто накренённая туша десантного корабля, так и не достигшего бетона набережной в своём атакующем порыве. Ржавый глухой борт был жестоко исклёван попаданиями самых разных калибров. На нём едва читались белые буквы: «…ska od morz…..o mor…» Что за морж? Турки, что ли? Да запросто.

Отверстая в высоченном носу аппарель косо уходила в воду, чавкая прибоем. На ней сидел чувак с удочкой. С развороченной

надстройки рыбкой слетела коричневая фигурка, шумно плеснула там, где у торчащей из моря попы БТРа поплавками плясали на волнах смуглые головы местных пацанов. Однако время уже поджимало.

Дирекция Заповедника всё так же занимала стариный двухэтажный особняк на пересечении Свердлова и Айвазовского. Прохладный зев дубовых дверей выходил прямо на угол здания. Яроволк, меняясь в лице и невольно замедляя шаги, направился именно туда. Похоже, ему предстояли до зубной боли приятные переговоры о сумме мзды за получение открытого листа.

Рамен, зайчиком прыгавший вокруг, обогнал товарищей и попытался первым юркнуть внутрь археоложьего логова, но добился только мелодичного женского «Ой!» и листопада взметнувшихся бумаг. Прямо в дверях он врезался в солидную статную даму в строгом синем платье и кроссовках, выходившую наружу с охапкой документов.

Дама была керчанка. Кто был в Керчи и хоть иногда глядел на окружающих, слушал их речь, в будущем легко узнаёт керчан в толпе. Это такой же характерный человеческий тип, как, скажем, одесситы или масква, со своим неповторимым обликом, говором и повадкой. Керчане не славятся на весь мир лишь потому, что их мало, и они сидят дома.

Горделивая осанка делала даму выше её небольшого роста. Керчанка могла бы сойти за императрицу Екатерину Великую, вот только цветом была тёмно-бронзовая от жизни под Керченским Солнцем, а на голове у неё вместо императорских вавилонов отливали тёмной медью короткие кудряшки. Филин лениво прикинул, вызван ли цвет живописными усилиями цирюльника, или же это особый загар такой.

Рамен шнырял на четвереньках под ногами царственной особы, собирая бумажки.

— Простите нашего товарища, Лилия Остаповна… — Со стыдом за человечество прогудел звероволк. — мы вообще-то к секретарю насчёт открытого листа…

— Так он ещё на обеде. Подходите через пару часиков… — Рассеянно протянула Лилия Остаповна, и её взгляд наконец упал на мельтешащего на грунте старичину. Лицо дамы враз изумилось, брови взлетели, а рука машинально опустилась на голову старого диггера, взъерошив седые вихры. — Коля… Это ты, Коля?

Рамен посмотрел наверх и вновь рассыпал все листы.

— Лиля. — Деревянно сказал он. Оба застыли, как скульптурная группа «Возвращение блудного деда». Диггер воссиял. Хвостом он не вилял лишь потому, что хвоста не имел.

— Роман, что же вы сразу не сказали, что вы Колин друг… — Укоризненно пропела дама, не отрывая взгляда от старичины, а тот смотрел на неё с бесконечной преданностью. Здесь явно были какие-то старые амуры. Парочка надёжно и, похоже, надолго закупорила вход в Заповедник.

— Мы подойдём попозже. — Заключил дипломатичный Филин. — Потом мы подойдём. Рамен, мы будем на Ленина!

Никто не ответил.

— Но… — Начал было Яроволк, и Ваня, сияя голливудской улыбкой, аккуратно пробил товарищу в почку, направляя прочь. Звероволчище растерянно оглядывался, но Филин настойчиво увлекал его в сторону улицы Ленина, скрытно подгоняя точно расчитанными пинками. В боевой обстановке дел сердечных звероволк бывал редкий слонина.

Самого же Филина душил смех. Ему всё представлялось, как Яроволк горой нависает над паническим секретарём со словами: «Я колин друг…» Наконец, до гиганта дошло, и он с бессильной завистью изрёк:

— Вот ведь старичина… А ведь всего час как в городе!

Рамен не появился ни через час, ни через два, ни через три. На улице Ленина в тени платанов товарищи откушали под пивко по булке с могучим шматом мяса в аппетитном силосе — всё это по недоразумению называлось гамбургером. Слазали по бесконечной лестнице на Митридат к руинам Пантикапея, убедившись, что там всё так же митридатно-пантикапейно и совершенно невыносимо в солнечный день. Филин был поражён: в древнегреческой пыли, как и в старое время, рылись жаропрочные археологи в панамках. Ну всё-таки Всенародный Керченский Историко-Культурный Заповедник, не баран чихнул.

Спустившись с горы на площадь, хорошо прожаренные Филин с Раменом обнаружили себя за спиной крепенького гранитного дедушки Ленина, пережившего всех и вся и лишь слегка посечённого осколками. Некоторое время друзья тупо пялились в безнадёжно сухие чаши многочисленных фонтанов. Всё было в Керчи, только воды не было напрочь. С тех пор, как Северо-Крымский канал превратился в тыкву, питьевая была в цене пива, а тухлую поливочную везли бочками со степных прудиков-ставков.

09. Иван и Никола

Тут Филин вспомнил: как на Теплаке к Варваре-узорешительнице перед отъездом сходил, так и не был больше в

церкви, и свечку Николе-угоднику за путешествия не ставил. Религиозное в его душе взволновалось, забормотало, что с того-то и происходят эти вечные неприятности. Ваня решительно поволок упирающегося язычника Яроволка к морю, где из древесных кущ торчал черепичный купол Иоанна Предтечи.

Храм был древен. Самый древний во всей России. Ещё разбегались из дымящегося города неразумные хазары, а у моря на месте сгоревшей базилики уже рос аккуратный каменный соборчик Боспорской епархии. Собор прекрасно помнил, как тысячу лет назад город Корчев держали князья Тмутараканские, пока династические дрязги не вырвали их из Божьего кармана обратно в борьбу за Киевский престол — так династия и сгинула, пострадав от древнерусских лоббистов, рейдеров и оранжевых революционеров.

С тех пор в Керчи долго не строили ничего родного-православного. Храм уцелел лишь потому, что экономные венецианцы влепили его в качестве башни в стену своей крепости. Оттуда он много столетий взирал на пролив подслеповатыми белокаменными иллюминаторами своих военно-морских окошек, нечувствительно пережив и тех венецианцев, и Крымское ханство. Осенние шторма сменялись летним зноем, белые сменялись красными, наши сменялись фашистами, нашими, фашистами и опять нашими. Вокруг расшумелся и вновь затих рыбный рынок. Сгинул проклятый Хрущёв, порушивший больше храмов, чем все большевики вместе взятые. Все сгинули — Иоанн Предтеча остался.

У евреев есть предание о ламедвовниках. Как известно, Господь не разрушает наш мир, пока в нём есть ламед-вав цаддиким, то есть тридцать шесть праведников. Они скромны и неприметны, кто пахарь, кто сантехник — но только они и оправдывают существование всего этого борделя. Один помрёт — новый займёт его место. Ты не можешь знать, на кого Он смотрит сейчас — не на тебя ли? — но система, как мы видим, успешно работает. Филин поэтично считал, что ровно та же история и с Иоанном Предтечей. Из этого корешка до сих пор растёт вся Керчь.

С прошлого приезда многое изменилось. Теперь крепенький полосатый — камень с кирпичом — кубик церкви был окружён высокой стеной с бойницами. У ворот ракушечник был побит пулями. Пригодилась стенка. На территории дремал небольшой православный рыночек с унылыми православными сувенирами и разнообразным красным вином, там же прели на бордюре двое пахучих нищих. Чуть поодаль вдоль ограды стояли трейлеры и контейнеры. На самом роскошном американском прицепе-

караване размером с автобус значилось: «Трапезная». Рядом стоял сорокафутовый контейнер, где тётка в камуфляже собирала гуманитарщину для Афонской крепости. На открытой створке в знак этого висели удивительные полосатые штаны.

Суровая бабка в пальто, выйдя из дверей храма, наотмашь перекрестилась и побрела прочь. За воротами она шарахнулась в сторону — там подпирал собой дерево смурной Яроволк. Он наотрез отказался идти в храм по своим языческим соображениям, мол, не пойду к трупоедам. Ваня с лёгким сердцем перекрестился и вошёл в здание.

За всем происходящим расслабленно, но внимательно наблюдал от ворот чернорясный бородатый мужичище. Сидя в теньке, он демонстративно чистил раскиданный по столу РПК. Во избежание эксцессов. С пулемётом большой человек возился бережно, кончиками пальцев, чтобы не погнуть там чего. Оценив про себя и Яроволка, и Филина, он вытер ручищи ветошью и что-то пометил карандашом в своём блокнотике.

Внутри храма Ваню встретила ладанная прохлада. Всё казалось маленьким, будто игрушечным, а ведь от стены до стены было метров десять. Филин не стал покупать церковную газету, нет, спасибо, да не надо же, и бесплатно всё равно не нужно. Вместо этого он выложил пять барынек за добротную толстую свечу, пахнущую мёдом, и пошёл к Николе — тот был на привычном месте, в правом нижнем углу иконостаса, рядом с небелёными блоками древней стены, поклёванной клювом истории. Свеча затеплилась и встала в подсвечник. Святитель Николай, архиепископ Мир Ликийских, улыбнулся путешественнику, и на душе у того подобрело.

И вот уже завечерело. Главная площадь города с грифононосной колонной всё ещё дышала жаром брусчатки, но уже стала более-менее пригодна для жизни. Друзья тусили чуть в сторонке, там, где на газоне криво торчал избитый куб резного белого камня, по недоразумению считавший себя фонтаном, устроенным иждивением купца Гущина аж в 1860-х годах. Ничто из него, разумеется, не фонтанировало.

Яроволк, заправившись ещё парой гамбургеров, благодушно разглагольствовал, дирижируя пивом:

— Это ж двести лет назад было! Никаких тебе артезианок, никаких сталинских каналов! Вокруг сухая степь, а они посреди неё раз — и фонтан поставили. Этот Гущин — он что, Гэндальф волшебный был? И где сейчас эта вода? Вот на что надо брать открытый лист! Да толку-то…

— Да ты бери, бери. — Скрипнул незаметно подошедший Рамен, лучась счастьем. — Вот мне в своё время не дали. А тебе

точно дадут, ты мужчина солидный. Только ты не к секретарю иди, а к Лилечке. Насчёт фонтана я тебе всё-всё расскажу.

10. Риба нерадиактивни

На рынок отправились спозаранку. Как обычно на югах, рынок работал по утреннему холодку, к полудню грустнел, а к трём часам вовсе закрывался.

Торговца киборг-модулями искали долго и трудно: не огурцами всё-таки торгует, у прохожих про него не выспросишь. Подпольный слесарь прятался надёжно, вдали от глаз городовых и безопасников. Его жестяной сарайчик обнаружился даже не на самом рынке, а дальше во дворе, куда торжище протянуло свою ложноножку.

Чтобы попасть туда, пришлось обойти ощетинившийся арматурой курган на месте бывшей Налоговой. Судя по характеру разрушений, в день «Д» по инспекции вдарили и чужие, и свои, да ещё с рынка добавили из всего, что под руку попалось, только что пацаны из рогаток не постреляли. Филин пожалел, что пропустил всё веселье. Хотя, может, и не так всё было. Руины живописно заросли плющом. На уцелевшей стене над торгующими нависал линялый тезовый плакат, мол, ведётся реконструкция, и извините уже за доставленные неудобства.

Сараюшка поменьше гаражного бокса, зажатая меж других таких же, задом уткнулась в развалины. На бетонном пятачке перед ней громоздились собранные из чего попало велосипеды, залуженные чайники и тазы. Вообще всё, что удалось найти на помойке и поднять из мёртвых. Тут же торчала пузатая картонная коробка, перемотанная скотчем, набитая горелыми и вспухшими модулями, из которых даже предохранителей не надрать. На коробке было написано маркером: «Скупка радиодеталей». То, что в коробке только киборг-модули, причём все убитые — это опознавательный знак, как написал им в письме Князь. Век живи — век учись.

Электронщик был полноватый чернобородый еврей в кипе на бритой голове и с кистями талеса из-под линялой футболки айрон мэйден. Он реял над грудой хлама на барном табурете в тени пляжного зонта. Нимало не палясь, иудей листал чорными от масла волосатыми ручищами ветхий талмуд «Краткое руководство по обслуживанию камуфляжного модуля Суслик-3». Краткое руководство было чуть потолще кирпича.

Завидев покупателей, продавец степенно покивал, закладывая книгу плоским десантёрским ножом, нацепил на нос круглые очки и слез с табурета.

— Приветствую, уважаемые! Чем могу быть полезен?

Ваня повёл осторожный двусмысленный разговор, не упоминая киборгов напрямую. Мастер столь же осторожно и уклончиво отвечал, не упоминая киборгов напрямую. Взаимные обнюхивания закончились внезапно, стоило Филину заикнуться о Тёплом Стане. В блестящих чорных глазах киберслесаря заполыхал фанатический огонь, румяное лицо расцвело улыбкой.

— С Тёплого Стана? Может, и самого Князя Игоря знаете?

— Да, вот он нам тут даже инструкцию прислал. — Ваня протянул мастеру телефон с открытым электрописьмом от Князя. Тот принял девайс двумя руками как драгоценность, вчитался в мелкие буковки. Кто бы мог подумать, что князинька так широко известен в узких кругах!

— Гюзель! — Зычно вскричал мастер.

— Что тебе, Тарасик? — расслабленно отозвалась томная усатая татарка, торговавшая очками напротив.

— Присмотри за барахлом, звезда моих очей… — задумчиво попросил иудей Тарасик. Не отрывая взгляда от письма, он провёл гостей через крошечную железную дверь в лавку, при свете экранчика заперся на три замка и включил верхний свет.

Здесь было под потолок набито хламом, таким же, что и снаружи, но ещё не отведавшим сварки и некромантии. В задней стене помещения обнаружилась обшитая дерматином дверь, а за ней — толковая слесарка со станками, метров аж на двадцать квадратных, пропахшая табачиной и трудовым потом. Тут уже наблюдался сравнительный порядок, только в масле всё было.

А вот следующая дверка была, как у Папы Карло, за картиной, точнее, за ветхой МЧС-овской картой Керчи на оргалите. Это была стальная гермодверь с корабля, закрытая на четыре задрайки. И в белёной комнате за гермодверью оказалось просторно и пусто, лишь вдоль стен громоздились снарядные ящики Стены были сплошь обшиты мелкоячеистой стальной сеткой — мастер работал в клетке Фарадея. В центре под диодными панелями стоял стальной прозекторский стол. В помещении царила идеальная, по мужским меркам, чистота.

Филин уже начал подозревать мастера в чорной магии и свёртке пространства, но приметил, что экранирующая сетка набита на бетон. Они находились в уцелевших помещениях под руинами налоговой.

Подпольный мастер Тарас постелил на стол армейское одеяло, бросил скрутку прыщавого полиэтилена вместо подушки и жестом указал Рамену: мол, залезай. Ещё раз с благоговением взглянув в телефон, киберслесарь с натугой перетасовал ящики, выдвинув пару на середину комнаты. Из одного он вынул планшет, кучу проводов и потёртых навесных модулей,

достаточно простецких, румынских, и покруче, вьетнамских. Никакого тебе «Кибер-Либера». Рамен уже привык, что его опутывают проводами, и даже не бухтел.

Хакер с головой ушёл в работу. Второй снарядный ящик оказался доверху набит самыми разными медблоками, любовно укутанными в пупырчатый полиэтилен, в отдельной коробочке рядком были уложены картриджи. Где-то через час незримого боя еврея с электричеством, когда дело уже и до осциллографа дошло, Филин заскучал и, скинув письмо князя на планшетку мастеру, пошёл шататься по рынку.

Рынок уже набрал обороты, вышел на рабочий режим, и теперь галдел и кишел. Торжище было разделёно на несколько обширных областей.

В самой середине торговали овощефруктами. Решительные медноволосые керчанки тасовали крепкими руками яблоки, инжир и алычу. Татарки в платьях из кричащей занавески предлагали привозные огурцы, помидоры и баклажаны, в общем, все дары огородов.

В одном месте чесноком торговала фундаментальная женщина в костюме ниндзя, демонстрируя великолепное презрение к жаре. На неё завороженно пялился крошечный малыш с леденцовым петушком, несколько минут смотрел, пока его прокопченная бабка самозабвенно торговалась за персики. Наконец, тяжело вздохнув, карапузик принял решение, перекривил рот и оглушительно возрыдал.

Плоды Земли стоили конских денег, даже по южным меркам: воды здесь не было. Даже канаву Мелек-Чесме вычёрпывали до города, уже на Микояне. Всё местное с трудом держалось на поливе привозной водой, а влаголюбивые овощи везли издалека. Всё-таки Ваня подавил внутреннюю жабу, решив рискнуть животом. Пошарив по карманам, нагрёб местной мелочи на кулёк персиков.

Насчёт мытья Филин знал секрет: под главным железобетонным куполом, где обитали мясники, в служебных лабиринтах пряталась раковина с водой. Мог бы и догадаться, тупица: теперь раковина питалась из титанической пластиковой бутыли, охраняемой каменнолицым восточным молчуном неизвестной Ване национальности. Водицу тот отпускал по счётчику, одна барынька — один литр. Это был подлый удар. В кармане тосковал одинокий полтинник. Требовалось менять деньги — навряд ли на рынке хоть кто-то принимает карточки.

Менялы занимали целый ряд под стеной рыночного купола со стороны автовокзала, на самом бойком месте. Здесь невозмутимо продавали зажигалки, календарики и предохранители — всё то,

чем явно не прокормишься. На самом деле каждый из торговцев жаждал меняться. Кроме десятка разных московских, барыньки бывали ростовские и краснодарские, жёлтые простые и гашёные, синенькие одесские и они же с криво ляпнутой голограммой — уже мариупольские. Здешние были розовые. Все они происходили от роскошной серо-зелёной купюры почившей в бозе Второй Федерации. Были и такие, их новая стоимость и принадлежность определялась штампиками, наклейками, перфорацией и прочими местечковыми рукоблудиями. Ещё в Керчи имела официальное хождение крошечная таньга Бахчисарайского хана, вроде старинного трамвайного билетика. Надписи на таньге были русские. Махачкалинские орлики, здоровенные бакинские полотенца в целых огородах турецких огурцов — всё здесь было. Каждый меняла был мечтой бониста.

Филин опечалил криминального усача в порнографической яхтсменской фуражке целой горой монеток да бумажек со дна рюкзака, замешанных на пыли тысяч городов. Меняла сокрушённо раскидал деньги на десяток кучек, обозначив отпускные метания Филина по югам. В обмен дал аж сто тридцать две барыньки. Техасский бакс с каким-то бородачом в стетсоне мошенник не взял, а вот вот при виде приблудной баскской ленточки, исписанной тем, что нельзя произносить, неожиданно расцвёл и дал за неё целую десятку — сказал, в коллекцию.

Теперь-то жизнь обрела краски. А ещё по пути к умывальнику зоркий Филин углядел в колониальных товарах вовсе невероятное: целый пакаван настоящего ассамского чая! Усоносный казачина-кубанец, хозяин лавки, неумело таился, наполняя чёрными ароматными листьями пакетик зип-лок нервному хипстеру с гитлеровской чёлкой. Ваня уже семь лет чаю не пил, так что без лишних церемоний встрял в ритуал начинающих контрабандистов и без сожаления расстался аж с половиной всех денег за большой пакет запретного зелья.

Вымыв, наконец, персики, Ваня обрёл себе в рыбном павильоне здоровый ломоть копчёного саргана. На ценнике криво значилось: «риба не радиактивни». Совсем не лишнее уточнение для динозавра с ярко-зелёными костями. И вот, нацедив в автопоилке в свою кружку литр пивка, Филин встал у бетонного парапета Мелек-Чесме в тени дерев. Сюда доходила морская вода, и внизу в подводных зарослях хмурились бычки, страшные как ночь. С противоположного берега к ним закинул удочку всеядный рыбак в тельняшке.

Насытившись, Ваня совсем уже истомился и принялся разглядывать местные деньги. На мятой розовой бумажке уютно румянилась грустная барынька, распивавшая что-то с блюдца. Уж

не контрабандный ли чаёк? По даме деньга и называлась. Под диковатой надписью «Одна единица» был помещён чайник, как у товарища Сухова, там же прел то ли порезанный лимон, то ли уморившийся таракан — художница так до конца и не определилась. Вообще, комиксистка Нэко-тян изобразила на купюре столь много таинственного, что хоть гадай по ней. Однако Филин никогда этого не делал — по религиозным соображениям.

Неожиданно Ваня понял, что знает не только художницу, но и изображённую на купюре барыньку: симферопольцы добились в своей бумажке большего сходства с оригиналом, чем на привычных северных купюрах. Кроме того, на барынькином хайратнике крупным микротекстом значилось, что это Зоя Пихто. Ваня даже вроде бы припомнил исходную фотку, кажется, это в баньке после Великолукского рейда. В таком случае попарившаяся барынька горюет не о чём-нибудь, а о расколотом о вражью каску прикладе. Снайперу без приклада кисло. И в блюдце у неё именно чай.

Для пущего благолепия художница накинула Зое килограмм пятнадцать доброты и замазала фингалы со шрамами. Вместо бешеной швабры получилась вполне себе уютная пышечка.

А «одна единица», как выяснилось, обеспечивалась всей вычислительной мощью Симферопольского ВЦ, и ещё что-то там с анонимным доступом и выделенным айпишником. Серьёзно всё. А общество на эти деньги жрёт и бухает. Стыдно, товарищи.

Мастер Тарас перезвонил через полтора часа. Он поставил Рамену свежие прошивки, поменял предохранители и масло, но вот с медблоком вышла засада. Старый диггер был редкой модели «Линкс-302». В Россию было поставлено лишь пятьсот машинокомплектов, и все их Ковровский завод вкрутил бедолагам, без следа сгинувшим в Муромском котле, Рязанском походе и прочих бесполезных проявлениях воинской доблести.

Сумрачный тевтонский гений запроектировал киборга так, что дешёвые румынские запчасти тут не прокатывали, можно было запросто пожечь контроллер. А новых Бауэровских медблоков не делали, потому что Брукмюлленский завод помножили на ноль пятнадцать лет назад вместе со всем остальным Брукмюлленом.

Но есть надежда. По слухам, несколько Линксов добрались и до Керчи, и вроде бы сгинули в последней осаде Старокарантинских каменоломен. Вот телефон человечка, от которого информация. Шашель его зовут, на Семи Ветрах живёт. Но поосторожнее с ним, он мутноватый, из «счастливчиков».

— И что мы вам должны? — Поинтересовался Филин.

— Да ничего, я вас умоляю — Замахал иудей чорными

ручищами. — Ничего же не вышло… Вот только обязательно передайте поклон его светлости, Князю Игорю. От Тараса Наливайченко. Только не забудьте! Это вместо оплаты.

Вот, оказывается, какие у евреев имена и фамилии.

11. Шедевр малоодарённого маркшейдера

— Где-то здесь! — в который раз заявил Рамен и уверенно вошёл в ежевику. Ежевика обняла его как родного. Со страдальческим стоном старик задёргался, всё крепче увязая в колючих ветвях, и в конце концов застыл в позе Лаокоона, удушаемого ужом. Поцарапанный звероволк, тяжко вздохнув, вновь стал аккуратно выпутывать старого из зарослей. Диггер, пользуясь случаем, объедал ежевику. Уже битый час товарищи ползали в пыли по приблизительно вертикальному склону Митридата. Склон густо зарос ежевикой, алычой, какими-то непроходимыми беспородными кустами и вообще всем тем колючим, что составляет гордость Крыма. Под ногами хрустели банки, склянки и шприцы. Попадались кости. Где-то в пыли этих раскалённых зарослей прятался Залаз.

— Да точно тут. Вон, в виду того дома должен быть! — жалобно стонал Рамен, усевшись рядом с дохлой собакой. Уколы доктора Догвадоржа уже давно не действовали, и старой капризничал.

— А это, часом, не оно? — Флегматично поинтересовался Филин, храбро жуя грязную алычу. За спиной старика в густых зарослях темнело.

— Оно самое! — подскочил старичина и, держась за печёнку, в одну секунду разломал сухие пыльные ветви. Стал виден аккуратный белокаменный портальчик с низким ходом внутрь горы. Сразу за порогом чернел глубоченный колодец. До залежей дряни на дне — метров пять. Или семь? Из хода в колодец стекала тонкая струйка воды. Значит, они на верном пути.

Рамен с уханьем метнул свой транс в бездну и в одно мгновение, как молодой, враспорочку слетел под землю, протиснувшись в скрежещущий мусор. Скрылся из глаз.

— Свободно! — Глухо донеслось из-под земли. Филин аккуратно заглянул в бездну. Идея спускаться враспорку по мокрому колодцу метрового диаметра казалась бредовой, но нельзя же ударить в грязь лицом! Ваня, поддёрнув мокрый от пота комбез, затянул офицерский ремень и врубил налобник. Осенив себя крестом, подземщик ринулся во влажно дышащую темноту.

Всё оказалось проще, чем выглядело. В критичных местах между блоками ракушняка были вытоптаны щели-ступенечки, имелись и две удобные рельсы, вмурованные по диаметру колодца. Когда-то на них держались лестничные марши. Мусор на дне не был монолитен: между бензобаками и брёвнами имелся лаз вниз. Или это Рамен продавил своим юрким тельцем? Выползши со дна колодца в неровный наклонный ход, Филин крикнул наверх: «Свободно!».

Немедля донеслось: «Бо-ойся!». Свиноволк полностью затмил свет: диаметром он примерно соответствовал колодцу. Придонное дерьмище гигант, кажется, просто вмял в каменные стены.

Короткий наклонный ход привёл к пролому в кладке под самым потолком большого ракушнякового кувшина. Туда свисал склизкий репшнур — здесь были люди! При первом прикосновении шнур гнилостно распался — люди были здесь много лет назад… Изобразив гимнастическую пирамиду «радость через силу» подземщики споро спустились с трёхметровой высоты.

Под землёй Рамен обрёл былые юность и свежесть и в какие-то секунды наглухо задымил всё помещение ядрёной самокруткой. Общество бежало прочь, через маленькую арочку в «бесконечные тоннели под горой», как их отрекомендовал старый диггер.

На самом деле никакой бесконечностью тут и не пахло. Пахло страданиями малоодарённого маркшейдера двухсотлетней давности. По его велению горняки углубились прямо в склон, потыкались в стороны, но почти сразу отступились ввиду отсутствия всякой воды. Тогда маркшейдер велел копать налево вдоль склона — и метров через сто штрек врубился в купеческий подвал («О, нам это пригодится!» — оживился звероволк). Горняки спросили маркшейдера, например, Семёныча: «Семёныч, какого?». Семёныч ответил: «Дык…» и велел обойти подвал по дуге. Через двадцать метров дуга встретила всё тот же до боли знакомый подвал. Насовав в репу маркшейдеру и плюнув, горняки обошли препятствие понизу. И всего через десять метров герои кайла и лопаты вывалились из мергеля в глину, получив на голову роскошный обвальный конус, перекрывший штольню. Маркшейдера Семёныча, вероятно, долго били, возможно даже ногами. С тяжёлым вздохом горняки отступили назад и свернули вправо, прямо под гору. И тут наконец нашли воду. Не вполне ясно, дожил ли Семёныч до лучей славы.

Более-менее ровная водосборная галерея, вся мелко истыканная следами кирки, уходила во мглу. Налобник не

добивал до конца. Даже фары Яроволка не добивали. Левая стена на уровне колена сочилась влагой насколько достигал взгляд, на глазах источая тяжёлые капли. Капли сливались в струйки, и со всей галереи получался вполне немаленький ручей. За несколько метров от подземщиков поток бодро прыгал в трещину стены и был таков.

По керченским меркам здесь уходило в никуда целое состояние. Рома-звероволк раздобыл для измерений грязную трёхлитровую банку — вышло около литра в секунду. Вынув из недр себя планшетик, Рома углубился в него и минут десять не отвечал на запросы, стоя по щиколотку в грязи. Такого умного лица Филин на нём никогда ещё не видел. Наконец, киборг вернулся в мир живых, спросил продрогшего Рамена:

— А воду они через купеческий подвал к фонтану вели? Не срастается. Водопровод-то самотёчный, а подвал сильно выше хода.

— Не-е-е! — Торжествующе пропел старый диггер, чвакая по грязи и исходя клубами самокруточного дыма. — Гораздо хитрее. Пойдём, покажу, а то здесь уже дышать нечем.

Товарищи послушно устремились за скачущим старичиной, покидая вусмерть задымлённую водосборную галерею. На бегу Рамен кричал, что они в жизни такого не видали, что он им сейчас покажет.

Вернувшись к началу пути, в каменный кувшин, он раскидал мусор у дальней стены. Под тонким слоем мелкой дряни обнаружились крупные камни, за которые старой схватился и крякнул. Яроволк мягко отстранил его и двумя пальчиками переложил все глыбы в сторонку, открыв ниже уровня пола тёмное отверстие, обрамлённое арочкой. Оттуда веяло плесенью.

Низкий шкуродёр шёл по периметру ракушнякового фундамента, перебившего старую водоводную галерею.

— Это я копал! — гордо заявил Рамен, ужом протискиваясь в узкую щель.

— Оно и видно. — мрачно ответил звероволк, намертво в той щели заклиниваясь. Далее киборг прорубал себе дорогу через мергель сапёркой. Стены с гулом содрогались.

— Эх… — Завидовал старый диггер. — Вот кого нам тогда не хватало! Мы с Диктатором и Проспектором три дня это рыли. Совочком и арматуриной… Два ведра пива уговорили.

— Диггерьё-ё-ё! — презрительно взревел могучий человек Рома, пробкой вылетая из узости на оперативный простор. Он аж дымился. Воздух наполнился крепким запахом мокрой псины. На пять метров проходки киборг затратил минут десять. Сапёрную лопатку он свернул в трубочку — так видите ли, мергель копается

легче…

Наконец-то и Филин пролез. Звероволк оставил за собой ровный тоннель круглого сечения диаметром в одного звероволка. Далее шла полуосыпавшаяся неукреплённая галерея с потолком из корней, вскоре приводившая к арочному входу в подвал. Рамен вошёл туда первым:

— И вот такого вы точно никогда не видели!

— Ядрёны пассатижи…

— Ах-х-ххy…

Они вышли в середине длинного сводчатого помещения. Стенами подвала служили детали древнегреческого здания, в основном барабаны колонн. Колонна из них получилась бы в полтора обхвата и длиной метров двадцать. Имелись и другие детали. В голове Филина слева направо проплыли умные слова «триглиф» и «архитрав». На одном блоке был аккуратно вырезан почти целиком поместившийся мальтийский крест. Частью кладки была и древнегреческая могильная плита. Во всё это великолепие были бестрепетно забиты стальные штыри для опоры гнилых водопроводных труб. Судя по дерзновению, это было дело рук всё той же бригады малоодарённого маркшейдера Семёныча.

— О, а вот и мои перчаточки! — Воскликнул Рамен, снимая вязкое с края гнилой бочки. — Значит, здесь почти тридцать лет никого не было… Ну да, и проход знакомыми камнями был заложен. Я фигею без баяна, что за нелюбопытные люди. Заповедник, ядрить… Ну да ладно. Значит, так. В том кувшине, через который мы забросились, был отстойник мути, а из него вода шла сюда и дальше уже по галереям под Дворянской.

Яроволк, пулемётом строчивший в своём электроблокноте, на секунду вернулся в реальность:

— Да-да, вот отсюда подробнее, пожалуйста. Где галереи?

— Где-где! Дальше! Тут всё без вариантов. — старый диггер увлёк товарищей в полузасыпанный дверной проём. Филин поймал себя на том, что лезет через гору кинескопов пополам с грязью. Ими была завалена широкая белокаменная лестница наверх. То есть лестницу просто закидали с поверхности отходами телевизоростроения.

— Да что ж это такое! — Не выдержал домовитый звероволк. — Как так можно? Такую красоту…

— Это Керчь, детка. — Мрачно буркнул Рамен. — Видел бы ты, что они с греческими склепами делают.

Филин не стал даже спрашивать, что они делают с греческими склепами.

— А что на верху лестницы? — Спросил Яроволк безо всякой

веры в человечество.

— До апокалипсиса была какая-то инспекция по делам килек. Недружелюбные.

— А сейчас?

— Не поверишь! — Гыгыкнул диггер. — Всё та же инспекция килечного хозяйства. Вчера смотрел. И опять чуть в табло не выписали. Чую, не кильку они там квасят…

Собственно, дальше они не пошли. Под Дворянскую улицу вёл узенький ходок для передвижения раком. Ракоход. По словам Рамена, метров через двести там было чуть не под потолок дерьма. Яроволк туда просто не вошёл. Потыкался так, эдак, да и сказал:

— Не, задница не проходит. Рамен, это будет твой участок работ.

— Да я старый и больной! — Взвился старичина, топорща бороду.

— А ещё маленький и хитрожопый. За это надо платить. Вон, возьми себе Филина юным падаваном. Или предлагай обходные варианты.

Филин не сомневался, что диггерище варианты найдёт. Во всяком случае Ваня клятвенно обещал себе, что вон туда вот в дерьмо не полезет никогда. И вообще он не диггер. У него уши нежные.

Под конец оглядели купеческий подвал, переделанный в бункер. Подвал переоборудовали ещё перед Великой Отечественной, подперев каменные своды двутаврами, и вообще, всё сделали по уставу. Особенно трогательно выглядели деревянные гермодвери, прогнившие до пластилиновой мягкости.

В самом дальнем конце бомбяры был сортир. Канализацию советские строители делать не стали, а бестрепетно вывели сливную трубу прямо в водоводную галерею, которая как раз проходила понизу. Блин, вот что за чернозём там на полу был!

Прямо перед глазами сидящего на толчке в толстой каменной стене была устроена пулемётная бойница. Ваня живо представил себе бойца, держащего здесь последнюю линию обороны. Вот солдат заливает в кожух «Максима» воду из бачка, поудобнее пристраивает голый зад на толчке, и теперь даже неконтролируемые позывы страха не прервут работу пулемёта…

Подвал-убежище оказался двухэтажным, а выход наружу — через верхний этаж. Вероятно, даже прежние хозяева здания не знали всей правды о собственных подземельях: всё привходовое пространство было плотно, до непроходимости забито самым невероятным хламом, от ржавых кроватей до щитов наглядной агитации. Были и вспухшие трёхлитровые банки с седыми

соленьями.

С трудом пробившись к железной двери выхода, Яроволк без колебаний толкнул её вперёд. Ничего не произошло. Тогда он поднатужился, упёрся в гору гнилых воздушных фильтров и стальная дверь не то чтобы открылась — просто верхний угол её пластилиново выгнулся наружу, впуская свет и волну жаркого воздуха, столь сладостного для всех вылезающих из подземли. Первую минуту воздух остро благоухал озоном, который на поверхности есть, а под землёй отсутствует напрочь. Вскоре нос перестал замечать этот прекрасный запах.

Дверь выводила в небольшой дворик неправильной формы в кольце высоких каменных стен. Под могучими деревьями громоздилось титаническое количество веток, мусора и натурального дерьма — буквально в сорока метрах от ржавых ворот был перекрёсток с цивильной многолюдной улицей Ленина. Похоже, именно сюда дамы и господа ходили гадить.

Дверь же не открывалась не только потому, что была заперта на тяжкий висячий замок. До половины она была засыпана обломками ракушняковых блоков и щебнем. Здание, из первого этажа которого был вход под землю, теперь представляло из себя гору строительного мусора в кое-где сохранившихся стенах. В войну сюда целенаправленно прилетело что-то мощное.

Яроволк вновь не отвечал на запросы, углубившись в свой планшетик. Он бормотал: «Так, это мы расчистим, там кухня, а вот тут вот типи поставим».

Похоже, с местоположеним базы Теплостанской экспедиции определились. Вряд ли кто будет против, если они поселятся в этом сральнике.

12. Врачу, исцели себя сам.

В самую жару, когда Керчь замирает, Филин напился пивом и лениво топтал брусчатку по бесконечной улице 23 мая, хоронясь в зелёной тени деревьев. Впереди маячил пыльный памятник тому самому 23 мая, кривое пересечение ржаво-красных осколков. Судя по монументу, в Керчи в тот день произошло странное. За все свои приезды сюда Ваня так и не удосужился выяснить, что же именно.

Сейчас на постаменте, на самом солнцепёке, криво притулился доктор Догвадорж в светлом костюме, запачканном глиной. Фтизиатр в отсутствие санитарки и метаморфина исходил потом, трясясь в ознобе. Очевидно, сбежал.

Филин не раз сталкивался с такой бедой. Прежде всего,

свернув могучую самокрутку, прикурил её и вправил страдальцу в зубы. Затем аккуратно отвёл трясущегося фтизиатра на скамеечку в тенёк. Тот, глубоко затягиваясь, приоткрыл глаза и благодарно сжал Ванино запястье холодной липкой лапкой. Ну да, с курева попускает, конечно же. Но это не решение проблемы. В голове Филина сложился план, крайне преступный, но человечный.

Через десять минут полувменяемый доктор был аккуратно доставлен на базу Теплостанской экспедиции при Керченском историческом Заповеднике.

За прошлую неделю товарищи, едва не надорвав пупок, выгребли из бункера геологические наслоения трэша. Вместе с мусором со двора получилось аж семь пятитонных контейнеров. Жители Керчи при всей своей обаятельности ненавидели выносить мусор дальше трёх метров от порога, так что местный золотарь был счастлив внезапному приработку и сделал оптовую скидочку.

Рамен в трудовом порыве особого участия не принимал. При любом удобном случае он норовил ускакать к своей дражайшей Лилечке, то бишь Лилии Остаповне. Впрочем, именно через неё старичина пробил и Открытый лист, и официальную прописку Теплостанской экспедиции в ставшем вполне уютным дворике.

Ворота покрасили суриком из бомбоубежищных завалов, посреди каждой воротины приляпав огромную наклейку с гербом Тёплого Стана. К городскому электричеству пока не подключались, потому как электрики очень уж хищно алкали мзды. Вместо этого поверх руин здания поставили пару довольно бесполезных, но оптимистичных ветрячков от киберслесаря Наливайченко. Для подземной дизельной Филин сторговал у него же старенький генератор, после чего Яроволчище протянул гофротрубой новую вентиляцию и, просушив подземные хоромы, принялся домовито обживаться.

В ближней комнатке верхнего этажа среди свежепобеленных стен валялись теперь зверофеевы игрушки и сам Зверофей. В связи с этим фактом доктора устроили в следующей каморке, уложив поверх тёплого клетчатого пледа на лавку, пережившую десятилетия подземного забвения. Догвадорж вяло бормотал бессвязные благодарности, некоторые — по-монгольски.

Оповещённый по «Майндфрогу» Яроволк уже всё подготовил. Много лет опекая хакерствующего Князя, киборг кое-чего да поднахватался. Айболита, запитав от дизеля, подключили к нетбуку и выносным блокам. Много лет бездействовавшая система лекаря была навеки закрыта на мудрёный медицинский пароль. На две минуты работы криптоблока от «Битого Байта». С машинной точки зрения фтизиатр сохранился неплохо.

Распознались, хоть и не с первого раза, почти все системы. Перед товарищами лежал практически исправный киборг без стрелкового комплекса и прочих воинских приблуд. Медицинская модель «Айболит-88».

«Заболела — полечися!» — Назидательно изрёк Яроволк и, запустив с консольки программу самодиагностики, отсоединил от доктора всю электронику, только питание оставил. Медицинский киборг Жугдэрдэймидийн Догвадорж обратил всю мощь на себя самого, зажужжал и заурчал, звонко испустив ветры. Хрустко защёлкали, вправляясь, разболтанные суставы и позвонки. Хрипло засипел застоявшийся медблок. Под грудными контактами кожа доктора натянулась бугорком и лопнула, из показавшейся трубочки пошла тягучая мутно-бурая дрянь с едким ацетоновым запахом. Чистоплотный Филин, надев на трубочку катетер, свесил его в старое ведро.

— Ну, это надолго! — Беззаботно заключил Яроволк, пакуя оборудование в чемодан, и друзья отправились на двор. За дощатым столом под сенью чинары строгая Тайга уже питала Зверофея зелёными щами со сметаной. Шансов увильнуть у мрачного карапуза не было. Какова из себя чинара, Ваня точно не знал, поэтому раскидистое дерево над двором звал чинарой условно.

Теплостановцы заправились живительными щами и шли уже на второй заход чая с вареньем, когда из дверей бункера опасливо выглянул изрядно похудевший доктор Догвадорж. Узкие монгольские глазки подозрительно оглядели двор. Из пальца доктора торчала длинная блестящая игла с капелькой на конце — наверняка что-нибудь крайне ядрёное, вместо пистолета.

— Опаньки, доктор, с лёгким паром! — Радушно взревел гигантский Яроволк. — Присаживайтесь, только отключите системы, пока коптеры не засекли!

Помедлив секунду, Догвадорж втянул иголку и подошёл к столу. Опытный Филин подвинул врачу полкастрюли щей с половником сметаны и четверть краюхи чорного. Выдал погрызенную Зверофеем ложку. Вздохнув, доктор с достоинством скушал всё. Ему налили чаю. Топча ложечкой лимон в стакане, осоловевший фтизиатр тихонько сказал:

— Что ж вы творите… Я ещё тогда в Геленджике понял, что вам на закон плевать, а теперь и меня втянули. Нам же нельзя включаться. Что я в Совете скажу?

Филин, хрустя печенькой, рассудительно отвечал:

— Живой киборг лучше мёртвого наркомана. А в Совете просто ничего не говорите — кто там узнает? Или скажете, что керченский воздух очень-очень целебен.

Доктор меленько засмеялся, посмаковал чай с кубиком контрабандного лукума:

— Да-а-а, стал доктор преступником на старости лет! Да к чорту всё, мне так хорошо уже лет пять не было. Честно, говоря, я не очень понимаю, что у нас в Совете против киборгов имеют. Когда меня запаролили, я жутко переживал. С того всё и началось. Раньше бы смешал человеку один укол, а тут прописываешь массаж, минералку, оздоровительную ходьбу, и всё без толку…

В общем, добрый доктор Догвадорж оказался неплохим дядькой. Под чай, лукум да самокрутки общество заседало до ночи. Уходящему доктору в почищенном Тайгой костюме Яроволк выдал бумажку с переписанным паролем и велел не включаться под открытым небом. А лучше всего в подвале включаться. Догвадорж, в свою очередь, строго велел завтра к двум Раменцеву явиться на приём в резиденцию Совета на улице Карла Маркса. Обещал поправить. Лишь после ухода айболита Филин понял, что речь идёт о поправке Рамена. Похоже, теперь у Тёплого Стана был свой человек в Совете психической гигиены.

13. Индрик-звери

На третий день Филин заглянул в водосборную галерею и немного ошалел. Да, Яроволк планировал «всё тут привести в порядок», но человек в здравом уме не всегда готов осознать, что имеет в виду элита русского стройбата.

Раньше галерея в сечении была «подпрямоугольной», как застенчиво пишут топосъёмщики. Теперь же в подземную даль уходил тоннель с ровными, едва не отшлифованными стенами, с крепью в местах, показавшихся киборгу подозрительными. Пол вместо грязи был узорчато выложен разномастным кафелем из руин, и вроде бы даже на стяжке. По пластиковому лотку у стены бежал бодрый ручей, пока что сливавшийся в последнюю незаделанную трещину. Дальше двадцати-тридцати метров ничего не было видно — там клубился пар, раздавался грохот и свист. Именно туда уходил солидный силовой кабель, тянущийся от самой дизельной.

С некоторой опаской Ваня вошёл в туман. Оказалось, что галерея тянется на двести, а то и больше метров, и там на конце кабеля работает Яроволк. Работает не как конторщик, а как работает судовой двигатель или артиллерия. Киборг и был источником всех звуков. С глухим гулом он стремительно вырубал в мергельной стене под водоносным слоем идеально

ровную канавку для водосборного лотка. А свист доносился из клапана за ухом гиганта, пониже крепления фары. Ранее незаметная трубочка теперь исходила мощной струёй пара. Яроволк полился холодной водой из ведра и задымился весь целиком.

Теперь уже никто не назвал бы его свиноволком. Всё сало улетело в топку, а канаты мышц явно стали толще. Филин понял, чему все эти дни так радовалась Тайга. Трое суток бесплатного фитнес-марафона сделали своё дело: киборга теперь впору было выставлять на культуристский конкурс, чтобы педерасты слюной изошли. Мистер мокрая футболка. Ваня представил себе лощёного старца, щиплющего киборга за жопу с предсказуемыми последствиями, и невольно заржал. Яроволк опустил кайло и выпрямился, упершись головой в потолок. Выпустив шумную струю пара, он проорал в наступившей тишине:

— Чего ржёшь? Видишь, заканчиваю уже!

— Да я так… — Филин замялся. В тишине что-то было не так. Где-то здесь. Резким рывком он выдернул себя из спящего режима, так что аж замутило, и весь обратился в слух. Глиняные толщи расцвели звуковой картиной. Под землёй не было тихо. Журчали воды, стонали каменные пласты, совсем уже в глубинах происходило нечто кишечно-вулканическое. На Желябова сдвоенным стуком, гулко отозвавшись в каких-то подземностях, проехала по люку машина.

Вот. К ним по галерее тихо шёл большой человек. Гость явно знал, что идёт за киборгом-филином, и принял обычные меры предосторожности: медленно дышал ртом, ступал мягко, и всё это не в ритм. Но так можно обмануть рассеянного на шумной улице. А не Ваню и не здесь. Филин предостерегающе поднял ладонь, гася налобник. В тот же миг в ручище Яроволка мелькнул пистолетик, фары потухли, киборг замер. Хитрый визитёр тоже затих, остановившись за поворотом — до него было метров сто. Блин, они же в тупиковой галерее! Какое недобро… Вот за это Ваня и не любил подземлю. В следующий раз надо будет дверь запирать.

От бункера по галерее вслед таинственному визитёру едва слышно зашуршали лёгкие шаги — Тайга, вернувшись с рынка, почуяла гостей. Увидев спину визитёра, индейская женщина сбилась с дыхания и затаилась за следующим поворотом, шикнув вытянутым из ножен лезвием. Ну совсем здорово. Так ведь мало того, за спиной Тайги из пролома, служившего входом из бомбоубежища в галереи, сопел некто маленький. Зверофей, которому наверняка было велено сидеть в своей комнате и не высовываться, увязался за мамой и теперь едва не пищал от

любопытства, храбрости и шкодливости. Вот ведь блин…

На полминуты все застыли, как по команде «Морская фигура замри». Визитёр, зажатый с двух сторон, первым осознал щекотливость ситуации. Он гулко прокашлялся и мощно объявил, разгоняя эхо:

— Старший иеропараномарь Дементий Чеглоков по общинному делу! Архиепископ знает, где я. Иду с миром!

И уверенным шагом пошёл с миром. Из-за поворота показалась фигура, закрывшая весь просвет хода. Пономарь был никак не меньше Яроволка. В руке его мерцала тонкая свечка, а в свете включённых фонарей стало видно, что Дементий идёт не только с миром, но и с обрезом двуствольного слонобоя. На ходу он прятал оружие под рясу. Вежливый Яроволк тоже избавился от оружия, едва ли не проглотил. Видимо, «Стечкин» был незарегистрированный.

Церковник остановился в паре шагов от товарищей и огляделся. Особенно заинтересовала его стена галереи, источающая капли.

— Ведь это вода, верно?

— У нас открытый лист на водопровод Гущина. — Нейтрально прогудел звероволк, и со свистом стравил накопившийся пар.

— Ну да… На превращение его в метро. Я-то по роду службы с самого начала за вами приглядываю, и что-то концы никак не сходятся. Сначала прибывает нехристь неавраамический и регистрируется в Заповеднике, а это не всякому дано. Потом у него оказываются жена-индейка и православные друзья, что отдельно непонятно. Открытый лист вам дали — за какие заслуги? И среди джанкойских джанки слухи ходят, что вы даже самих психиаторов от наркомании лечите. Вы ведь Догвадоржа включили? Вот попалились бы — и всё, статья. И теперь вот добываете воду прямо над городом. Соизвольте объяснить, господа общество, что старику писать в докладной грамоте Третьему отделу? Вот обо всём этом цирке что писать? — Могутный «старик» развёл руками. За поворотом сопела Тайга с чем-то тяжёлым в руках, ждала продолжения.

— Да ничего не писать. — Неожиданно для себя выговорил Филин. — Вот на День рыбака фонтан Гущина запустим, народ напоим, тогда и пиши, что хочешь.

— То есть как так запустите? — Опешил пономарь. — Вот прямо за так? Да тут воды на десять тысяч в день!

Тут церковник промахнулся. После заделывания щелей и устройства лотка Рома-звероволк объявил, что галерея даёт два литра в секунду, то есть больше чем на полтораста тысяч барынек

в сутки.

— Да вот так возьмём и запустим. — Солидно отвечал Яроволк. — Пойдём-ка наверх, твоё преподобие, чайку пивнём, а то я тут замахался.

За чаем с контрабандным лукумом, за неторопливым разговором, всё потихоньку стало на свои места. Труднее всего церковнику Дементию верилось, что вода народу будет бесплатная. Так здесь было не принято.

Яроволк разумно пояснял, что денег-то хватает, а надо бы уважения, и прежде всего — признания княжества Тёплый Стан. Иначе Князь ему уши надерёт. Потому что Дипломатия. К тому же за такие деньжищи и пристрелить могут, а вот за бесплатно… Прямолинейный Яроволк наивно полагал, что честность — лучшая политика. Пока это работало.

В конце концов иеропараномарь обещал подкрутить мозги архиепископу, если фонтан заработает. Так сразу стала ясна расстановка сил в Керченской епархии. Но церковник явил ещё не все свои сюрпризы. Хитро прищурившись, он спросил Яроволка:

— А ты, родной, не знаешь, кто такой Индрик?

Яроволк прищурился не менее хитро:

— Зверь такой подземный, ходы роет, пути подземных вод прокладывает…

— Да-да-да. Как стройбатовец…

— Ладно, уел, дядя Дементий. Это я. «Индрик-4У», усиленная проходческая модель. Я бы иначе ничего тут не нарыл.

— Да это понятно. А я тебе почти что коллега, «Индрик-4С». Я это к чему… Церковь всё равно ведь возьмёт свой кусок славы за воду. А попусту врать я не люблю. Так что скинь мне чертежи и дай кайло. Заодно присмотрю за вами, грешными.

Собравшись уже уходить, Дементий вдруг хлопнул себя по лбу и развернулся:

— Вот ведь чуть не забыл, голова садовая! Там в конце Дворянской Отец Сигизмунд на говно исходит, кафолик наш недорезанный, всё вокруг костёла своего скачет. На тебя, Яроволк, жалуется, да не понять ничего. Что там было?

Яроволк скромно потупился:

— Да ничего… Шёл сюда из столовки в ДК Богатикова, грушу ел, а этот трупоед увидел у меня разноверский солнцеворот на шее и развонялся. Я-то по молодости совсем дурак был, набил себе татушку, теперь всё никак не сведу… А ваш этот отец феликс эдмундыч такой визгливый, ну вот меня и проняло. Я ему стишок прочёл…

— Какой-такой стишок? — Заинтересовался Филин.

И Яроволк зачитал:

«Я узнал, что у меня
Есть огромная родня:
Папа в Вене, Папа в Бонне,
Антипапа в Авиньоне…»

И далее по тексту.

От души проржавшись, иеропараномарь взял со звероволчища обещание помириться с ксёндзом, а то так весь межконфессиональный диалог обломать недолго. Со времён падения Ватикана выбесить любого католика очень просто: достаточно упомянуть наступившее в Западной Церкви многопапство. Это как с веганом заговорить о кишечных газах, больная мозоль. Насчёт сведения татушки Дементий обещал поспрашивать у себя на приходе.

Всё это время в душных галереях под Дворянской улицей Рамен по грудь в дерьме с матюками тянул силиконовый водоводный шланг к фонтану Гущина. Его принудили-таки к работе.

14. Подземная крепость Старого Карантина

Наконец-то Рамен и Филин собрались за запчастями старому диггеру. Знающий человек Шашель то не отвечал на звонки, то был жутко занят, то пьян как скотина, но вот наконец заломил нехилую цену (наликом, половину вперёд!) и согласился вести. Ржавая до дыр десятая маршрутка, набитая бабками с рынка, высадила товарищей на необитаемом Телецентре. Вскоре из кустов, застегивая ширинку, показался вертлявый морщинистый мужичок в кепке, с намертво прилипшей к нижней губе самокруткой и залатанным рюкзаком-колобком. Казалось, хмыря выращивали на роль мелкого преступника в старинном кинофильме «Место встречи изменить нельзя», да не взяли, больно уж мелкий криминал вышел. Это и был Шашель. Поздоровались, но грязную руку мутному типу жать не стали.

— А что не на Партизанской встречаемся? — Поинтересовался Рамен. — Вроде ведь там вход в Старокарантинскую?

— Хех, дед, ты чо, с Луны свалился? — Мужичонка сплюнул совершенно верблюжье количество слюны и оттопырил губу. — Тот вход феодосийцы пятнадцать лет как взорвали. Когда Щёлкинских ментов внутри щемили. Они ж не местные, думали, вход только один… Бабло давай.

Само собой, вход оказался не один. Между Телецентром и Семью Ветрами раньше был развесёлый райончик Самострой, полностью соответствовавший своему названию. Теперь на его месте остались только истыканные воронками одичалые сады с развалинами, раскатанными гусеницами танков. До края Самостроя дотянулась рухнувшая мачта телевизионной вышки. Через эти места фронт прокатился туда-сюда трижды.

Шашель привёл их к одной из груд досок и жести, походил вокруг и наконец ткнул в кучку бутового камня рядом с заплывшей выгребной ямой.

— Вот он вход! Давайте, разгребайте! — И уселся на трухлявое бревно.

— А сам чего?

— Грыжа у меня. От непосильного труда. — Шашель, прилепив к губе очередную самокрутку, чиркал зажигалкой.

Куча на поверку оказалась всего десятком камней поверх ржавой жести. Под листом открылся кривой вертикальный лаз, обложенный бутом, из него влажно тянуло запахом подземли. Протиснувшись вниз, подземщики оказались на верхушке обвального конуса посреди перекрёстка. Во все четыре стороны расходились прямоугольные в сечении штреки пугающего размера. Вся каменоломня круто шла под уклон к морю.

Собственно, все каменоломни в этих местах выглядели именно так. Наклонным был весь ракушняковый пласт, на котором стояла Керчь. Филин в красках представлял себе древнее землетрясение, после которого всё от горизонта до горизонта наклоняется на шесть градусов. Впрочем, Рамен говорил, что есть в геологии и более впечатляющие вещи, типа опрокинутых синклиналей. В своё время Ваня как-то не сподобился спросить, что же это такое.

Шашель повёл их поперёк уклона в сторону Партизанской. Абсолютно сухой подземный ландшафт не баловал разнообразием: каждые десять метров перекрёсток на четыре стороны. Заблудиться здесь можно было не в переплетении рачьих ходов, как считали наземные, а в правильной сетке огромных штреков с крепким потолком. Керченская подземля разительно отличалась от замытой путаницы обваленных ходиков, обычной для Подмосковья.

Метров через пятьсот подземщики спустились через узкий колодец на нижний этаж, выглядевший родным братом верхнему, и двинулись далее. Галереи начали изгибаться туда-сюда, кое-где приходилось сворачивать, обходя забитые бракованным камнем штреки. Потолок в этой части был закопчён, а в стенах попадались бутылкообразные выемки, в которые свободно входил

человек. Рамен сказал, что это печи для обжига извести прямо под землёй, значит, где-то рядом один из бывших входов. Широко жили каменоломы.

По пути Шашель завёл обычную курортную игру в дружелюбного экскурсовода-сказочника и лохов: а вот там ход до Феодосии, а сами кто вы, а туда ходы на Тамань под проливом, а в городе какими судьбами, а тут шесть этажей и золотой конь царя Митридата зарыт. Друзья отвечали кратко и неохотно: да, нет, с Тёплого Стана, водопровод на Дворянской чиним, не гони, да не гони уже наконец.

— Так. — Неожиданно строгим голосом сказал шипящий карбидкой Рамен. — Что за дела, Шашель? Вот мимо этой печки мы уже третий раз ходим. Ты вообще-то дорогу знаешь?

Шашель, кося глазами, заюлил словно нагадивший кот. Оказалось, что он отродясь не был в этой части Старокарантинских и вообще, знает только привходовуху у взорванного главного входа да дорогу оттуда до Партизанского моста. В общем, тот ещё проводничок.

— Слушай, Шашель, а на кой ты вообще нам сдался? — иронично скрипнул старый диггерище.

— А я за Партизанским мостом дорогу до лагеря знаю и проход в минных полях — гордо приосанился проводник, распространяя самокруточную вонь — Если хочешь, ищи сам. Тут пятьсот километров такого добра.

— Ага, пятьсот, конечно. Ну ладно, ладно. До Партизанского? Тогда тебе туда. Давай, в темпе! Я тут ночевать не собираюсь.

Заслышав про мины, Рамен не стал рваться вперёд, предпочтя гнать Шашеля вперёд ценными указаниями. Эту часть системы диггер знал на отлично. В кратчайшие сроки подземщики пролетели огромное расстояние по стиснутым бутовыми завалами штрекам. Неожиданно потолок над головой исчез, и группа по наклонной траншее поднялась во тьму. Рамен прибавил огня, и белый свет карбидки отыскал потолок метрах в десяти над головой. Огромный зал, собственно, и назывался Партизанским мостом. Почему так, не помнил даже сам Рамен, а Шашель с готовностью начал бредить на заданную тему. Два этажа сходились здесь вместе к забитому стволу на поверхность. Из оползающей вниз глины желтела берцовая кость.

— Белых расстреливали и кидали в ствол. Или красных. Или партизан. — Откомментировал старый диггер. — Наш народ всегда не дурак подушегубствовать был.

Шашель понуро бегал кругами, как потерявшая след дворняга.

— Ну что там опять, болезный? — Поинтересовался

старичина.

— Да тут такое место должно быть… Где через три этажа всё обвалилось…

— А. Так это там.

Через две минуты они были в гигантском объёме, оставшемся после обвала межэтажных перекрытий. Здесь до потолка было уже метров двадцать-тридцать. Проводник вынул из кармана нечто ветхо-рукописное и стал сверяться с местностью. Им нужен был средний этаж.

После краткого альпинизма и долгой ходьбы подземщики прошагали через большой заброшенный лагерь, щедро загаженный гильзами, банками и водочными бутылками, словно там свиньи ночевали. Стены становища были густо изрисованы похабщиной и незнакомыми цветастыми флагами. Далее по штрекам нейтральной полосы двигались след в след: начались мины.

Похоже, Шашель включил сапёрный модуль и теперь едва полз маленькими шажочками, отыскивая метки на стенах и каменные пирамидки на полу. Многие из мин давно сошли с боевого взвода и сползлись в кучки у стен, но расслабляться не стоило: среди этих железяк всегда хватало фанатичных тварей, ждущих жертву до последнего миллиампера в аккумах.

Впереди штрек был перегорожен бутовой стеной с бойницами. На боевом посту всё ещё сидел замшелый боец со ржавым калашом. Дальше шли свободно, здесь уже была незаминированная территория оборонявшихся.

На второй линии обороны было то же самое, только боец, похоже, подорвал себя гранатой.

На третьем посту не было никого. Сразу за ним в забое тупикового бокового штрека штабелем лежали киборги, торча наружу десятками истлевших берцев. Судя по развороченным самоликвидацией модулям, это были те, кто сыграл себе «Вечный сон». Здесь же была откопана глубокая могила, куча вынутой тырсы лежала на расстеленном брезенте. Рядом на брезентовых носилках лежал некто в парадном мундире давно канувшей в Лету армии.

Метров через двести подземщики вошли в лагерь оборонявшихся. Здесь царил идеальный армейский порядок. Потолок затянут парашютом, некогда белым. Давно севшие диодники на гвоздях по стенам, ровный пол из тырсы. Автоматы и винторезы в оружейных пирамидах. На столе всё ещё стояли стаканы да чайник, цинк патронов и магазины. Под столом — несколько аккумов. Никакого мусора.

На каменной лежанке у стены лежали на пенках последние

защитники подземной крепости, кто в спальниках, кто так, со снарягой в головах и с берцами в ногах. Восемь бойцов спали практически вечным сном. Это и были те самые «Линксы», которых искал Рамен.

Старик опустился на колени между мертвецами, осматривая скверну.

— Ваня… — Опасно ровным голосом тихонько позвал диггер. На его лице блеснули слёзы. — Знакомься, это Дед Мороз, мой комбат.

На крайней правой пенке лежал статный воин в прелом потёртом камуфляже, скалясь из окладистой белой бороды.

— Вон те двое — Цыган и Залман из моего взвода, остальных не узнаю… — Старой закрыл лицо грязными ладонями. — Наверное, тоже наши. Как же так, ребята… Двадцать лет… Ладно, Ваня, давай дальше ты. Я пойду посижу.

Рамен тяжело поднялся и отошёл к столу. Филин вздохнул, натягивая синие перчатки и респиратор, подошёл к мёртвым с батареей и нетбуком. Мало надежды. Сыро тут. Вот этот сыграл себе «Вечный сон», вон как его разворотило. Вокруг воровато шастал Шашель, грёб хабар в уже изрядно распухший рюкзак. Ещё один киборг включился, но намертво зациклился на диагностике. Ваня оставил его, и так было видно, что медблок скис. Ещё один, судя по всему, под конец отформатировался, и у него почему-то вовсе не было медблока. Ещё, ещё один… Уже безо всякой надежды Ваня подступил к Деду Морозу. И тот неожиданно стал загружаться, в консоли побежали строчки диагностики. Кое-что работало.

— Рамен, пойди-ка сюда. К командиру своему.

Диггер метнулся, и в тот же миг над лагерем разнёсся уверенный командирский голос:

— Я Дед Мороз, командир первой отдельной ДРГ Аршинцевской консистории. Назовите себя. Какого хрена?

Рамен упал на колени над командиром:

— Мороз, это я! Старший лейтенант Раменцев! Помнишь?

— Оп-па! — Негромко сказал скелет, вертя прицельной линзой. Он был более навороченный, чем Рамен. — Какими судьбами, Коля? Ядрёна корень, да ты старик…

— Командир, я тебя вытащу! — Старый диггер сглотнул ком в горле. Дед Мороз помолчал, послушал что-то внутреннее.

— Подожди, старлей. Подожди. Послушай. Выходит, мы всё-таки продержались. Только кому это теперь надо… Я смотрю, у меня уже и срок присяги истёк. У меня под головой знамя консисторское свёрнуто, так вот там слева за камбузом и помойкой есть нужник — туда его, к чортям собачьим. Это

первое. Второе: с того краю Сокол лежит, молодой был, под конец маманю звал. Его блоки вытащи наверх, покажи парню солнышко. И третье: моё железо разбей и сожги, хватит с меня уже.

Тут Филин деликатно кашлянул:

— Э-э-э… Товарищ Дед Мороз! Сокол-то не включается уже.

— Жаль. А ты кто? — Крутанул линзами командир.

— Да я Ваня Филин…

— Фи-илин! Хо-хо-хо-о! — От каменных стен отразился совершенно сантаклаусовский смех. Ваня вздрогнул. — Филин… Редкая птица. Очень нам такого здесь не хватало. И вот явился, не запылился! Жаль, что крыша у вас, филинов, легко едет…

— Дедушка Мороз, подари нам свой медблок. Рамен вон, кончается.

— А ты с юмором парень. Медблок бери. Он хороший, даже сейчас лечить меня пытается. Из хирургической стали, ограниченной серии. — Дед Мороз был спокоен и дружелюбен. — А центральный блок и харды — в топку, в огонь. Прямо вот тут, на камбузе.

— Да не стану я тебя убивать, Морозище! — простонал, шмыгая носом, Рамен.

— Спокойно, боец! Отставить сопли и вопли. Ты, лейтенант, очень умно поступил тогда, что на гражданку ушёл. — Тут голос деда Мороза стал тихим и отстранённым. — Мы-то с ребятами решили подработать, да не тем людям коды присяги отдали. Ещё шесть лет… Мы здесь все в крови по самые уши. Да потом представь ещё: лежишь ты мёртвый, а бойцы зовут, бредят, пристрелить просят. Цыган вообще умом тронулся… И не поймёшь даже, кто из них жив, а кто уже всё. А у тебя заряда ещё на неделю. И вообще, Коля, ты же понимаешь, что это уже не я. Так, паразитное сознание в нейроблоках избыточной мощности. Давай…

— Товарищ Мороз, а что ж ты «Вечный сон» себе не сыграл? — Нетактично спросил Филин у скелета. Послышался тихий смешок:

— Самоубийц в рай не пускают…

Рамен к этому моменту уже успокоился, растёр грязь по всему щячлу и твёрдо заявил:

— Понимаю, командир. Ты у нас всегда философ был. Всё понимаю. Только поступим мы вот как: сейчас я тебя отключу. И потом познакомлю с одним мудрым человеком, побеседуете. И уж если он не уговорит — тогда хоть в нужник, хоть в переплавку иди. А за медблок — низкий поклон тебе, командир. До скорого.

— Ну ладно, что ж с умным человеком напоследок не поболтать. О, вот ещё что, чуть не забыл: будете наверху —

попейте таблеток от эктоплазмоза. Нас именно им достали. Был у них какой-то умный гад, врач-убийца, знал, что старые медблоки эту заразу не видят. Кстати, Раменцев, возьми бумаги в клозете и вытри физиономию — весь в дерьме. И побрейся. Давайте, ребята.

Филин скинул клеммы с контактов мёртвого киборга и стал аккуратно снимать блоки, оборачивая их в пупырчатый полиэтилен. В это время с дальнего конца лежанки раздался хруст: Шашель в хабарном угаре выдирал блестящую железяку из грудной клетки несчастного неисправного бойца Сокола.

— Отставить! — загремел, отражаясь от стен, голос Рамена. То есть старшего лейтенанта Раменцева.

Чёрный следопыт, оторвавшись от своего грязного дела, осклабился и изогнул по-блатному пальцы:

— Деда, а ты не попутал? Ты сейчас на моей делянке. Да я…

Выстрел в каменных стенах бахнул оглушительно, остро брызнув осколками известняка. Поцарапанный Шашель подавился словом, бросаясь на пол. Злой ТТ в твёрдой руке Раменцева смотрел вору прямо между глаз.

— Это тебе не делянка, тварюга. Это могила моих братьев. Выбирай: сразу в лобешник или в колено, чтобы помучиться?

Шашель, весь зеленовато-бледный, замахал руками:

— Да ты чо, дед, шуток не понимаешь? Ты хозяин, ты решаешь, прости…

Рамен опустил пистолет, плюнул с омерзением:

— В лагере бери что хочешь, шутничок, а мёртвых пальцем не тронь.

Больше до самой поверхности не проронили ни слова. Всю скверну Филин с Раменом снесли на пенках в тот тупик, где уже лежали бойцы. В трещине потолка над ними Рамен подорвал тротиловую шашку, и огромные плиты накрыли бедолаг. Консисторское знамя кинули в нужник — раз Дед Мороз велел в нужник, значит в нужник. Выходит, в его времена нынешние союзнички не были такими милыми зайчиками… На всё про всё ушло часа полтора.

Очутившись на поверхности, Ваня и старый диггер зашагали к остановке, вызвонив Яроволка на его яроволге. По пути крепко задумавшийся Филин вдруг спросил Рамена:

— Слушай, а что там Дед Мороз говорил, что у филинов крыша легко едет?

Рамен, уже что-то там такое гнавший, поперхнулся на полуслове, внимательно посмотрел на Ваню и, не найдя в том безумия, осторожно усмехнулся:

— А я знаю? Вот Князинька Мороза починит, самого его и спроси.

— Я, кажется, знаю, от чего филины с катушек съезжают. Я вот, например, в рюкзаке Деда Мороза тащу. Тебе на запчасти.

Рамен, облегчённо заржав, хлопнул Филина по спине:

— Не, Ваня, всё безумие от того, что ты коммунист православный! Топай давай, коммуняка!

Шашель, получив пухлую пачку мелких денег и шатаясь под неподъёмным рюкзаком, ковылял в своё логово на Семи Ветрах. Убедившись, что никого вокруг нет, он бросил хабар на землю и потыкал в дешёвый телефончик. Дождавшись ответа, перекосился в жабьем реверансе и залебезил куда-то вверх, словно его невидимый собеседник сидел на облаке:

— Господин Мосолов… Фома Ильич… Моё почтение, это Шашель. Я на вас работал… Я Шашкин Кузьма! Я, это… Это… Тут два лоха московских, говорят, что они водопровод какой-то на Дворянской делают… Я так подумал, вам это интересно будет. Да, уже еду! Сей секунд!

15. Звонок другу

В десять утра Ваня расслабленно кайфовал в крохотной пиццерии «Метро» на Ленина, овеваемый кондиционером. Киборг потягивал вполне приличное Симферопольское пивко под самокруточку да ждал пиццу-капричио. Напротив него живой горой высился утомлённый Яроволк, в основном отмытый от грунтовых наслоений. Гигант завершил свои труды в водопроводе и теперь ожидал свои четыре пиццы-маргариты под полведра пива.

Товарищи вяло болтали о том, о сём, о нездоровом Рамене и о бабушке, то есть Леди Филин, которая наводила изрядного шороху в своей Ковровской командировке. Говорили и о подземных ходах, и о нелюбопытном поверхностном населении.

Вот, например, по ту сторону бухты стоит крепость Керчь. Она пережила революцию, Гражданскую, потом была Великая Отечественная и две оккупации Керчи. И ещё сорок лет мирного времени, когда в крепости сидел знаменитый на весь флот дисциплинарный батальон. И только в 1986 году в подземельях фортеции нашли арсенал Черноморского флота Российской Империи. Да такой арсенал, что потом лет двадцать грузовиками возили взрывать за город. Нелюбопытство…

Утро за окном нагревалось, густея, и обещало жаркий томный день.

Уже протискивалась в зальчик согбенная под грузом еды официантка, когда Ванин телефон квакнул майндфроговым

вызовом. Выудив мобилу из кармана, Филин удивлённо поднял бровь: звонил Махмуд Сатыров. Оказывается, у того был майндфроговский аккаунт, и чеченский мореплаватель не только умел им пользоваться, но и знал Ванин номер.

— Салям алейкум, дорогой товарищ! — заинтригованно сказал Филин в трубку.

Действительно, это был Махмуд. Собеседники сотворили все неизбежные ритуалы, поговорив о здоровье Рамена, общих друзей, Махмудовых мамы и папы, Филиновой бабушки. Постепенно Ваня серьёзнел, начиная понимать, что очень даже не просто так Махмуд ему звонит. Наконец, перешли к делу.

Сатырову-старшему вот только что позвонил керченский водяной магнат, а по совместительству директор той самой Керченской инспекции рыбных ресурсов, где неделю тому едва не отметелили Рамена («ты ведь уже знаком с Фомой Мосоловым, дорогой? Лови файлики!»). Именно этот повелитель килек гонял в Керчь цистерны горной водицы с Южного берега, и он же держал рыночную цену в одну барыньку за литр влаги.

На снимках Мосолов весьма походил на крупнокалиберный снаряд, попавший в голову растолстевшему Винни-Пуху, да так и прижившийся вместо неё. Выражение лица у него было соответствующее. Ваня не раз встречал эту рожу на рынке и на улице, всегда в сопровождении пары телохранителей, здоровых тупых киборгов печально известной модели «Таурус».

Тут Ваня понял, что всё равно придётся всё пересказывать Яроволку, и подключил того в разговор. Горец обменялся со звероволчищем теми же ритуальными приветствиями на полминуты и продолжил.

Водяной магнат торопился как голый в баню, и вот прямо в эту ночь жаждал нанять бойцов сатыровского охранного агентства в Керчи. Авторитет хотел крови понаехавших москалей. В прошлом Сатыровы вели с Фомой дела, но потом вежливо свернули сотрудничество: делишки Мосолова были хоть и прибыльны, но уж слишком грязны. Филин прикинул, что же такое такое должен был творить килькин папа, чтобы смутить кровожадных нохчи, и не смог вообразить.

Старый лис Али Сатыров не стал отказывать Мосолову, за немалые деньги пообещав тому десять стволов в дополнение к мосоловским восьми, но с кредитоспособными теплостанцами ссориться тем более не желал. Он немедля отписал своему старшему, а именно Махмуду, скинув на того всю головную боль вместе с материалами по делу. Али-хаджи приказал сыну, чтобы к вечеру в Керчи не было ни одного нохчи, также велев придумать связное объяснение этому факту. Поздним вечером следовало

извиниться перед заклинателем килек, мол, не выходит помочь, ну никак.

Кроме того, древний глава сатыровского клана был мудр, но не особо подкован в делах электрических, а Сатыров-младший вполне мог связаться с теплостанцами по шифрованным каналам. Горца нисколько не интересовало, что в этот момент его бледно-зелёный потомок штормует посреди Чёрного моря на пароме, доставляющем из Галаты в Форос массу интересных вещей.

На том Махмуд пожелал товарищам удачи, запрудив им телефоны массой интересных файликов по Керченской преступности, велел не пропадать и дал отбой.

Филин с Яроволком уставились в экраны, нечувствительно пожирая пиццу с пивом. Киборги тихо шалели, осознавая, в какой гадюшник наивно вступили. Керченская оргпреступность, хоть и малая числом, проросла собой все общины и организации города, и мэрию, и, конечно же, Заповедник. Она связывала всех владетелей сложными грязными отношениями. Притом, как обычно бывает на Югах, все в городе всё знали, но помалкивали. В центре поганой сети распустил свои щупальцы Мосолов со своей маленькой, но жуткой бригадой.

Про щупальцы — это вовсе не фигура речи. В деле имелся смазанный снимок Фомы, нависающего над неким обмякшим телом. Из-за головы киборга к жертве выгибались десятки тонких кабелей. Это до боли напоминало работу «Контролёра», которых вроде бы всех давно уничтожили.

Контролёры, штучно производившиеся в мастерских Жидского Схрона, могли творить с другими киборгами всё, что угодно. Щупальцы, находя в теле противника электронные блоки, брали их под контроль, блокировали или просто жгли. Последний контролёр безнадёжно извратил в Стрые девять гайдамацких оперативников, прежде чем его загнали на горный хутор и расстреляли из гаубиц. Громкое дело было. Других рецептов борьбы с контролёрами наука не предлагала.

В общем, Фома был чем-то вроде их Теплостанского князиньки, только плохой и с тентаклями.

Прикинули расстановку сил. Судя по материалам и личному опыту, во всей Керчи теплостановцы более-менее могли положиться лишь на трёх человек. Первым был параномарь Дементий из храма Иоанна Предтечи. Керченская епархия была на ножах с Мосоловым, но не имела возможности прищучить его.

Вторым можно было условно считать исцелённого ими от наркомании фтизиатра Догвадоржа: тот лишь недавно прибыл в город и в местных делах ещё не был замазан.

Ну и третьей была старинная Раменовская зазноба Лилия

Остаповна из Заповедника. Ей Фома постоянно гадил, учиняя чорную археологию на самых вкусных объектах, да и с преступным директором Заповедника археологиня враждовала люто. Кроме того, она точно выберет сторону любезного ей старичины Рамена.

Собственные силы теплостановцев выглядели вовсе печально. Команда была не столько боевой, сколько инвалидной.

Рамен после операции лежал в больничке у Догвадоржа. Тот строго-настрого запретил старику устанавливать медблок в недрах рыночных гадюшников и положил к себе в стационар на Карла Маркса. Впрочем, доктор доверил иудейскому хакеру Тарасу Наливайченко (о, кстати, тоже полезный дядя!) перешить антикварный девайс на современные медикаменты. Айболит уверенно осваивал жизнь по ту сторону идиотских законов.

Тем более не следовало впутывать в разборки Тайгу с юным Зверофеем. Получалось, что все сюрпризы предстоящей ночи будут расхлебывать Яроволк на пару с Филином. Мда…

Звонок Князю тоже не явил чуда. До вечера никакая помощь в Керчь не поспевала. Честно говоря, она сюда и за пару дней не поспела бы. Не было больше никого теплостановского в Крыму, все сгрудились в Керчи, и это были они сами. Впрочем, в беседе на троих нарисовался некий зыбкий план, весьма наглый и потому дававший надежду.

Архив компромата в основном состоял из аналитических записок некоего вольнодумного философа из охранного агентства Сатыровых, и к правописанию сей керченский суфий относился с восточным фатализмом. Чтобы не подставлять Махмуда и его папу, текста прогнали через Ванин розенталь-процессор с архангельским плагином. Арабская витиеватость сменилась певучим говорком шергинских сказок.

В первую очередь Яроволк нанёс визит Догвадоржу и попросил поставить Рамену на всю ночь диагностику с очисткой, возможно даже со слабительным, чтобы тот в критический момент не геройствовал со своим болторезом.

Там же, во дворе больнички, обнаружился киберстарьёвщик Тарас. Иудей дул пиво, курил самокрутки с юными ординаторшами и всяко ошивался вокруг уже пару часов, как юный папа у роддома. Ему было интересно, как легли на древнюю немецкую железяку свежие нанкинские прошивки, и вообще, заработает ли Раменов медблок. Праздному хакеру звероволк написал на бумажке майндфроговский номер Князя Теплостанского. Тарас Наливайченко впал в экстаз и убежал звонить.

Филин тем временем забежал в Заповедник к Лилии

Остаповне, подтвердив свои наихудшие опасения. Намедни в контору заявился преступный Фома и скопировал все старые бумаги по водопроводу, включая чертежи и планы.

Именно так: всё то, что Рамен в своё время героически копал наощупь, многие годы спокойно лежало в архиве. Никто, кроме Лилии Остаповны, ни разу тех документов не читал, а чужих Учёный Секретарь не подпускал.

Уже без особого удивления Ваня узнал, что архив Заповедника чуть не наполовину забит неописанными и даже ни разу не развязанными стопами документов времён великого Марти. Во Вторую Мировую фашисты разорили музей, а полусожжённый архив горожане растащили по домам. После войны керчане вернули документы в музей. Граждан поблагодарили, бумаги упаковали в вязки и с тех пор не трогали.

Много лет назад какой-то француз был прислан из Петербурга для разысканий — но ему не достало ни денег, ни сведений, как у нас обыкновенно водится… Да и что импортный месье мог понять в тончайших восточных раскладах славянского археологического гадюшника? Спился…

Затем наступила очередь старшего иеропараномаря Дементия Чеглокова, отдыхавшего после строительных трудов в трейлере-трапезной у храма Иоанна Предтечи. Рамен и Филин с некоторой опаской ввели видного церковного деятеля в курс дела, и файлы слили, и планами поделились. По мере прочтения документов тот мрачнел и мрачнел, оглашая помещение трапезной невообразимыми для воцерковлённого человека проклятиями. Многое в прочитанном было даже для него внове. В конце концов он снял очки и изрёк:

— Это полная задница, други мои. В церкви тоже не всё-то гладко, у Мосла ведь щупальцы длинные. Паршивых овец у нас стада, да и пастыри паршивые попадаются. Так что людьми если и смогу помочь, то только в последний момент, чтобы никто не успел сдать. И к Афанасию Великому не суйтесь, Фома у них верховодит в приходском совете. Но надежда есть. Хранится здесь в ризнице одно средство, Длань Войно-Ясенецкая… Если всё сработает, глядишь, и выпутаемся. А если нет — вы трупы, а я завтра буду на подвале у третьего отдела патриархии. И ты, Яроволк, жену свою и ребёнка — пулей сюда! Чтоб через полчаса тут были!

16. Длань Войно-Ясенецкая.

Ночью накануне дня рыбака две неуклюжих фигуры в

цветастых вязаных масках-пусирайетовках по возможности тихо перевалились через стену Теплостанской Экспедиции. С ними был мешок. В следующие три минуты произошла масса разных странных событий.

Достигнув двери убежища, одна фигура принялась лепить на железную поверхность маленькие заряды из мешка, соединяя их проводами. Вторая фигура поначалу старательно смотрела по сторонам, но минно-взрывное дело оказалось гораздо интереснее караульной службы. Так что никто не заметил, как из окна выгоревшего второго этажа спустилась и повисла на проводке светошумовая граната.

Граната взорвалась. При её свете человек в очень тёмных очках мог бы узнать в скрюченных тушах двух мосоловских быков-телохранителей. С возмущённым рёвом ослепшие таурусы врубили все системы, но загрузиться киборгам никто не дал. Из того же окна бесшумно слетел звероволк и, закрутив быкам маски вокруг голов, подхватил из-под стены длинную арматурину.

Один из таурусов пташкой улетел в забор, развалив собой целую ракушечниковую секцию. Пока бык собирал себя в кучку, его напарник уже был замотан в арматуру. Жестоко, чтобы не выпутался: насквозь через руки и ноги, а потом на узел. Внутри заискрило, хлопнул предохранитель и киборг вырубился, потеряв сознание.

Уцелевший таурус наконец-то загрузился и слепо ринулся на Яроволка. Бычара привык, что его натиск сносит любого, но на этот раз просто промахнулся. Там, где только что стоял противник, теперь никого не было. Только здоровенный джеммер с шипящим запалом.

Таурус промешкал с отключением, метнулся, взвыл, и тут через один дом от базы рвануло так, что земля содрогнулась. Через миг джеммер выжег вокруг себя всю работающую незащищённую электронику, и таурус, точнее, уже бывший таурус, рухнул. Яроволк, выплюнув зажатый в зубах провод заземления, хищно оскалился.

Здание килечной инспекции вспухало изнутри багровым шаром в облаках пыли, лишаясь фасада. Птицей взлетевшая крыша косо спланировала во двор, с жестяным дребезгом врезаясь в опрокинутую взрывом автоцистерну. По всей Дворянской хрустальным дождём пролились стёкла выбитых окон, а по окрестным крышам загрохотали каменные обломки. В центр двора Теплостанской экспедиции глухо воткнулся брус камня-дикаря.

Тут над забором взметнулись тонкие чёрные щупальца и, мягко изогнувшись, ужалили Яроволка в широкую спину,

прогрызая себе путь к электронным блокам. Одно из них с хрустом сломалось об остеолитовую пластину затылка. Киборг упал на колени, но тотчас вскинулся, выдергивая из себя чёрные жала, и рванул пучок щупалец на себя.

Через забор, размахивая толстыми конечностями, прилетел извивающийся Фома Мосолов, водяной магнат всея Керчи и повелитель килек. Мосёл был разъярён и растерян. Укол щупалец должен был подчинить или хотя бы парализовать вражеского киборга, и контролёр не понимал, почему этого не произошло.

Враги друг друга стоили: Яроволк был выше на голову, а Мосёл сильно толще, и не от одного жира. Именно поэтому звероволчище припас рогатин, слаженных по всем правилам противомедвежьей науки. До срока они лежали под крыльцом. Щупальца контролёра, такие жуткие вблизи, на расстоянии рогатины теряли свою резкость и силу и легко ломались.

Схватившись за рогатину, Фома с хохотом вырвал её из Яроволковых рук, а тот и не сопротивлялся. Рогатин-то много, что их жалеть. Но всё-таки щупальцы жалили, да ещё и ломались в теле. Мосолов вызмеивал всё новые и новые отростки, как горгона Медуза. Некоторые из них теперь были другие, как верёвки с гарпунчиком на конце. Оставляя за собой кровавомасляный след и всё сильнее пошатываясь, звероволк тем не менее загнал вражину в угол стен дома — сказывался опыт работы с рогатиной. Под забором подвывал, отползая, перешитый арматурой киборг-таурус. Он очнулся и перезагрузился, да толку то?

— Да сдохни же ты уже наконец! — Рычал контролёр. Он не мог понять, почему не может взять под контроль этого стройбатовского слона, вроде бы простого, как лом.

— А вот хрен тебе по всей морде! — Резонно возражал Яроволк.

Утробно взвыла набатная сирена на колокольне Иоанна Предтечи, а ночная Керчь в основном погасла — электричество отключилось. Мосолов нагло усмехнулся: через пять минут прилетит унылый полицейский коптер и станет нудеть, моргая мигалкой…. Но вместо этого от храма взвился в небеса огненный столп, и раскатистый бас сверху устало попросил братьев и сестёр выключить электроприборы… Небесное явление растворилось во тьме, оставив в воздухе многоголосый свист. Что-то летало в небе. Фома завопил, рванувшись к дому, но истерзанный Яроволк от души тыкнул рогатиной, выворачивая контролёра на середину двора.

— Дебил, оба же сдохнем! — В отчаянии орал контролёр.

— Да вот ещё! — Плюнул кровью звероволчище, оседая на

камни двора.

Фома Мосолов медленно выдохнул, опускаясь на колени. Контролёр прекрасно знал, что такое Длань Войно-Ясенецкая, молот киборгов. Закинутые в небо снарядики, отыскав внизу работающие модули в тёплых человеческих телах, уже поделили цели между собой. Если видишь огненную длань, поздно выключаться — тебя выдаёт тепло твоего собственного тела. Мгновенно скрыться под крышу или нырнуть в воду — больше нет вариантов. И ещё оператор целеуказание подправит.

Именно залпы Длани в своё время за две минуты изничтожили десант Новоазовского кибербатальона на Маяке. С тех пор и до этого дня Длань хранилась в храме Иоанна Предтечи, и оттуда же только что был запуск.

Словно длинные пылающие пальцы указали из вышины вниз, на городские дома.

Все киборги во дворе были обречены. Ещё пару секунд противники сидели посреди двора, сверля друг друга ненавидящими взглядами, а потом в Фому ударило раз, другой, третий, и килечный король вдруг взорвался в лохмотья. Достались заряды и спутанному арматурой воющему бычине, и там, где жарко полыхала килечная инспекция, тоже раздались хлопки.

Посреди двора теперь устало сидел один Яроволк. Этой славной ночью он не был киборгом. Ещё днём Филин отключил товарищу батарею и рассоединил всё, что рассоединялось. Потому и мосоловы электрощупальцы на звероволка не действовали. На трёх штурмовых киборгов шёл самый обычный человек из костей и мяса.

Несколько зарядов ударили в город, в район рынка и даже за гору, на Марата. Парочка ушла к старому кладбищу, где стоял новообрядческий храм Афанасия Великого. Возможно, кому-то нерасторопному досталось, а может, Длань просто среагировала на невыключенную по тревоге электронику. Ведь не стал бы, в самом деле, пономарь раздавать по случаю старые долги?

Небо опустело, сирена затихла. В наступившей тишине зажглись окна и фонари. Со всех сторон близился многоголосый гул: параномарь Дементий направлял на помощь поднятых набатом прихожан. Яроволк улыбнулся и аккуратно прилёг на спину, очень уж притомился. Под ним расплывалась лужа крови и масла. Макошь-матушка завершала дивное кружево звероволчьей судьбы. Он был счастлив.

17. Чемодан с сотней ножек

В эту самую секунду Ваня Филин лежал на пенке в фильтровентиляционной бомбоубежища. Тело его слабо подрагивало, изо рта по щеке сползала нитка слюны. Глаза, полные горьких слёз, глядели в разные стороны. Ваня на много тоненьких внутренних голосов оплакивал свою горькую судьбу и почти полную гибель. Только что его было девяносто три, и вот осталась только двадцать одна, причём две мины дышали на ладан. И к нагрудным контактам, и к присоскам на Ваниной голове шли провода от нетбука и кондового армейского блока управления минным полем, видом и весом напоминавшего кирпич. Прыгающие мины, потеряв твёрдое руководство, сползлись к Филину и скакали вокруг, растерянно пихая хозяина в бока.

Днём, как и велел пономарь Дементий, Тайгу со Зверофейчиком отвели в храм Иоанна Предтечи. В трейлере-трапезной церковник возложил могучую длань на голову звероволковой жены, и та тотчас уснула. Похоже, у параномаря стояли какие-то церковные модули. На природного язычника Зверофея всё это вообще не сработало. В действие вступил план «Б»: Яроволк усадил сына на колено, погладил по ушастой голове.

— Зверик, ты у меня ведь умный мужичок. У нас с кумом Филином сегодня важные дела, так что ты остаёшься за главного и присматриваешь за мамой.

— Какие дела? — деловито осведомился малыш. Яроволк тяжело вздохнул и выложил всё. Это заняло минут пять. Зверофей важно покивал и молвил:

— Я всё понял. Иди, папа, всё будет хорошо. Я пригляжу.

И опять Ваня Филин убедился, что честность — лучшая политика.

Затем Филин полдня колдовал над Яроволковой электроникой, разъединяя, закорачивая и даже кое-что перекусывая. Ваня позавидовал гиганту: пользуясь своей комплекцией, тот ставил себе армейские модули, тяжелые и надёжные, как топор. Такие не всякий электромагнитный импульс возмёт. В «Кибермаркете» ничего подобного не продавали, но если ты правая рука Князя Теплостанского… К ужину звероволк, залепленный медицинским скотчем, был готов к встрече с контролёром.

Ещё утром на совете с Князем товарищи прикинули, что нападающие постараются уничтожить сам водопровод: если просто поубивать теплостанцев, в керченской элите начнутся ненужные преступному Фоме делёж и грызня. А нет объекта — нет проблемы. И вози дальше свою воду цистернами.

Было решено, что Яроволк задержит нападающих с парадного

хода, не пуская их в помещения, а Филин из бункера станет админить минное поле в галереях объекта. Кроме Зверофея и всякой запретной электроники Тайга привезла из Тёплого Стана целый станковый рюкзак мин. На резонный вопрос, что значит админить минное поле, Филин получил классический ответ: «Тебе понравится». Обнаружив супостатов, Ваня должен их задержать, а затем поднять большой шум на поверхности. И тогда церковник Дементий будет кастовать свою таинственную Длань Войно-Ясенецкую.

Уже в сумерках Яроволк поставил Ваню на боевое дежурство. В глубине горы, в руинах фильтровентиляционной, киборг был уложен на пенку и заботливо укрыт тёплым клетчатым пледом. Подсоединив товарища к электронике и автомобильному аккуму, звероволчище вывалил на пол из рюкзака гору консервных банок и напечатал кое-что в консоли нетбука.

Филин обмяк. Банки оживились. Каждая раздвинулась, как маленькая гармошка-концертино, обнаружив даже гармошечную резиновую гофру между торцами. Торцы дисков оказались большими присосками, которыми мины ловко липли к гладким поверхностям. Куда не удавалось присосаться, мины магнитились или цеплялись крепкими лапками.

Некоторое время устройства пьяно раскачивались, а затем весёлым стадом запрыгали в пролом пола комнаты — это и был проход в водопроводные галереи. Филин, похоже, освоился с управлением. Яроволк удовлетворённо кивнул и пошёл на свой пост. Несколько мин увязались за ним — прикрывать тылы, и чтобы не скучал один.

Филин чувствовал себя валенком, брошенным в курятник. Давно не включавшиеся железяки бузили и резвились, норовили пройтись колесом, поприсасываться к стенам и потолку и просто попрыгать. Два аппаратика буцкали третьего, и Ваня цыкнул на них строгим внутренним голосом. Все мины разом присмирели, построились в колонну по две и запрыгали туда, куда с самого начала было велено: в конец галереи, в каменный кувшин, через который Филин, Рамен и Яроволк впервые проникли в водопровод. Там же ожидалось проникновение врагов.

Ваня повсюду попрятался минами, по укромным щелям, под камнями и мусором, тремя аппаратиками вылез через колодец на склон горы и тоже попрятался. Затем послушал окружающий мир и закайфовал аж до дрожи. Обычно он пользовался лишь собственными микрофонами, а выносных по бедности имел только три, и те в Теплаке. Теперь же ушей у него было ровным счётом девяносто пять, если считать те два тёплые, что от мамы с папой. Он раскинулся больше чем на гектар. Вздохи земли,

коптеры в воздухе над рынком, беседы людей на улицах, шлепки падающей с ветвей алычи, лязг тележных колёс по брусчатке… Звукопроцессор немедля начал жрать электричество и жечь Ванино подбрюшье, а затем забрал в своё пользование всё электрическое, что было в Филине и могло хотя бы сложить два и два. У самих мин тоже нашлись вычислительные ресурсы, и немедля были задействованы. Мало кто справился бы, но у Вани был значок «мастер-киборг», а их за так не дают.

Эхо телег отзывалось в гроздьях подземных камер, широкими полосами-ярусами залегших по всему склону Митридата от далёкой улицы Чкалова, далее над водопроводом и до улицы Свердлова у моря. Это были склепы древнегреческого некрополя: за много веков греки вырыли их сотни. Теперь Ваня расслышал их все до одного, с точностью до полуметра. Под улицей Желябова склепы были пусты и связаны в огромную систему паутиной грабительских лазов. В некоторые из них вели скважины с поверхности. Над одной из таких дырок некто, шурша газетой и кряхтя, опорожнял кишечник в подземную полость. Так вот о чём говорил Рамен, вот что керчане делают с древними склепами! Мины сочли, что это отвратительно и аккуратно занесли все склепики на электрокарту.

Ещё звукопроцессор разобрал, что и выше, и ниже водопровода в теле горы расходятся и перекрещиваются многочисленные ходы — там капало, и также гуляло эхо от колёс. Ходы тоже легли на карту.

Стемнело, в деревьях затрындели козодои, походка горожан замедлилась и у многих стала пьяно-неровной. На боевом посту в доме звероволк, гадский папа, заказал себе три пиццы и теперь вкусно жрал. Мины услышали, как поблизости во дворе рыбинспекции собираются недобрые люди, числом восемь.

Главным у них был килькин царь Мосолов. Он шуршал чертежами и скрипуче инструктировал злодеев, матерно кроя неверных чеченов, которые не пришли. Преступный Фома минам совсем не понравился. Через ближайшую мину они вкратце пересказали Яроволку содержание речи Мосла, заодно обругав за пожирание пиццы в одно рыло. Всё начиналось.

Двое злодеев остались в здании килечного управления, двоих Мосёл повёл к месту засады Яроволка, а трое, шипя и матерясь, пробрались через колючки вверх по склону к входному колодцу. Пару минут они сопели, опуская вниз на верёвке здоровенный чемодан, затем с пыхтением слезли сами и вот уже три злодея с чемоданом и мотком проводов встали в белокаменном кувшине в окружении попрятавшихся мин. Мины посоветовались и решили начинать.

Специально для этого момента была заготовлена одна медицинская мина с парализующими иголочками. Хлопнуло, и незваные гости, утыканные, как ежи, мягко осели на землю. Однако яд лишь оглушил их, да и действовал не мгновенно: двое врагов тянулись к чемодану, и уже открывали замки.

Тут уже было не до человеколюбия. Пыхнули негромкие взрывы, и вмиг всё закончилось. Ударные ядра из жидкого металла нечувствительно пролетели через злодейские головы и процессоры, оросив кровью каменные стены. Три сердца более не бились. Одним из погибших оказался знакомый по Старокарантинским каменоломням «счастливчик» Шашель. Это многое объясняло.

Мины признали, что они большие молодцы, и почтили память взорвавшихся товарищей общей краткой грустью. Но дело ещё не кончилось: следовало навести шороху на поверхности. Собравшись в кружок вокруг объёмистого чемодана, мины загалдели, обсуждая дальнейшие планы. В чемодане было пуда полтора простецкого тротила и взрыватель — для него и предназначались провода. Тащить всё это наверх через колодец, а потом через кусты нечего было и думать… Но есть ещё и подвал с засыпанной кинескопами лестницей на поверхность!

Через минуту два мосоловских бойца, сидевших на лавочке с обрезами, смогли наблюдать удивительное. Клумба во дворе их здания харкнула вверх фонтаном земли, камней и кинескопов. Из образовавшейся подземной дыры по каменным ступеням стремительно выбежал до боли знакомый чемодан на множестве толстых ножек и, совершив боевой разворот по двору, вломился прямо сквозь двери внутрь килечного управления. Мины, тащившие поклажу, разом взорвались. Тротил тоже сдетонировал, валя каменные стены и срывая крышу с дома.

Глубоко под землёй Ваня Филин, разом потерявший две трети себя, глухо застонал, и общее сознание минного поля рассыпалось…

18. Быстрый Зверофей

Как только жахнула шумовая граната на Дворянской, иеропарамарь Дементий Чеглоков тотчас учинил с телефона массовую рассылку всем вменяемым прихожанам Иоанна Предтечи. Был у него в телефоне такой отдельный список контактов, не очень большой. Заранее составленное сообщение об общем сборе на пересечении Дворянской и Дубинина улетело одним нажатием кнопки. Вторым звонком пономарь объявил по

всей Керчи кибертревогу — у церкви были такие полномочия. Затем велел Зверофею присматривать за спящей Тайгой и галопом выбежал из трейлера, заперев дверь.

Вскоре пономарь показался из дверей древнего храма. Он с натугой тащил вязанку картонных труб в руку толщиной, перемотанных скотчем. Поделка напоминала забытый в чулане новогодний салют-переросток, который русские так любят запулить в небеса по любому праздничному поводу. Вот только праздника никакого не было, и это вовсе не был салют. То есть, конечно, салют, и даже использованный, но переснаряжённый — работа отняла у пономаря весь вечер.

Название страшного оружия происходило от святого Луки Войно-Ясенецкого, архиепископа Симферопольского, великого искусника гнойной хирургии и периферической анестезии, спасшего своими операциями тысячи рук и ног. Тот родился в Керчи, и слева от входа в храм Иоанна Предтечи о том была мемориальная доска — тем и исчерпывалась вся причастность святого к орудию убийства. Воистину, неисповедимо чувство юмора Божие.

Криво поставив Длань Войно-Ясенецкую в середину газона, Дементий зачиркал зажигалкой, поджигая запальный шнур. Зашипело. Отбежав в сторону, Чеглоков прикурил от той же зажигалки самокруточку и пронаблюдал, как из труб с грохотом вышибных зарядов вздымаются в облаках пыли огненные шнуры. Из вышины пришёл телефонный звонок — длань скинула данные наведения. Параномарь просмотрел маркеры на ганеша-карте и удалил из списка целей лишние, в том числе себя и Яроволка. Всё-таки систему обрубанием проводков так просто не проведёшь. Зловредному Фоме церковник, напротив, ещё добавил стальных клювов в темечко. Длань кратко ударила и погасла, оставив после себя лишь дымящийся картон да острый запах селитры в половине города. Небеса опустели. Дементий Чеглоков осенил себя крёстным знамением, поправил обрезы на портупее под рясой и гигантскими скачками понёсся туда, куда ушла большая часть зарядов — на пересечение Дворянской и Дубинина, к Теплостанской экспедиции.

В окошке трейлера-трапезной скрипуче отъехала форточка, и на газон рыбкой скользнул маленький Зверофей. Покрутив круглой головой, он оценил обстановку, подсмыкнул треники и засеменил за дядей Дементием. Пономарь бегал куда как быстрее, на маленьких ножках за ним было не угнаться. Малыш фыркнул от возмущения и включился. С самого начала жизни в Керчи мама запрещала играть с прекрасными модулями, поставленными ему на день рождения. А без них — разве

побегаешь? Крошечный киборг со свежей системой загрузился за какую-то секунду.

Чеглокова, несущегося по Дворянской улице, овеяло шелестом ветра: его обогнала маленькая размытая от скорости фигурка.

В глубине бомбоубежища Филин наконец-то собрал себя в кучку, вытер сопли и прогнал скачущие вокруг мины в галерею — сторожить тылы. На карачках Ваня быстро пополз к выходу — ноги не держали. Первое, что он увидел, с трудом отворив ржавую дверь, был Яроволк, горой лежащий посреди двора в тёмно-кровавой луже. Его грудь вздымалась с хрипом. В стороне, опираясь на забор, шатался последний мосоловский телохранитель, тот самый бычара, которому ещё в начале боя выжгло электронику. В руке злодея плясал обрез, направляемый в голову лежащему киборгу.

Ваня выхватил пистолет и тут же выронил: глючный стрелковый комплекс своей молодецкой напругой доломал ему треснутое ещё в Геленджике ребро. В глазах заплясали звёздочки и красные окошки ошибок. Чортова железяка! Со всех сторон к дому приближались голоса, плясали фонарики в руках бегущих людей. Но не успевали, никак не успевали…

Филин беспомощно наблюдал, как бандит с трудом прицеливается и начинает выжимать спуск, но тут от пролома в заборе метнулась серая молния. Выстрел грохнул, картечь высекла искры из брусчатки в дальнем углу двора, а на руке стрелка повис вцепившийся Зверофей. Бычара взревел, размахиваясь маленьким тельцем, но тут сверкнуло, сухо треснуло, словно ветка в костре, и вражина рухнул оземь. Дарёная дедом Святогором старая командирская зарука на восемьдесят киловольт отработала на славу. Запах озона перекрыл вонь крови, масла и тротила. Малыш Зверофейчик с разбегу въехав коленями в масляно-кровавую лужу, обнял отца.

— Папа… Я… Я разрешу тебе играть в мои сохранёнки в Транспорт Тайкуне! Не помирай!

Яроволк медленно поднял огромную ладонь и погладил сына по голове.

19. Старинная славянская забава

После взрыва рыбинспекции по Керчи ударной волной прокатился лихой погром, старинная славянская забава. У жителей давно накипело. Разбуженные взрывами, обыватели сонно вылезали за новостями в интернетики, и видели там массу

интересного.

Админ керченского форума в отчаянии грыз ногти: целая новая ветка сообщений росла и росла. В сеть упадали фотографии, видеоролики и тонны иного компромата, всё то, чем Сатыровы столь щедро поделились с теплостанцами прошлым утром. Админ ничего поделать не мог: пароль учётки не подходил. Более того, с его родного аккаунта постил какой-то хмырь с местечковой лексикой. Когда в постингах замелькало имя самого админа, тот вдруг успокоился. Покидав в рюкзачок что попало, надел тёмные очки и парик, забытый у зеркала его вчерашней девушкой, скользнул в дверь да и был таков.

Сайт мэрии также неузнаваемо преобразился. Теперь он освещал самоотверженную работу мэра Подсадова и его приближённых с оригинальной стороны. Через десять минут после взлома толпа разъярённых бабулек выпихнула замешкавшегося градоначальника прямо в окно его собственной спальни, что размещалась по соседству с кабинетом.

С газона ушибленного чиновника подхватили руки секретарей и заместителей. Избитая кучка хорошо дефенестрированных чиновников унеслась на моторке за пролив, в Тамань, к кровожадным дикарям.

Национально озабоченные граждане по старинной традиции сбились у ворот судоремонтного в факельную колонну, как давно мечталось, и зашагали к синагоге на Козлова, предвкушая жестокую забаву. Однако по пути то один, то другой погромщик заходил с мобильника на городской форум, обнаруживая там интереснейшие факты, и тотчас растворялся в ночи. До ворот синагоги дошли лишь семеро упёртых. Евреев за воротами не оказалось — были заняты какими-то другими делами. В общем, не задалось.

Кровь пролилась лишь в Заповеднике. Выдернутого из постелей директора как есть, в пижаме, прямо во дворе музея насмерть закидали древнегреческими надгробиями хрупкие бабушки-смотрительницы. Филин так и знал, что недаром их опасаются.

Учёный Секретарь отделался легче: ему порвали анус и щёку рулонами исходящей и входящей документации. Соответственно. Археологи все бумаги специально на квартиру чиновнику занесли, не поленились.

Вместо заглавной страницы сайта Керченской инспекции рыбных ресурсов Фомы Мосолова теперь висело большое подробное фото свежевымытых женских гениталий, как бы намекая. Дальше красовались скриншоты, где килькин повелитель всяко машет своими щупальцами вокруг Яроволка.

За запертыми дверями Управления правопорядка на Ленина в основном царила паника. Кто-то жёг документы, забыв об их непременных электрокопиях, толстый участковый Симонов со свежесбритыми усами прыгал на одной ноге, переоблачаясь в цивильные шаровары. Начальник Управления безвестно отсутствовал, видимо, уже навсегда.

Островком спокойствия оставался подвал. В сводчатом тоннеле серверной, бывшем винном погребе, в самокруточно-табачном мареве заседала пёстрая компания молодых оперов и выпихнутых на пенсию офицеров. Собравшись по сигналу престарелого комиссара Мартова со всего города, они присматривали за отключёнными от греха подальше серверами, попивая кофеёк с самогоном. Общество разражалось взрывами хохота, когда Мартов зачитывал с экрана нетбука особо ядрёные сообщения керченского форума. Всё самое интересное комиссар на всякий случай копировал на диск и в облако, просто-таки лучась особым полицейским счастьем. В город решили пока не выходить. Всё-таки нерабочее время.

Погром закончился так же внезапно, как и начался, удушенный твёрдой пастырской рукой пономаря Дементия. По степи во все стороны тараканами разбегались вчерашние владетели Керчи, пешие, конные и машинные.

Никто так никогда и не связал действия неизвестного наглого хакера с Князем Игорем, обретавшимся в бесконечно далёком и наверняка заснеженном Тёплом Стане. Ну а Тараса Наливайченко, скромного рыночного старьёвщика, даже его старая еврейская мама ни в чём не заподозрила. Потому что ну я вас умоляю.

20. День Рыбака

Погром погромом, но День Рыбака никто не отменял. С восходом Солнца произошла генеральная уборка Керчи. По Дворянской бродили сияющие стекольщики с вязанками оконных стёкол, на глазах обращая их в пачки ассигнаций. Понурые дворники с натугой сгребали льдистые груды осколков и скинутые с крыш каменные блоки. Наконец-то проснулись пожарные. Обе их престарелые поливалки были в работе. Одна орошала морской водой чадящие руины килечной инспекции, чтобы не воняло, а вторая отмывала залитый кровью и маслом двор Теплостанской экспедиции.

Наконец, к полудню всё было приведено в относительный порядок. Всем керчанам без изъятия пришло текстовое

сообщение, и на центральной площади с грифоном собралось как бы не полгорода. Все лица были обращены к обшарпанному белокаменному кубу на газоне перед телеграфом — это и был фонтан Гущина.

Вода ещё не текла, но из-под земли доносились глухие удары. Духовой оркестр играл марш авиаторов. Получалось бодро, хоть и нестройно: из оркестра в ночи сбежали дирижёр и басист, по совместительству финдиректор пожарной части.

Народ на площади активно шушукался про ночные события — такой динамичной ночки в Керчи уже лет семь не выдавалось. И кто бы мог подумать, что начальник рыбоинспекции, как его там, мужчина положительный, красивый, полный — вдруг окажется киборгом-терминатором? Вся Дворянская вот этими вот собственными глазами видела, как он, уже разоблачённый, в бессильной злобе жалил своими жалами геройского полковника из Тёплого стана, а потом полгорода взорвал, только Дланью Войно-Ясенецкой и угомонили гада… В интернетиках все новостные агентства смаковали живописные видюшки битвы, снятые в ночи любопытными бабками из окон. А около Иоанна Предтечи уже поставили ящик с крестом — на перезарядку длани собирают, а то как же?

В первых рядах собравшихся стояли герои торжества. Яроволк, по-мумийному замотанный медицинским скотчем, распирал собой изнутри белоснежный мундир воеводы левой руки с теплостанским шевроном. Фтизиатр Догвадорж штопал пациента всё утро, сотворив медицинское чудо, а попутно с небрежной лёгкостью выбил теплостанцам лицензию на работу киборг-модулей. В медицинских целях. Звероволков медблок работал на форсаже, но киборг всё ещё тяжело опирался на трость. С другой стороны дипломата подпирали сияющий как медный пятак Зверофей и смурная спросонья Тайга в праздничном индейском наряде.

Сам добрый доктор Догвадорж в ослепительном халате и при шапочке стоял тут же, готовый лечить и исцелять. У ног его верной оруженосицы Анны Андреевны имел место быть двухпудовый белый саквояж с красным крестом и острым медицинским запахом. Жугдэрдэймидийн Огиевич был крайне недоволен прытью своих больных. Кроме того, после бегства толпы психиаторов фтизиатр внезапно оказался главным медиком в городе. Отпуск айболита был непоправимо испорчен.

Между публикой и фонтаном в ладанных облаках блуждал, размахивая кадилом, маленький священник в сопровождении двух служек в белом. Это был протоиерей Иона, настоятель Иоанна Предтечи. Владыка, теряясь в жёстких складках золотого

одеяния, глядел бездонным взглядом в небеса и блаженно пел псалмы. Кажется, он был не вполне в курсе ночных событий.

А серый кардинал Дементий Чеглоков в праздничной серой рясе возвышался вообще в стороне, за толпой, на крыльце вавилон-центра «Фокстрот». Старший иеропараномарь удостоверился, что всё идёт, как идёт, и теперь лениво собеседовал с Ваней Филином. Ваня в сланцах и линялой футболке распивал пивко под самокрутку у знаков, запрещавших пить, курить и жить. Глаза Филина всё ещё косили в стороны, правая рука висела на цветастом платке через шею, и киборг спешил радоваться жизни, пока окончательно не развалился.

Фонтан недобро заурчал, наполняя фильтры, но прежде истечения вод состоялся парадный выход старого диггера Рамена. Очнувшись поутру, старой затребовал участия в торжестве, и теперь именно он включал воду. Никто ему не препятствовал — кому охота в грязь? Да и не знал никто, как там у него всё внизу устроено.

Между оркестрантами с лязгом отъехал в сторону люк. Бас-геликон в панике дал изумительно фальшивую ноту. Музыка стихла. Из влажной подземной тьмы воздвигся диггер во всём блеске диггерской славы, с метровым разводным ключом на манер трости. Старичина был облачён в новенький синий комбез, синюю же пецлёвую каску с фонарём-коногоном, забродные сапоги и зачем-то в альпинистскую обвязку. Весь Рамен был покрыт неизбежным слоем грязищи в палец толщиной.

Временная директриса заповедника Лилия Остаповна в парадном синем платье порхнула к диггеру и, не чураясь грязи, выдернула того к самому фонтану. Там они и стояли, взявшись за руки, когда из мятой посеребрённой трубки-поилки выхлестнула тугая ледяная струя. Долетев до беломраморной плиты, вода разбилась на сверкающие на Солнце хрустальные брызги и радугу.

На поверхности мрамора твёрдая рука стройбатовского киборга высекла ГОСТовским шрифтом вот такие слова:

Фонтан Гущина
возобновлён на радость жителям Керчи
общиной Храма Иоанна Предтечи
и киборгами Княжества Тёплый Стан
в День Рыбака.

Тёплый Стан, 2015

Дама и её багаж

С севера зашёл штурмовик, и первый рубеж стального купола пропустил его — были насмерть заняты целым роем маленьких, непонятно зачем запущенных «Велесовых ос». Теперь-то понятно, зачем. Ископаемый Ил-2, ведомый неизвестным мастером, сбривал верхушки деревьев, ускользал от радаров в оврагах и всё-таки сумел достичь зоны запуска. Из-под крыльев самолёта во все стороны шипящими змеями рванулись заряды. Три или четыре сразу нашли цели на земле, вынося всё, что хоть немного фонило электричеством. То есть ловушки из бенгальских джеммеров. Воздушная тревога уже была объявлена, и в прочих отношениях в уездном городке царила электрическая тишина. Стая быстро осознала этот факт, так что одни заряды, те, которые помощнее, ушли вверх, раскрыли винты и стали глядеть на местность, соотнося её с Ганеша-картами и стремительно покрывая целями первичными, вторичными, резервными и просто непонятными пацанами и дедом, пьющим самогоновку на завалинке. Остальные стали лениво нарезать круги над притихшим городом. Штурмовик, сделав своё чёрное дело, низами пошёл на родной аэродром. Никому до него уже не было дела. Лётчик в кабине пел залихватскую песню о пламенном моторе и хохотал — в который раз он выжил, даже летая на этом гробу.

Несмотря но войну, мирную жизнь в сельской местности не удавалось прекратить никогда. Как бы ни распалялись противоборствующие стороны, всегда оказывалось, что между двумя линиями окопов уже кто-то посадил картошку, а на нейтралке пасётся коза — причём с бабкой!

Стоило задеть хоть кого-нибудь — и железные клювы журналистов, экологов, козоведов и бабколюбцев немедля начинали терзать вашу печень. Так что войны грядущего, то есть настоящего, стали крайне точны, ювелирны и осмотрительны.

Почувствовав себя на излёте, кумулятивные заряды рванули ко всем крупным металлическим целям, особенно горячим. Не повезло асфальтоукладчику, и вообще всей затее укладки асфальта в целом. Закономерно обрели своё и все крупные бронированные цели, то есть два БТРа на перекрёстках, инкассаторская машина и целый пассажирский автобус. Тут, видимо, наконец-то проснулся оператор наведения, и все остальные заряды ушли врассыпную по гаражным боксам. С автобусом нападающий явно напутал, и по понятиям перешёл на тёмную сторону. Теперь с ним можно не церемониться.

С каждой крыши города поднялись в небо обычные

воздушные змеи, которые просто с антеннами, а которые с датчиками, и многие ещё и со взрывчаткой. Стоили они копейки. Кроме того, Яроволк сохранил всю артиллерию, теперь вылезавшую из гаражей и убежищ. Можно было встречать вражескую броню. Тут в плечо Яроволка врезалось что-то тяжёлое. Вскричав, воевода пулей слетел с офисного кресла. За спиной стоял хмурый Зверофей, помахивающий хрестоматией по русской литературе — размером с телефонный справочник. Кто, ну кто додумался выдавать семилетним детям такие огромные учебники?

— Ты обещал стихи со мной почитать, — обиженно пробубнил Зверофей, — а сам уже два часа играешь.

Вообще-то да. Яроволк на секунду нырнул обратно в учения и под возмущённые крики товарищей объявил себя убитым при неосторожной чистке личного оружия. Посмотрим, как ребята сами справятся. Звероволка особенно забавляло, что любые персонажи на вечерних открытых сборах дружины могут оказаться игроками. Вот, например, та бабка с козой, что неизменно торчит на нейтральной полосе, она каждую игру богато опыта добывает и что-то там себе прокачивает. Видимо, бабкость и козоведение. Ну и денег подымает, хоть на квартплату, а хватит.

Современные педагоги не приемлют простого зазубривания. Этого изуверам уже давно мало. Они хотят, чтобы ты пропустил произведение через самый кишечник своей души, познал его так и этак, да ещё и доказал им, что теперь ты этому литературному шедевру как минимум брат. Поэтому на завтра Зверофею предстоял доклад на тему «Мир и личность дамы с багажом». Стандартная формула означала, что надо выучить стих и после декламации претерпеть десять минут позора, отвечая на тупые наводящие вопросы острыми цитатами из того же стиха. Зверофей это прекрасно знал и отлично умел, но не мог упустить случая вцепиться в папину шею и попить свежей папиной крови. Отец — значит, исполняй отцовский долг, педагогируй. Стихи читай, кашу вари, танцы пляши. Ну ладно же.

Значит так. Самуил Маршак, так сказать. Классик. Дама сдавала в багаж: диван, чемодан, саквояж, картину, корзину, картонку и маленькую собачонку. И выдали даме на станции четыре зелёных квитанции.

Какой тут у нас мир и личность у этой дамы? Прежде всего, кто она такая? Сразу понятно, что беженка. Чтобы одна, да с диваном, куда-то ехать… Самый ужас — когда они с пианино куда-нибудь прут через полстраны. Глаза вытаращены… Чемодан, саквояж. Да, точно вот — картина. Очень модный аксессуар

эвакуационной толпы. Картонку — ну, это, наверное, для мягкости, чтобы лежать на ней. Тоже полезная штука, но пенка лучше. Непонятно, зачем её в багаж сдавать. Я бы в вагон с собой взял.

В общем, едет дама далеко и надолго. Всё-таки там её, наверное, встретят — а то как-то смело диван с собой тащить.

И ма-аленькую собачонку. Притом такую, которую можно сдать в багаж — очевидно, в спящем режиме. Вот эта собачка — она сильно меняет всё дело. Маленьких собачек так просто не выдают. Только к важным персонам, да ещё к мастер-киборгам боевых специальностей после отставки приписывают маленьких собачек, ну, не совсем уж маленьких, нормальных таких электрособачек… Чтобы пёсик мог защитить героя войны от всяческих напастей, а когда начнут сыпаться модули — чтобы служил поводырём и даже менял памперсы. А попутно пёсик приглядывает, чтобы терминатор на пенсии не набедокурил чего. Например, если тот под подпиской — чтоб не ходил куда не положено и не болтал. Что-то совсем грустные обстоятельства у нашей дамы

Всё объясняют вот эти вот четыре зелёных квитанции. Кто с ними дело имел, вовек те бумажки не забудет. Это обходной лист, ведомость из финчасти, приказ о разжаловании и перерегистрация присяги с боевой на штрафную. Эх, дама, милая, что ж ты натворила… Небось, интриги какие-нибудь при штабе крутила. Похоже, отправляют тебя в ссылку.

Вещи везут на перрон. Кидают в открытый вагон. Готово. Уложен багаж. Ну правильно. Что с багажом репрессированных церемониться? Здесь Зверофей уже зашмыгал носом от сочувствия.

Дальше события приняли совсем уже печальный оборот. Как только поезд начал отходить, собаку изъяли. А то иначе как это «сбежал из вагона щенок»? Он же упакованный! А потом на станции Дно выдали по ведомости вместо понтовой городской модели дубового пса-конвоира, к таким на лесоповале зэков приписывают. Вот такой тебе сюрприз-нежданчик, цаца городская. А деньги за пёсика поделили, небось.

Яроволк хорошо помнил станцию Дно. Поле рельсов до горизонта, залитое либо солнечным, либо безжизненным фонарным светом — солнцем мёртвых. Жизнь в тёмных очках. Спирт на патроны, патроны на спирт. Со всех сторон едут поезда, и тут же стоят разбомбленные, сожжённые разграбленные составы. Шляются выцветшие человеческие тени. Носят вареники с картофелем и тёплое пиво «Чорный принц». Гнусаво орёт громкоговоритель, куда какой состав подают.

Новосокольнический под посадку на тридцать восьмом пути — и люди лезут на крыши товарных вагонов, над целым морем таких вот ничего не понимающих голов. С диванами и картинами. Их эшелон стоял там трое суток во время Великолукского отступления. Собаку там подменить было — как делать нечего, там хоть слона подменяй.

И куда же даму отвезли? В Житомир! На подмандатные территории, в гетто… Ну точно, высылка из страны под надзор властей союзной державы. С передачей присяжного кода. Так же американцы негров продавали в низовья реки. В девятнадцатом веке. Ох, что-то дама натворила.

А то ещё бывают такие штуки — дворцовые перевороты. Когда для принцессы или дочки первого секретаря за какие-то минуты всё в жизни меняется… Хорошо хоть жива осталась. Вот о чём стишок-то…

Пришедшая с рынка Тайга с удивлением обнаружила домашних всех в соплях и в расстроенных чувствах. Выяснив, что к чему, она только головой покачала:

— Вот вы дурака два куска, оба. Хватит фигнёй страдать, горе мамино, идём ужин готовить.

Мама пришла — и начались обычные вечерние разговоры, про магазин да про абонемент в бассейн, да про то, что курицу надо брать халяльную, не то чтобы она вся из себя натуральная, но хоть количество крыльев и лап в основном сходится. Яроволк заглянул на сайт дружины и обнаружил, что битву без него выиграли. Он тотчас стал ходить гордо и петь воинственные советские песни.

Только маленькому Зверофею всё грустилось. Он глядел в щель балкона на сверкающие под луной леса и равнины замкадья и представлял, как где-то там, в бесприютном Житомире, на пустой стылой платформе плачет несчастная принцесса под конвоем мрачного пса. Трудно жилось предкам.

Наконец, тяжело вздохнув, Зверофей упёрся лбом в бетон парапета и решил, что всё было не так. В неразберихе переворота храбрая дочка первого секретаря успела улизнуть из города, из-под самого носа белогвардейских шпиков, а в пути при помощи хакеров-анонимусов сменила приставленную к ней ищейку на верного пса, преданного делу революции. И документы ему со скандалом выправила, внаглую. А в весёлом Житомире прибилась, конечно, к контрабандистам. И даже стала атаманшей хасидской шайки, а в народе звали её Броня, комиссарская дочь.

А тут и оладьи подоспели.